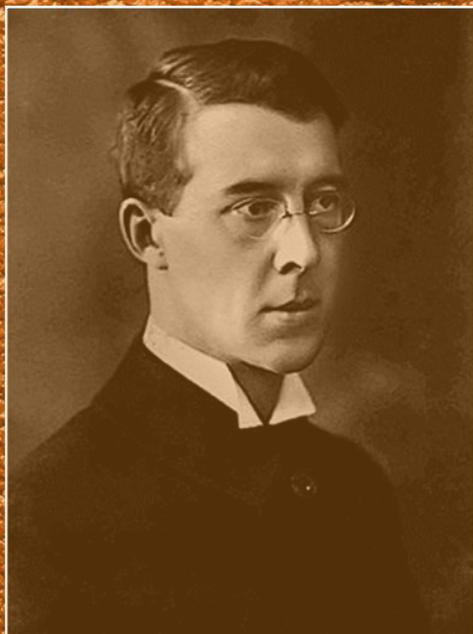

В.Н. Алалыкин-Извеков

**Философско-исторические
воззрения П.А. Сорокина:
генезис и эволюция**

В.Н. Алалыкин-Извеков

**Философско-исторические
воззрения П.А. Сорокина:
генезис и эволюция**

Монография

ТОМСК – 2017

Алалыкин-Извеков В.Н. Философско-исторические воззрения П.А.Сорокина: генезис и эволюция: монография. – Томск: Томский ЦНТИ, 2017. – 166 с.

ISBN 978-5-89702-426-1

Монография посвящена формированию и эволюции философско-исторических воззрений одного из величайших ученых, просветителей и философов истории XX века – Питирима Александровича Сорокина.

П.А. Сорокин разрабатывает концепцию новой, флуктуационной парадигмы, которая сочетает преимущества как унитарно-стадиального, так и плюрално-циклического подходов в философии истории. Научно проанализировав структуру и эволюцию социокультурной вселенной, он приходит к выводу, что существует лишь весьма ограниченное число «конечных истин». На них, по мнению ученого, основаны две основные системы мировоззрения – «идеациональная» и «чувственная». В основе первой лежат недоступные опытному познанию трансцендентные, а в основе второй – земные, чувственные ценности.

На этих системах основаны многочисленные культурные системы, в том числе наиболее обширные, так называемые «социокультурные суперсистемы». Согласно мыслителю, эти гигантские социокультурные образования сменяют одна другую в непрерывном хороводе флуктуаций всемирного исторического процесса. Наряду с ними могут также существовать особые переходные социокультурные образования, например, «идеалистическая (известная также как «интегральная») суперсистема», которая сочетает в себе характеристики двух основных суперсистем.

Так, по Сорокину, в средние века европейской истории превалирует «идеациональная» культура, которой на смену в XII-XIII веках приходит «идеалистическая» («интегральная») суперсистема. Эпоха Ренессанса затем знаменует наступление эпохи чувственной культуры, расцвет которой приходится на XVIII-XIX вв. В конце же XIX столетия западная культура вступает в фазу кризиса.

В первой главе освещается генезис историософии ученого через призму его «социологии ментальной жизни», а во второй – прослеживается ее эволюция. В монографии использованы материалы как из многих до сих пор не переведенных на русский язык работ ученого, так и трудов о нем, а также предлагается оригинальная хронология эволюции его философско-исторического мировоззрения.

Монография предназначена всем, кто интересуется проблемами философии истории, мировой истории, истории философии, социологии и культуры.

ISBN 978-5-89702-426-1

© В.Н. Алалыкин-Извеков, 2017

Содержание

Научная биография	5
Введение	8
Глава 1. «Социология ментальной жизни» П.А. Сорокина как ключ к его философии истории	10
§ 1.1. Российский период.....	10
§ 1.1.1. Детство и юность.....	10
§ 1.1.2. Бродячий миссионер революции.....	19
§ 1.1.3. «Паломничество» в Санкт-Петербург.....	20
§ 1.1.4. Университетские годы.....	25
§ 1.1.5. Революция «как она есть».....	33
§ 1.1.6. Сорокинские «хождения по мукам».....	36
§ 1.1.7. В послереволюционном Петрограде.....	40
§ 1.1.8. В поисках «системы социологии».....	43
§ 1.1.9. Голод.....	45
§ 1.1.10. Изгнание.....	48
§ 1.2. Европейский период.....	49
§ 1.3. Американский период.....	51
§ 1.3.1. Первые шаги за океаном.....	51
§ 1.3.2. Шесть лет в университете штата Миннесота.....	53
§ 1.3.3. Начало работы над «Динамикой» и приглашение из Гарварда.....	56
§ 1.3.4. Первые годы в Гарварде.....	59
§ 1.3.5. Возобновление работы над «Динамикой».....	61
§ 1.3.6. Становление факультета социологии Гарварда как ведущего научного центра.....	63
§ 1.3.7. Дальнейшая научная деятельность и публикации.....	66
§ 1.3.8. Исследуя феномен созидательного альтруизма.....	70
§ 1.3.9. Научная деятельность после завершения работы в Гарварде.....	72
§ 1.3.10. Участие в научных конференциях.....	76
§ 1.3.11. В редкие часы отдыха.....	78
§ 1.4. Размышления о пройденном пути.....	80

Глава 2. Теоретико-методологический анализ эволюции философско-исторического мировоззрения П.А. Сорокина	86
§ 2.1. Проблема периодизации эволюции историософии П.А. Сорокина	86
§ 2.2. Христианско-идеациональный период (1889-1905 гг.)	87
§ 2.2.1. Работы, отражающие христианско-идеациональный период.....	93
§ 2.3. Позитивистско-бихевиористский период (1905-1920 гг.)	94
§ 2.3.1. Работы позитивистско-бихевиористского периода	97
§ 2.4. Переходный период от позитивизма к интегрализму (1920-1937 гг.)	102
§ 2.5.1. Работы переходного периода	105
§ 2.5. Интегралистский период (1937 г.-1940-е гг.)	123
§ 2.5.1. Работы интегралистского периода	125
§ 2.6. Провидческий период (первая половина 1940-х гг.)	133
§ 2.6.1. Работы провидческого периода.....	134
§ 2.7. Альтруистический период (вторая половина 40-х - 50-е гг.).....	140
§ 2.7.1. Работы альтруистического периода	141
§ 2.8. Обобщающий период (60-е гг.)	148
§ 2.8.1. Работы обобщающего периода	149
§ 2.9. Историософия П.А. Сорокина - выдающийся вклад в мировую философско-историческую мысль	151
§ 2.9.1. Возникновение и эволюция унитарно-стадиального и плюрально-циклического подходов к философии истории.....	151
§ 2.9.2. Флуктуационный подход в философии истории П.А. Сорокина	158
§ 2.9.3. Новые направления в философско-исторических исследованиях	159
 Заключение	 161
 Список литературы:.....	 163

АЛАЛЫКИН-ИЗВЕКОВ, ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Научная биография

Алалыкин-Извеков, Владимир Николаевич (род. 17 сентября 1957 г. в г. Свердловске, СССР) – российский, американский философ, учёный, педагог и писатель. Разработчик оригинальных концепций ряда фундаментальных научных областей, включая «цивилизационнику», «философию цивилизации», «альтруистические методы обучения», «компьютерное обучение иностранным языкам» (на материале «русского языка как иностранного») и др.

Специалист по научному наследию ряда крупных учёных и мыслителей, включая российского и американского философа и социолога П.А. Сорокина, британского историка А. Тойнби, американского историка К. Куигли, американского мифолога Д. Кэмпбелла и др.

Алалыкин-Извеков, Владимир Николаевич родился 17 сентября 1957 г. в г. Свердловске, СССР.

Отец – Алалыкин Николай Григорьевич (1931–1988 гг.), окончил конструкторский факультет Военно-механического института в Ленинграде, работал ведущим инженером на ряде предприятий и в научно-исследовательских институтах Киева, Кирова, Львова, Свердловска и Харькова.

Мать - Алалыкина (Извекова) Муза Владимировна (1932-2016 гг.), окончила 1-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков, ставший вскоре факультетом Ленинградского университета. Успешно работала переводчиком с английского и немецкого языков. Автор шести поэтических сборников. С 1993 по 2016 г. проживала недалеко от Кёльна в Германии.

В 1964 году Володя поступает в первый класс школы в городе Львове. В 1966 году семья переезжает в Киев. Атмосфера древнего

города способствует интенсивному интеллектуальному и культурному развитию Владимира. Он много читает и постепенно он открывает для себя всё новые источники и ресурсы мировой цивилизации - библиотеки, музеи, исторические достопримечательности, учебные заведения, концертные залы и театры. В 1974 году Владимир заканчивает среднюю школу номер 177 в Киеве и в 1975 году поступает в Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (ныне: Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко).

В 1980 году Владимир заканчивает филологический факультет университета по специальности «Русский язык как иностранный» и поступает на работу на кафедру «русского языка как иностранного» Киевского государственного политехнического института (ныне: Национальный технический университет Украины). Уже в самом начале своей педагогической карьеры молодой педагог проявляет активный интерес к наиболее эффективным методам и средствам обучения и начинает посещать научные конференции и центры передовых методов обучения в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах страны.

В 1982 г. Владимир проходит сразу три стажировки, в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, в Институте русского языка им. Пушкина и в Академии общественных наук. Стажировка под непосредственным руководством автора «метод активизации возможностей личности и коллектива» профессора Г.А. Китайгородской в Московском государственном университете играет особенно важную роль в жизни молодого учёного. Галина Александровна становится для Владимира одним из первых примеров истинного учёного. Позже он обнаруживает другие примеры для научного и творческого вдохновения - российского и американского социолога и философа П.А. Сорокина, американского мифолога Д. Кэмпбелла, британского историка А. Тойнби, немецкого композитора и пианиста Людвиг ван Бетховена и других выдающихся учёных, мыслителей и творцов.

В 1983 году Владимира приглашает на работу Киевский государственный институт иностранных языков (ныне - Киевский национальный лингвистический университет), где он преподаёт “русский и английский языки как иностранные.” В 1991 г. он успешно защищает первую в мире кандидатскую диссертацию по методике разработки и использования компьютерных курсов в изучении русского языка.

В конце 1991 г. Владимир проходит научную стажировку в находящемся в США Уорнер Пэсифик Колледже (Портленд, Орегон), а в начале 1992 г. принимает предложение преподавать в гуманитарном университете Колледж Льюиса и Кларка в том же штате. Далее Владимир работает в ряде других учебных и научных организаций США, например, в Университете Вандербильта - крупном исследовательском университете, находящемся в городе Нэшвилле, Теннесси.

С 2008 года Владимир Николаевич принимает активное участие в научной деятельности Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (ISCSC) и вскоре занимает в Обществе ряд таких ведущих должностей, как представитель и координатор программ (Россия, Европа), член совета директоров Общества и др. Учёный является лауреатом ряда научных наград Общества, например премии Тойнби-Талбутта (2011) и премии за выдающийся вклад в организацию ISCSC (2012 г.).

В 2008 году Владимир Николаевич занимает пост про-ректора Международного университета общественного развития (МУОР). Он также является членом международных советов ряда таких научных журналов как «Профессиональное образование в России и за рубежом», «Сибирский педагогический журнал» и «Биокосмология – нео-Аристотелизм».

Учёный опубликовал свыше ста научных трудов и около пятидесяти литературных работ в России, США, Германии, Украине и других странах. Он свободно владеет русским, английским, украинским и польским, читает на немецком, церковно-славянском и латинском языках.

В настоящее время Владимир Николаевич работает над докторской диссертацией по научному наследию российского и американского философа, социолога и просветителя П.А. Сорокина.

Введение

Книга, которую Вы держите в руках, посвящена формированию и эволюции философско-исторических воззрений одного из величайших ученых, просветителей и философов истории XX века – Питирима Александровича Сорокина.

Философия истории изучает фундаментальные проблемы структуры и эволюции общества. На протяжении тысячелетий выдающиеся мыслители различных регионов планеты разрабатывают значительное число парадигм исторического развития. Элементы историко-философского описания и анализа существуют уже в древнем Египте, Месопотамии, Израиле, Китае, Индии, Греции и Риме. Далее эстафету подхватывают отцы христианской церкви, арабско-мусульманский мыслитель И. Халдун, итальянский просветитель Д. Вико, немецкие мыслители Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, О. Шпенглер, французы Вольтер и Ф. Бродель, англичанин А. Тойнби, американцы К. Куигли, С. Хантингтон, И. Валлерстайн и др. Фундаментальный вклад в философию истории вносят такие российские исследователи, как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.И. Мечников, Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, Б.С. Ерасов, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Яковец.

Собственно, термин «философия истории» вводит в литературный язык в 1765 г. французский философ-просветитель Вольтер. По мнению российского философа Ю.И. Семенова, философия истории, в основном, рассматривалась с точки зрения двух подходов – унитарно-стадиального и плюрально-циклического.

П.А. Сорокин вводит концепцию новой, флуктуационной парадигмы, которая сочетает преимущества как унитарно-стадиального, так и плюрально-циклического подходов. Научно проанализировав окружающую нас с Вами социокультурную вселенную, он приходит к выводу, что существует лишь весьма ограниченное число «конечных истин». На них, по мнению ученого, основаны две основные системы мировоззрения – «идеациональная» и «чувственная». В основе первой лежат недоступные опытному познанию трансцендентные, а в основе второй – земные, чувственные ценности.

На этих системах основаны многочисленные культурные системы, в том числе наиболее обширные, так называемые «социокультурные суперсистемы». Согласно мыслителю, эти гигантские социокультурные образования сменяют одна другую в непрерывном

хороводе флуктуаций всемирного исторического процесса. Наряду с ними могут также существовать особые переходные социокультурные образования, например, «идеалистическая (известная также как «интегральная») суперсистема» которая сочетает в себе характеристики двух основных суперсистем.

Так, по Сорокину, в средние века в европейской истории превалирует «идеациональная» культура, которой на смену в XII-XIII веках приходит «идеалистическая» («интегральная») суперсистема. Эпоха Ренессанса затем знаменует наступление эпохи чувственной культуры, расцвет которой приходится на XVIII-XIX вв. В конце же XIX столетия западная культура вступает в фазу кризиса.

По мнению ученого, философия истории приобретает особую актуальность именно в кризисные, переломные периоды истории человечества. Таковым, бесспорно, является наше время. Поэтому автор этой книги надеется, что изложенные в ней философско-исторические прозрения П.А. Сорокина помогут решению многих актуальных проблем современности.

В первой главе книги освещается генезис историософии ученого через призму его «социологии ментальной жизни» а во второй – прослеживается ее эволюция. В монографии использованы материалы как из многих до сих пор не переведенных на русский язык работ ученого, так и трудов о нем, а также предлагается оригинальная хронология эволюции его философско-исторического мировоззрения.

Глава 1. «Социология ментальной жизни»¹

П.А. Сорокина как ключ к его философии истории

§ 1.1. Российский период

§ 1.1.1. Детство и юность

Выдающийся российский и американский философ и социолог П.А. Сорокин родился на севере России, в селе Турья Яренского уезда, Вологодской губернии (ныне Княжнопогостский район, Республика Коми), 23 января (4 февраля) 1889 года. Здесь, среди нетронутой ещё «прогрессом» северной природы, прошли первые годы его жизни.

О раннем периоде жизни учёного мы знаем, в основном, благодаря его автобиографическим произведениям². П.П. Кротов отмечает: «В многочисленных работах, анализирующих научное творчество Питирима Сорокина, его автобиография, как правило, остается вне интерпретаций смены его философской парадигмы. «Долгий путь»³, вышедший в свет в 1963 году в США, воспринимается многими исследователями, в том числе и биографами, только как классическое мемуарное произведение. Тем не менее, автобиографию Питирима Сорокина вряд ли можно отнести к историческим мемуарам, хотя перечень исторических фактов в тексте огромен. Кроме того, автор был непосредственным участником переломных в отечественной истории событий. Было бы также недостаточным определить «Долгий путь» как научные мемуары, несмотря на то, что здесь Сорокин дает детальную характеристику практически всем своим работам. В автобиографии нашли отражение научные дискуссии во многом определившие развитие

---

¹ «Sociology of My Mental Life» – название написанной самим П.А. Сорокиным первой главы книги «Pitirim Sorokin in Review» (Прим. автора).

² См. например, Pitirin A. Sorokin. Leaves From a Russian Diary – and Thirty Years Later. Boston: The Beacon Press. 1950. 346 p.; Pitirim A. Sorokin. A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Conn.: College and University Press. 327 p. (Прим. авт.).

³ Название первоначально опубликованной на английском языке автобиографии П.А. Сорокина «The Long Journey» обычно переводится в российских источниках как «Долгая дорога» либо «Долгий путь» (Прим. авт.).

современной отечественной и американской социологии. С моей точки зрения, интерпретация «Долгого пути» как научного исследования, в котором Сорокин анализирует трансформацию своего мировоззрения и свою личную историю, основываясь на постулатах поздней концепции «созидательного альтруизма», открывает новые возможности более глубоко понимания книги и Сорокина – ученого»⁴.

Родители⁵ будущего учёного рано умерли и с 1899 г. десятилетний Питирим вместе со старшим братом Василием преждевременно познаёт необходимость зарабатывать на пропитание, а также нужду и скитания. Братья занимаются унаследованным от отца ремеслом росписи и украшения церквей.

То, что на протяжении всей своей жизни учёный проявляет особый интерес к истории и эволюции изобразительного искусства – не случайно. Подобно великим живописцам и скульпторам эпохи Возрождения, юный Сорокин проходит школу в качестве церковного живописца-подмастерья. Из всего разнообразия выполняемых работ мальчику особенно нравится рисовать иконы и чеканить ризы. Творческий характер этого искусства является причиной его особого пристрастия к нему и быстрого прогресса в освоении тонкого и сложного ремесла. Тяжёлый, нередко опасный, однако во многих своих аспектах творческий труд рано формирует его чувство линии, цвета и формы, воспитывает в нём проявляющийся на протяжении всей последующей жизни учёного интерес к живописи, скульптуре и архитектуре,

Несмотря на трудности, связанные с необходимостью рано зарабатывать на хлеб, П.А. Сорокин позже напишет: «В целом я запомнил эти годы как счастливые и интересные, несмотря на недоедание и другие физические трудности, которые временами обрушивались

---

⁴ Кротов П.П. Автобиография, как отражение альтруистической трансформации Питирима Сорокина. <http://www.komi.com/IRSI/soroktxt.html> (Прим. авт.)

⁵ Отец будущего ученого – Александр Прокопьевич Сорокин (по национальности – русский) был мастером золотых, серебряных и чеканных дел. Мать – Пелагея Васильевна Сорокина (Минина) была зырянкой (представительницей народа коми) и происходила из крестьян. Более подробно см. в А.В. Липский, П.П. Кротов. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина / Питирим Александрович Сорокин / под ред. В.В. Сапова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 606 с.: ил. – (Философия России первой половины XX века). 606 с. (Прим. авт.)

на нас в периоды отцовских запоев. В конце концов, не хлебом единым жив человек, и жизнь бесконечно богаче, чем простое чередование физических удобств и неудобств». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 19).

Наряду с ремесленной работой, мальчик успешно осваивает азы образа жизни человека в естественной гармонии с природой: он проводит много времени с дядей⁶, охотясь и обходя поставленные силки на звериных тропах, сопровождая его в походах за стерлядью и семгой, помогая в обработке земли и сборе урожая. Умелый охотник и, видимо, от природы чрезвычайно одаренный человек, рыжеволосый дядя Василий не только учит мальчика технике сельскохозяйственного и промыслового труда, но и знакомит с лесными секретами: от хитроумных способов ловли осетра до владений различных «духов» – лесовиков, водяных, озерных и даже домовых.

Находя в своей жизни определенное сходство с приключениями неунывающего персонажа Марка Твена⁷, учёный позже отзовется о пользе своих нелёгких «университетов жизни»: «Наряду с отрицательными психологическими моментами в нашей бродячей жизни на самом деле были и счастливые минуты. Путешествуя, мы наслаждались изменчивой красотой пейзажей, наблюдали жизнь животных, вдыхали ароматы леса и лугов, купались и ловили рыбу в чистых протоках, а по вечерам собирались у костра и под звездным небом чувствовали, что нет ничего лучше, чем захватывающая жизнь на природе. В этом постоянном передвижении не было места скуке и ежедневной монотонной рутине.

Наша жизнь представляла собой нескончаемый поток встреч и взаимодействия с новыми людьми, новыми ситуациями, новыми обычаями. В этом смысле она была лучшей школой для умственного и нравственного развития; ее уроки непосредственного опыта были более эффективны и несли больше знаний, чем всё, чему учат

---

⁶ Имя дяди будущего ученого – Василий Иванович Римских, а тети – Анисья Васильевна Римских (Минина). Более подробно см. в А.В. Липский, П.П. Кротов. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина / Питирим Александрович Сорокин / под ред. В.В. Сапова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 606 с.: ил. – (Философия России первой половины XX века). 606 с. (Прим. авт.)

⁷ Имеется в виду Гекльберри Финн – главный персонаж одноименного романа Марка Твена. (Прим. авт.).

в обычных формальных школах. Благодаря этому непосредственно-му жизненному опыту я приобрел больше основ знания о психосоциальном мире, чем из всех книг и лекций. Опыт этот дисциплинировал мой характер лучше, чем все обучение, полученное позднее в различных учебных заведениях. Несмотря на трудности, наша кочевая жизнь была полна радости, разнообразна и волнующа. Как и похождения Гекльберри Финна, она была несравненно богаче, чем жизнь многих городских детей, ограниченная очень узким опытом, приобретаемым за время перехода от детского сада до института. Особенно тех детей, что живут в трущобах наших механизированных городов». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 24-25).

Как и в любом обществе, не обходилось, естественно, и без конфликтов. Вот как мыслитель вспоминает стычку с Ванькой-забиякой – сварливым и заносчивым сыном старосты. Этот эпизод впервые демонстрирует для него разницу между различными социальными группами, а также возможность «на свой страх и риск» отстаивать свои права: «Однажды, когда я возвращался из церкви домой после работы, он стал насмешничать и отпускать обидные замечания по моему адресу. Я ответил на нападки толчком и затем, в последовавшей драке, хорошенько отлупил его. Ванька с плачем убежал. На следующий день, когда я шел утром на работу, его мать, «первая леди села», остановила меня и начала угрожать арестом за нападение на дорогого сынка. Именно тогда я впервые внезапно ощутил себя «пролетарием», несправедливо притесняемым привилегированным классом. Я взбунтовался и вместо извинений с возмущением заявил этой даме, что, если ее дорогой сыночек еще раз нападет на меня, я отлуплю его еще сильнее, все равно, арестуют меня или нет. Никакой кары за мое столкновение с Ванькой так и не последовало, но после этого случая он никогда больше не пытался приставать ко мне». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 28).

Природная любознательность мальчика не знает границ. Рано обучившись грамоте, он взахлёб читает в свободное от недетского труда время. Кочевая жизнь семьи препятствует регулярному посещению начальных классов и окончанию школы. Переезжая из села в село, мальчику удается посещать школы в течение только нескольких дней или недель. Элементарные навыки чтения, письма и арифметики он, вероятно, усваивает с помощью отца и брата. Первым его учителем является простая крестьянка из Римьи,

которая в своем доме учит нескольких деревенских детей читать, писать и считать. Так или иначе, пусть и не регулярно посещая школу, мальчик приобретает элементарные школьные знания, которые он значительно пополняет, жадно читая попадающиеся ему в селах Коми края книги.

Благодаря запойному чтению, мальчик рано знакомится с классиками русской литературы. Он прочитывает Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского и кое-что из переводной классики, например, «Принца и нищего» Марка Твена и некоторые романы Чарльза Диккенса, волшебные сказки и эпические сказания, жития святых и священное писание, исторические труды и книги о природе. Помимо чтения его умственному развитию заметно способствуют беседы и споры с сельскими интеллигентами и просто крестьянами, а более всего непосредственный опыт преодоления трудных жизненных обстоятельств и постоянные встречи с новыми людьми и ситуациями. Эта настоящая школа жизни расширяет и углубляет его общие знания.

Талантливый подросток успешно оканчивает начальную церковно-приходскую школу в селе Палевицы, и, получив небольшую стипендию, в 1901 году поступает в недавно открывшуюся Гамскую второклассную школу.

Эпизод поступления в школу весьма типичен для одарённого подростка. Юный Питирим, собственно, даже и не собирался принимать участие в конкурсе. Однако, выслушав вопросы и найдя их легкими, он неожиданно вызывается быть проэкзаменованным вместе с другими. Победоносно пройдя все экзамены, мальчик принимается в школу и даже получает скромную стипендию размером в пять рублей для оплаты комнаты и питания в школьном общежитии на целый год. В число изучаемых в «школе второй ступени» предметов входят церковнославянский язык, Закон Божий, церковное пение, чистописание, русский язык, природоведение, арифметика. П.А. Сорокин с теплотой отмечает: «Три года в школе заметно увеличили мои знания, обогатили мой культурный уровень, пробудили склонность к творчеству и сформировали мое мировоззрение». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 32).

Одаренный мальчик стремительно проходит четырехлетний курс обучения за три года. Заметив успехи юного Питирима в учёбе, учителя и губернские школьные власти, в том числе известный просветитель народа коми А.Н. Образцов, настоятельно советуют ему

продолжить занятия, а также находят для талантливого подростка средства на скромную стипендию с целью обучения в Хреновской церковно-учительской семинарии Костромской губернии. Юный Питирим даже представить себе не может, как круто повернутся обстоятельства и что его ожидает в течение следующих двух лет жизни.

В августе 1904 г. Питирим отправляется в первое в своей жизни дальнее путешествие. Впервые в жизни он едет на поезде, плывёт на пароходе, газует на панорамы больших городов и промышленных предприятий. И вот Питирим – в своей новой школе.

Трехлетняя программа обучения в церковно-учительской семинарии намного более продвинута, студенты и учителя более сильны, библиотека и учебное оборудование лучше, чем в начальной и второклассной школах, которую он посещал ранее. За малым исключением, лекции и учебники интересны и содержательны. В течение нескольких месяцев подросток становится лучшим студентом в классе, а также лидером в литературной, научной и политической деятельности студентов. Примечательно следующее его мимолётное, однако веское замечание о том, что утверждать себя ему придётся в течение всей его уникальной жизненной и научной карьеры: «Ощущение чужеродности сохранялось некоторое время по приезде в Хреновскую школу. Хотя студенты и персонал никоим образом не были белой костью, тем не менее я, одетый в домотканые вещи, с манерами, лишенными городского лоска, выглядел и чувствовал себя деревенщиной, что давало повод некоторым людям в школе относиться ко мне соответственно моему имиджу. К счастью, такое ощущение и такое отношение ко мне вскоре по большей части исчезли; я быстро приобрел кое-какие городские манеры, купил новый костюм и, наконец, в разговорах с соучениками и учителями, а также на экзаменах показал, что я вовсе не наивный, неотесанный мужлан, каковым казался. Очень скоро я приспособился к новым условиям и чувствовал себя в школе как дома. (Позднее всю жизнь я должен был доказывать снова и снова, что внешность может быть обманчива и что меня следует принимать более серьезно, чем это делали некоторые люди, судившие по первому впечатлению.)». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 35).

Новая среда оказывает переломное влияние на мировоззрение и систему социокультурных ценностей молодого человека. Кроме студентов и преподавателей он встречается с самыми разными людьми: крестьянами, фабричными рабочими, служащими, духовенством,

правительственными чиновниками, врачами, писателями, журналистами, предпринимателями, руководителями местных кооперативов и представителями различных политических партий – социалистами-революционерами, социал-демократами (большевиками и меньшевиками), монархистами, анархистами, либералами и консерваторами всех оттенков. Контактруя с ними, юноша впитывает много новых идей и ценностей, узнаёт состояние общества. Новое окружение, новые знакомства и особенно интенсивное чтение доселе незнакомых ему книг, журналов и газет быстро расширяют и углубляют его взгляды. Новая идейная позиция, занятая Питиримом, укрепляется в результате русско-японской войны 1904 года и особенно бури народного гнева, вылившейся в революцию 1905 года.

В результате происходит дезинтеграция «христианско-идеационального» мировоззрения юноши и замена его новой – «либерально-позитивистской» парадигмой⁸. Суммарное воздействие всех этих сил на юношу столь велико, что всего за два года учебы большая часть его предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных установок разрушается. Религиозность уступает место полуатеистическому отрицанию теологии и обрядов русской православной церкви. Обязательное присутствие на церковных службах, введенное в школе, только усиливает это отрицательное отношение к религии. Его старое мировоззрение и система ценностей заменяются научной теорией эволюции и естественно-научной философией. Приверженность монархической системе правления и «капиталистической» экономике сменяется республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами, а политическая индифферентность уступает место революционному порыву.

Биограф ученого Б. Джонстон анализирует формирование этой ранней философско-исторической картины мира юноши: «Питирим вступил в партию социал-революционеров, а не социал-демократов из-за широкой базы первой, а также воззрений на историю и общественные перемены. Социал-революционеры представляли все рабочие классы и, поскольку Сорокин являлся крестьянином и интеллектуалом, это его привлекало. Кроме того, марксистская

---

⁸ Формирование новой, либерально-позитивистской мировоззренческой парадигмы займёт несколько лет, начавшись в период учёбы в Костроме, и продолжаясь в течение университетских лет в Санкт-Петербурге, т.е. примерно с 1905 по 1914 гг. (Прим. авт.).

экономическая модель общественных перемен виделась ему слишком примитивной. Более открытая модель социал-революционеров, которая подчеркивала идеи, добровольческие действия и индивидуализм, представлялась ему более адекватной и приемлемой философией истории». (Johnston, p. 277).

Юноша превращается в активного агитатора за свержение царизма и руководителя отделения социалистов-революционеров в школе и округе. Сам Питирим замечает: «В отличие от социал-демократов эсеры были партией всех трудящихся – крестьян, рабочих и людей умственного труда. В противоположность марксистскому материализму и взглядам на человека и историю общества сквозь призму первичности экономических интересов философия и социология социал-революционной партии были намного более идеалистичны или, точнее, целостны. Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, борьба за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование. Мое прежнее мироощущение было более созвучно этой, а не пролетарской, материалистичной, экономической идеологии марксистских социал-демократов. Духовной близостью и объясняется, почему я выбрал именно партию социалистов-революционеров и почему на протяжении всей последующей жизни не имел ничего общего с марксизмом». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 36).

Итак, в 1906 году шестнадцатилетний Питирим вступает в партию эсеров⁹, активно включается в процесс распространения среди народа революционных идей и уже в декабре этого же года оказывается в тюрьме города Кинешмы. К его удивлению, тюремный режим оказывается довольно либеральным и даже способствующим интеллектуальному развитию. Политические заключённые могут свободно общаться и им разрешается чтение книг. Так юноша знакомится с трудами Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, К. Маркса, Ф.

---

⁹ Партия социалистов-революционеров (ПСР) – революционная политическая партия Российской империи, позже Российской республики, РСФСР. Входила во Второй интернационал. Эсеры являлись прямыми наследниками старого народничества, сущность которого составляла идея о возможности перехода России к социализму некапиталистическим путём. П.А Сорокин являлся членом партии эсеров с 1906-го по 1918 гг. (Прим. авт.)

Энгельса, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого, Г.В. Плеханова, В.М. Чернова, В.И. Ленина, Ч. Дарвина, Г. Спенсера. Тюремный опыт подсказывает будущему учёному и выбор темы первой научной монографии, получившей название «Преступление и кара, подвиг и награда»¹⁰.

Делясь с читателем своим анализом процесса протекания набирающего обороты революционного процесса, Питирим отмечает его наиболее характерные черты, например, одряхления охранительных механизмов «старого режима»¹¹.

Питирим пишет: «В последние свои часы шатающийся царский режим становился довольно гуманным. Фактически мы, политические заключенные, превратили тюрьму в безопасное место для хранения революционной литературы и за плату пересылали с охранниками на волю письма другим революционерам, свободно навещали друг друга в своих камерах и ежедневно беспрепятственно собирались для обсуждения политических, социальных и философских проблем. (Когда политический режим начинает рассыпаться, «вирус дезинтеграции» быстро распространяется всюду, заражая все институты власти, проникая во все щели. Падение режима – обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима. В случае с нашей тюрьмой мы имели типичную иллюстрацию действия этого принципа. Если революцию нельзя искусственно начать и экспортировать, еще менее возможно ее искусственно остановить. Революции для своего полного осуществления на самом-то деле вовсе не нужны какие-то особенные великие люди. В своем естественном развитии революция просто создает таких лидеров из самых обычных людей. Хорошо бы это знали все политики и особенно защитники устаревших режимов! Они не могут оживить такой отмирающий режим, как, впрочем, и другие не могут начать революцию без достаточного количества взрывчатого материала в обществе». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 37-38).

Ежедневные дискуссии и тщательное изучение работ Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, К. Маркса, Ф. Энгельса, М.А. Бакунина,

---

¹⁰ Хотя 600-страничная монография двадцатичетырехлетнего учёного «Преступление и кара» выходит в 1913 г., на обложке обозначен 1914 г. (Прим. авт.)

¹¹ См., например, для сравнения анализ протекания революционного процесса в «Анатомии революции» К. Бринтона. (Прим. авт.)

П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого, Г.В. Плеханова, В.М. Чернова, В.И. Ленина и других революционных классиков знакомят юного Питири-ма с различными теориями переустройства общества, идеологиями и социальными проблемами. Знакомясь с трудами Ч. Дарвина, Г. Спенсера и других «эволюционистов», а также с другими научными работами и философскими трактатами, Питирим расширяет свои знания о науке, философии, об эволюционных процессах в природе и обществе. Он не без юмора замечает:

«В течение четырех месяцев, проведенных за решеткой, я, по-видимому, узнал больше, чем мог бы дать мне пропущенный семестр в церковно-учительской школе. Это относится и к моим будущим тюремным заключениям при царизме (но не при коммунистах), так же, впрочем, как и к тюремным заключениям многих русских ученых и мыслителей. Некоторые из их лучших работ были задуманы и выполнены вчерне в царских тюрьмах. В академических кругах тогдашней России бытовала фраза: «В тюрьму, что ли, сесть, там хоть спокойно поработаю». Мой опыт это вполне подтверждает». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 38).

В заключении Питирим поневоле общается со множеством преступников – убийцами, грабителями, ворами, насильниками и другими «лицами девиантного поведения», и, таким образом, детально знакомится с уголовным миром. Этот опыт подсказывает Питириму тему его первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда», а также приводит к выбору криминологии и пенологии в качестве области будущей первой специализации в университете.

§ 1.1.2. Бродячий миссионер революции

Через три с половиной месяца юношу выпускают под гласный надзор полиции. Поскольку революционные идеи продолжают бурлить в его уме, преисполненный решимости молодой человек решает стать ходяком-агитатором среди фабричных рабочих и селян с целью распространения эсеровских идей, а также организации революционных ячеек и групп. А потому Питирим сбегает из-под полицейского надзора в Иваново-Вознесенск, где весной и летом 1907 г. продолжает пропагандистскую деятельность под псевдонимом «Товарищ Иван».

Со своей всегдашней проницательностью и умением провести параллели между различными социокультурными феноменами и

процессами, П.А. Сорокин отмечает:

«В отличие от миссионеров солидных¹² религий подпольные пропагандисты революционных идей в то время и в этом регионе не имели ни учения в виде четкого набора догматов, ни денег, ни иерархии, ни даже тесно спаянной организации. ...Их жизнь походила на жизнь первых миссионеров новых, еще не устоявшихся религий, которые господствующие духовные и светские власти рассматривают как подрывные и соответственно преследуют. За революционерами шла постоянная охота полиции, они никогда не имели своего угла, рисковали быть убитыми на митингах, проходили через опасности, трудности и страдания, в общем, они были похожи на первых апостолов христианства». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 39-40).

После напряжённых, под постоянной угрозой ареста, трёх месяцев жизни «бродячего миссионера революции» ухудшившееся здоровье требует передышки и юноше приходится на время прекратить подпольную революционную деятельность. П.А. Сорокин пишет: «К концу этого периода постоянные опасности, напряжение и трудности такого образа жизни начали сказываться на Иване. Его здоровье стало ухудшаться, энергия ослабла, ушло душевное равновесие. Усилившийся полицейский сыск делал его арест практически неизбежным в случае дальнейшего пребывания в этом районе. Под давлением таких обстоятельств и настойчивых рекомендаций своих товарищей он с неохотой покинул опасные места и без особых трудностей добрался до дома тети Анисьи в Римье, где о его революционной деятельности еще никто не знал». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 41-42).

§ 1.1.3. «Паломничество» в Санкт-Петербург

Однако, спустя всего два месяца после воссоединения с родичами в Коми, неугомонный юноша отправляется в тогдашнюю столицу российской империи с целью продолжить свое образование. Любопытно его сравнение своего странствия в Санкт-Петербург с «паломничеством»: «Поскольку в Коми крае у меня не было перспектив ни

---

¹² «Солидные религии» – по-видимому, не совсем удачный перевод с английского на русский язык. В оригинале – «well-established religions». Более удачный вариант – «прочно установившиеся» или «хорошо обоснованные религии». См. Sorokin, P. A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Connecticut: College and University Press. 327 p. (P. 48). (Прим. авт).

на хорошую работу, ни на продолжение образования, осенью 1907 года я решил уехать в Санкт-Петербург. ...С оптимизмом юности как-то ярким сентябрьским утром я попрощался с Анисьей, Прокопием и друзьями, сел на «Купчик» – маленький примитивный пароход – и начал свое паломничество в Российскую метрополию». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 42-43).

Перед юношей горами громоздятся весьма труднопреодолимые препятствия. Практически без денег преодолев путь и прибыв в метрополию православной «цивилизации» с пятью годами формального образования и с «капиталом» в размере пятидесяти копеек, он должен в очередной раз утвердить себя в совершенно незнакомой среде. Следует сразу сказать, что результаты усилий «второго Ломоносова» поражают воображение. Всего через десять лет двадцатисемилетний П.А. Сорокин с видимой «лёгкостью» становится не только крупным учёным и общественным деятелем (юристом, социологом, этнологом, журналистом и др.), но и в буквальном смысле слова «вторым человеком» в занимающем одну шестую земного шара гигантском государстве – личным секретарём министра-председателя и секретарём по делам науки и образования Временного правительства России. И молодой человек не теряет ни одной секунды, штурмуя преграды в направлении осуществления своих жизненных целей. П.А. Сорокин с волнением вспоминает: «Моей целью было поступить в университет. Поскольку меня исключили из церковно-учительской школы¹³ и я не посещал ни одного года гимназию, существовал единственный путь стать студентом университета, а именно: сдать жесткий экзамен на аттестат зрелости за все восемь классов гимназии, включая некоторые дополнительные знания, требуемые от экстернов, которые не получили классического образования. В тот момент я не был подготовлен к этому экзамену, в частности не имел требуемого знания латинского или древне-греческого, французского или немецкого языка, а также математики. Чтобы получить такую подготовку, мне хотелось поступить в одну из вечерних школ, которые, помимо прочего, обучали способных студентов этим предметам. Поскольку у меня не было денег оплатить довольно большую стоимость обучения, я решил использовать

---

¹³ Шестнадцатилетний Питирим был исключён из учительской семинарии в Костроме за революционную пропаганду (Прим. авт).

возможность бесплатно поступить на Черняевские курсы, одну из лучших школ такого типа». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 45).

Преподающий на курсах коми-зырянский этнограф, философ и писатель К. Ф. Жаков¹⁴ немало помогает юному Сорокину закрепиться как на первых порах, так и в течение его дальнейшей жизни в российской столице. В нем молодой ученый находит друга, ментора и, возможно, ранний пример для подражания (Джонстон, с. 7).

Кроме К.Ф. Жакова, на Черняевских курсах преподаёт цвет российской науки того времени – Н.И. Кареев, В.И. Бауман, Н.Е. Введенский, С.А. Венгеров, С.А. Золотарев, М.М. Ковалевский, И.Л. Сербинов, Г.В. Флейшер и др.

Три семестра вечерней школы значительно облегчают для юноши достижение его цели. Большинство преподавателей школы являются институтскими профессорами и их лекции мало отличаются от тех, что читаются на первых двух курсах высших учебных заведений. Посещение лекций и уроков является свободным. Контрольных работ и экзаменов оказывается немного, однако знания учащихся оцениваются весьма строго и требовательно. Питирим замечает: «Эта система обучения, весьма близкая к той, что существовала в русских университетах до революции, была свободна от нудистики гимназических занятий, так же как от скуки обязательного посещения уроков и выполнения других, по большей части бесполезных требований. Мне нравилась такая свободная система учебы как лучше всего подходящая моим способностям». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 47).

Что касается культурного и духовного развития, то двух-с-половиной миллионный метрополис предоставляет обширные возможности для пытливого ума юноши.

Б. Джонстон отмечает: «Начиная с 1907 г. и до тех пор, пока он не сдал экзамены в мае 1909 г., познания Сорокина углублялись и

---

¹⁴ К.Ф. Жаков (1866-1926 гг.) является создателем философского учения «лимитизма» или «философии предела», изложенного в таких его работах, как «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания» (1904 г.) и «Лимитизм: Единство наук, философии и религии» (1929 г.). Влияние идей К.Ф. Жакова на теории П.А. Сорокина очевидно при сопоставлении их с такими элементами философии истории последнего, как принцип имманентных социокультурных изменений и принцип предела (лимита). Более подробно см. Б.Л. Рубанов «Философия лимитизма К.Ф. Жакова. К вопросу об истории социологии П.А. Сорокина». История социологии, 2003. (Прим. авт.).

расширялись. Поскольку он ценил умственную организацию и интеграцию, он стремился объединить свой опыт в согласованную картину мира. Подобно губке, он впитывал основы философии, искусства, науки, политики, экономики, этики и юриспруденции. Чтение обогащалось посещениями музеев, галерей искусства, театров и концертов. Он познакомился с ведущими представителями науки, искусств, критической мысли и политики. Презируя неорганизованный ум, в котором идеи попросту «находятся одна рядом с другой», он стремился к последовательности и интегрированности своего опыта. После дезинтеграции своих ранних воззрений в учительской семинарии, он хотел восстановить единство своей ментальной жизни. Однако, его новая система была выстроена лишь наполовину. Оставшиеся леса будут возведены в Психоневрологическом институте и в Санкт-Петербургском университете». (Johnston, p. 8).

Сам Питирим даёт следующую оценку своего культурного развития этого периода: «Мое умственное и духовное развитие шло не только за счет занятий на курсах, но и благодаря приобщению к великим ценностям, собранным в Санкт-Петербурге. В те годы я, как губка, жадно впитывал бессмертные достижения человеческого гения в науке и технике, философии и изящных искусствах, этике и праве, политике и экономике. Любой большой город накапливает не только пустые и ядовитые псевдоценности, но и огромное богатство универсальных, вечных и бессмертных ценностей мысли и духа, хранимых школами и лабораториями, храмами и библиотеками, музеями и художественными галереями, театрами и концертными залами, величественными зданиями и историческими памятниками. В этом смысле любой большой город дает человеку возможности и для развития, и для деградации, и для облагораживания, и для сведения на нет его созидательных возможностей». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 48).

Молодой человек с энтузиазмом знакомится с бессмертными шедеврами литературы, музыки, изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, религии и философии, науки и техники и гуманистической мысли. Свой общий интеллектуальный уровень он также повышает читая классические труды, посещая, насколько позволяют время и деньги, музеи, участвуя в работе различных литературных, художественных, философских и политических кружков и обществ. Через Жакова и других профессоров он вскоре знако-

мится с несколькими российскими знаменитостями в этих областях культуры. У юноши также устанавливаются личные взаимоотношения с некоторыми лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов, и он вновь начинает культурно-просветительную работу среди рабочих Путиловского и других заводов.

Тем временем, начавшись ещё в Костроме, в течение всего периода университетского обучения юноши в Санкт-Петербурге продолжается становление нового, «либерально-позитивистского» мировоззрения Питирима.

Он отмечает: «Усваивая новые знания и ценности, я одновременно старался соединить мои взгляды в целостное, единое мировоззрение. Есть люди, которые не испытывают нужды привести мешанину в своей голове в некое подобие упорядоченной системы. Их ментальность напоминает мусорную кучу, в которой свалены вместе разнообразные и противоречивые обрывки знаний, философий, идеологий, несопоставимых ценностей и стремлений к ним. Эти легкомысленные, пустые люди часто бывают по-своему довольны жизнью, которая течет без кризисов и трагедий.

В противоположность людям этого типа есть и такие, у кого сильно стремление к упорядочению и согласованию своих идей, ценностей и устремлений. Такие личности не могут не объединять их в более или менее согласованную систему. Я, похоже, принадлежу к этому целостному типу. После того, как мои ранние взгляды на жизнь рассыпались, как карточный домик, в начале учебы в церковно-учительской школе, я ощущал некий душевный дискомфорт и самопроизвольно начал поиски новой философии, чтобы восстановить единство и целостность моего Я. Накопленные естественнонаучные знания, более близкое знакомство с позитивистской философией и революционно-социалистическими доктринами показали мне направление, в каком следует строить новое мировоззрение. Значительно продвинувшись в решении этой задачи я смог благодаря вечерней школе. Но и тогда новая система идеи ценностей и жизненных устремлений была создана лишь наполовину. Ее завершение пришлось на годы учебы в Психоневрологическом институте и Санкт-Петербургском университете.

Как бы там ни было, но два года занятий на Черняевских курсах в столице оказались весьма продуктивными с точки зрения моего нравственного и умственного развития. К концу этого периода я почувствовал, что уже в основном готов к экзамену на аттестат зрело-

сти, достаточно разбираюсь в основных областях культуры и заметно продвинулся в деле создания новой мировоззренческой системы. Интеллектуальное развитие шло параллельно эмоциональному созреванию и становлению характера. Я был доволен результатами и, чувствуя себя молодым, здоровым и собранным, надеялся на дальнейшие успехи». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 49-50).

§ 1.1.4. Университетские годы

После трёх семестров учёбы на Черняевских курсах, в феврале 1909 года двадцатилетний Питирим уезжает к родственникам¹⁵ в Великий Устюг и экстерном готовится к сдаче выпускного экзамена за полный гимназический курс в Велико-Устюжской мужской гимназии. В мае-июне 1909 г. юноша успешно сдаёт экзамен, возвращается в Петербург и поступает в только что открывшийся в 1908 году по инициативе В.М. Бехтерева Психоневрологический институт.

В институте читаются лекции по широкому спектру дисциплин: анатомии, физиологии, химии, физике, биологии, психологии, философии, логике, социологии, литературе, искусству, математике, праву. В выборе Питирима играет роль не только его более либеральная по сравнению с университетом система обучения, но и то, что в Психоневрологическом институте к тому времени открывается первая кафедра социологии, Основателями ее являются два всемирно известных социолога начала XX века – М.М. Ковалевский и Е.В. Де Роберти. Питирим вспоминает: «Вернувшись в столицу, я решил, после некоторых колебаний, поступить не в Санкт-Петербургский университет, а в недавно открытый Психоневрологический институт. Программа обучения в нем казалась мне более гибкой, чем в университете, притом что профессорско-преподавательский состав в институте был не хуже. Помимо прочего, институт предлагал курсы лекций по социологии, читаемые двумя учеными с мировой известностью, – М.М. Ковалевским и Е. Де Роберти, тогда как в университете этой дисциплине не обучали. В то время из всех об-

---

¹⁵ Питирим гостил у Анны и Михаила Дранковского. Анна являлась сестрой отца юноши, а Михаил Дранковский – ее мужем. См. А.В. Липский, П.П. Кротов. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина / Питирим Александрович Сорокин / под ред. В.В. Сапова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 606 с.: ил. – (Философия России первой половины XX века). 606 с. (Прим. авт.)

ластей науки более всего меня интересовали химия и социология. Несмотря на весьма разнородный характер этих наук, я очень долго сомневался, какой из них отдать предпочтение. В конце концов вопрос был решен в пользу социологии. Студенты института, в отличие от университетских, казались мне более активными и революционно настроенными и в основном были, так же как и я, выходцами из низших, рабоче-крестьянских сословий. Это и определило мой выбор, так что осенью 1909 года я стал студентом Психоневрологического института». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 51).

Могучий интеллект молодого человека требует определённой свободы для развития и Питирим вырабатывает собственную систему занятий. После поступления в Психоневрологический институт он решает посещать только те лекционные курсы, в которых: а) профессор читает нечто оригинальное; б) эта оригинальная теория или система знаний важна и значительна; в) то, что читается на лекциях, нигде не опубликовано. Следуя этому правилу, юноша ходит только на половину лекционных курсов и в институте, и за все четыре года в университете. Все остальные дисциплины он изучает, с существенной для него экономией времени и сил, по трудам известных профессоров или по заслуживающим доверия учебникам. Питирим записывает: «Преимущества моей системы занятий очевидны. В книгах ученые формулировали свои теории более точно, чем в лекциях; я мог изучать их труды более внимательно, перечитывая при необходимости неясные или трудные места, чего нельзя сделать на лекции; затем, читая книги, я мог делать по тексту самые разные заметки и выписки, что было бы невозможно в процессе слушания лекции. Более того, программа моих занятий могла быть гибкой, тогда как дни и часы лекций устанавливались жестко и часто весьма неудобно для меня. Наконец, чтобы посещать лекции, мне приходилось тратить по крайней мере два часа на дорогу пешком от нашей квартиры до института и обратно. Следуя своему правилу, я управлялся с учебными курсами намного быстрее и с меньшими усилиями, чем если бы регулярно посещал лекции и семинары. Например, знаменитый курс профессора Петражицкого «Общая теория морали и права», читавшийся им трижды в неделю целый год, я досконально штудировал за две недели по трем томам, в которых была изложена его теория и введение к ней. Примерно так же я учил и другие предметы. На основе своего опыта я настоятельно рекомендую этот метод заня-

тий всем способным студентам: он более эффективен, экономичен и производителен, чем система обязательного посещения, поскольку в большинстве лекционных курсов не содержится чего-либо нового и оригинального, которое нельзя найти в хороших книгах по этой проблеме. Один значительный недостаток моей системы занятий заключался в нехватке личного общения с профессорами. Однако я легко преодолевал его, проявляя активность на семинарах и консультируясь непосредственно с известными преподавателями. Как и большинство настоящих ученых, они с радостью приветствовали способных студентов на своих семинарах и поощряли их на обсуждение персональных научных проблем. Именно изучением трудов, работой на семинарах, личными дискуссиями с такими профессорами, как Е. Де Роберти, М.М. Ковалевский и В.М. Бехтерев в институте, Леон Петражицкий, М.И. Ростовцев, И.П. Павлов, Н.Розин и другие в университете, я добился репутации выдающегося студента и многообещающего молодого ученого, был избран председателем на семинарах этих профессоров, меня приглашали публиковать некоторые из моих работ в научных журналах. Я даже получил должность ассистента и секретаря М.М. Ковалевского, будучи еще студентом; и, наконец, в первый же год подготовки к профессорству стал сам читать лекции по социологии в Психоневрологическом институте и институте Лесгафта. Помимо этих преимуществ моя «укороченная» система занятий оставляла больше свободного времени для заработков на жизнь и давала большую свободу во внеучебной научной, культурной и политической деятельности». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 52-53).

Тогда же талантливый юноша устанавливает прочные научные связи, которые верно послужат ему в течение долгого времени. Так, например, в первый же год учебы он устанавливает очень хорошие профессиональные отношения с В.М. Бехтеревым, М.М. Ковалевским и Е.В. Де Роберти, а также и другими специалистами в области социологии, антропологии, философии и экономической истории. Эти дружеские отношения окрепнут в последующие годы помогут их тесному научному сотрудничеству.

После нескольких месяцев обучения в Институте, 4 августа 1910 г., Питирим поступает в Санкт-Петербургский университет. Поскольку большинство курсов, затрагивающих социологические проблемы, читается в то время на юридическом факультете, выбор Питирима падает именно на него. Среди профессоров факультета – такие известные

учёные, как М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский, Н.Н. Розин, А.А. Жижиленко, И.А. Покровский и Д.Д. Гримм.

Учёный вспоминает: «До революции 1917 года в университете не было ни факультета социологии¹⁶, ни курса каких-либо лекций по социологии на других факультетах. Несмотря на отсутствие официального признания социологии как науки, многие социологические проблемы обстоятельно рассматривались в лекционных курсах, посвященных праву, экономике, теории и философии истории, политическим наукам, криминологии, этнографии и т. д. Большинство таких курсов читалось на юридическом факультете, что и определило мой выбор этого факультета для продолжения образования и специализации. Среди профессоров факультета, помимо М. М. Ковалевского, были Леон Петражицкий, вероятно, самый великий ученый в области морали и права двадцатого столетия; М.И. Туган-Барановский, всемирно известный экономист, особенно много занимавшийся циклами деловой активности, проблемами социализма и теорией стоимости; Н. Розин и А. Жижиленко, выдающиеся криминологи и специалисты в области теории наказаний; Н. Покровский и Д. Гримм, заслуженные профессора в области римского права. Под дружеским руководством этих ученых, особенно Л. Петражицкого и М. Ковалевского на юридическом факультете, Е. Де Роберти в Психоневрологическом институте, М.И. Ростовцева и Н.О. Лосского на факультете философии, шли мои занятия в университете. Мне просто повезло, что составляющие такое чудесное созвездие ученые были моими учителями, а позже и друзьями. Эти выдающиеся профессора не требовали, чтобы мы сильно¹⁷ принимали на веру их теории: именно этим они и отличались от ученых среднего уровня. Напротив, мэтры скорее даже поощряли обоснованно критическое отношение к их точке зрения и всей душой приветствовали проявление творческой оригинальности у студентов.

Высказываемые мной на семинарах высокие оценки научного вклада моих учителей, так же как и критика слабостей их теорий,

---

¹⁶ После революции 1917 г. именно П.А.Сорокин становится заведующим первой кафедрой социологии Петроградского университета (Прим. авт.)

¹⁷ Неудачный перевод. Удачнее было бы перевести: «не требовали, чтобы мы слепо принимали на веру их теории». Ср. в оригинале на с. 74.: «Being truly eminent professors, they did not require blind acceptance of their theories as mediocre scholars often do». В: Sorokin, P. A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Connecticut: College and University Press. 327 p.

и некоторые собственные конструктивные идеи, похоже, производили на мэтров благоприятное впечатление. Оно только усилилось благодаря нескольким антропологическим, социологическим, юридическим и философским исследованиям, опубликованным мной в солидных научных журналах в студенческие годы, и изданию моего первого основательного труда «Преступление и кара, подвиг и и награда»¹⁸, когда я был еще третьекурсником (1913)¹⁹. В результате незаслуженно высокой оценки моих скромных научных достижений на втором и третьем курсах университета М.М. Ковалевский предложил мне должность своего приватного секретаря и ассистента в исследовательской работе, а Де Роберти – ассистента на его курсе и соредактора серии «Новые идеи в социологии». В то же время Петражицкий и Бехтерев пригласили меня быть соредактором «Новых идей в правоведении» и «Вестника психологии и криминальной антропологии». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 55-56).

Студенческие годы в университете являются временем интенсивных научных занятий для Питирима. В этот период он приобретает основательные знания в философии, психологии, этике, истории и естественных науках, не говоря уже о социологии и праве. В двух последних науках он изучает все значительные теории права, русского и европейского, историю русского, римского и европейского права, конституционное, гражданское и уголовное право по кодексам и сводам законов и наиболее важным западным и русским трудам в этой области. Еще более тщательно юноша изучает большинство классических трудов по социологии, философии истории и связанным с ними дисциплинам, включая последние западные работы таких авторов, как Э. Дюркгейм, Г. Тард, Г. Зиммель, М. Вебер, В. Парето, Э. Вестермарк и многих других. Касаясь же проходящей непрерывное развитие своей мировоззренческой системы, Питирим отмечает: «Вместе с накоплением знаний в этих областях я продолжал строить целостную, более или

---

¹⁸ «Преступление и кара, подвиг и награда» – первое крупное произведение 24-летнего ученого. По мнению В.В. Сапова, монография не утратила своей актуальности и сегодня. «Несовпадение шаблонов поведения» (основная причина преступности по Сорокину) может, по мнению В.В. Сапова, помочь разобраться в причинах многочисленных современных межэтнических и религиозных конфликтов». (Прим. авт.)

¹⁹ Труды П.А. Сорокина 1910-1914 гг. составляют первый том его собрания сочинений. См. Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / Сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. Дом «Миръ», 2014. – 832 с., илл.

менее единую систему мировоззрения. С философской точки зрения возникающая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающаяся на логических и эмпирических научных методах познания. Социологически – это был некий синтез социологии Конта и взглядов Спенсера на эволюционное развитие, скорректированный и подкрепленный теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина – из русских мыслителей, и Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето и других – из числа западных ученых. Политически – мое мировоззрение представляло из себя форму социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы. В целом это было оптимистическое мировоззрение, весьма схожее со взглядами большинства русских и западных мыслителей предреволюционного времени. Я и не предполагал, что мое «научное, позитивистское и прогрессивно оптимистическое» мировоззрение вскоре подвергнется жестокому испытанию историческими событиями, и, претерпев второй кризис, будет во второй раз пересмотрено и заново интегрировано. Этот второй кризис еще скрыт в потемках будущего. Тогда, в студенческие годы, я был полностью удовлетворен своим мировоззрением, не осознавая еще, что подобен «теленку, видящему мир сквозь розовые очки». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 57).

Ещё будучи студентом университета, П.А. Сорокин начинает активно публиковаться. В этот период появляются в печати ряд заметок и эссе, рецензий, рефератов и обзоров современной зарубежной философской и социологической литературы, а также популярных изложений социологических теорий для массового читателя. Он успешно сотрудничает с журналами «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», «Вестник Знания», «Запросы Жизни», «Заветы», публикует в Риге ряд брошюр по социологии²⁰. Статьи молодого учёного также появляются на страницах издания «Новые идеи в социологии»²¹. В этот же период времени появляет-

---

²⁰ Брак в старину: (Многомужество и многоженство). – Рига: Наука и жизнь. 1913 г. – 47 с.; Преступность и ее причины. – Рига: Наука и жизнь. 1913 г. – 46 с.; Самоубийство, как общественное явление. – Рига: Наука и жизнь. 1913 г. – 48 с.; Символы в общественной жизни. – Рига: Наука и жизнь. 1913 г. – 48 с. (Прим. авт.)

²¹ Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. – СПб. – Сб.1. – С.59-108. «Новые идеи в социологии» – неперіод. издание, выходившее в Санкт-Петербурге под ред. проф. М.М. Ковалевского и Е.В. де-Роберти. (Прим. авт.)

ся его небольшая по объёму, однако значительная по содержанию работа «Л.Н.Толстой как философ»²² и другие публикации.

Главным достижением этого периода творчества Сорокина становится его первая крупная монографическая работа, над которой он работает зимой 1912-13 гг., «Преступление и кара, подвиг и награда»²³. Книга представляет собой не только обстоятельный разбор криминологических теорий того периода, но и смелую попытку построения на основе богатого эмпирического материала собственной интегральной концепции общественного поведения и морали.

Тем временем, окружающая действительность незамедлительно предоставляет пытливому уму гения богатейший материал для наблюдений и сравнений. Вот, например, одно из его наблюдений, касающееся смягчения нравов «цепных псов» самодержавия, причём, как и всегда, юноша делает его на фоне замечательно глубокого и верного философско-исторического анализа ряда очень многих социоэкономических и социокультурных условий, обстоятельств и закономерностей революционного процесса.

После того, как арестованные по подозрению в революционной пропаганде среди рабочих Сорокин и его друзья решительно отказываются отвечать на вопросы, власти попросту отпускают их восвояси. П.А. Сорокин замечает: «Это вряд ли бы стало возможно при сильной, уверенной в себе власти, но для рушащегося царского режима было не таким уж редким делом. Отжившие ценности больше не дают представителям власти чувства уверенности в себе, самоуважения и глубокой убежденности в правильности их официальных обязанностей и бюрократического порядка. Распад умирающего режима обычно деморализует их. Сталкиваясь с энтузиастами, приверженцами новых утверждающихся ценностей, агенты режима начинают сомневаться, теряются и часто не могут выполнять свои официальные обязанности. Я уже видел нечто подобное на примере части охранников в тюрьме города Кинешмы и наблюдал множество раз, встречаясь с чиновниками царского правительства. Похожая деморализация имеет место почти в каждом

---

²² Л.Н.Толстой как философ. – М.: Посредник. – 28 с. – (Всемир. б-ка в память Л.Н.Толстого) (Прим. авт.)

²³ Преступление и кара, подвиг и награда: Социол. этюд об основных формах обществ. поведения и морали. – СПб. – Л, 3. – 456 с. (Прим. авт.)

«загнивающим режиме» накануне его реформационного или революционного ниспровержения, начиная с самых ранних данных о восстаниях в Древнем Египте (примерно 3000-2500 г. до н. э.) и кончая недавними революциями или перестройками таких больших режимов, как кубинский, корейский, южновьетнамский, японский и некоторые латиноамериканские. Подобно России, антиправительственным выступлениям там тоже предшествовали студенческие демонстрации и схватки с полицией, и точно так же полиция часто была не в состоянии справиться с этими демонстрациями. Так что эпизод с нашим арестом и освобождением был довольно типичен». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 60-61).

Двадцатипятилетний Питирим оканчивает университет в 1914 году, получает предложение остаться на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию и одновременно занимает научную должность приват-доцента в Психоневрологическом институте. Вместо обычно отводившихся на подготовку к научной степени магистра четырех лет, Питирим заканчивает программу всего за два года (1914-1916 гг.)

П.А. Сорокин отмечает: «Чтобы закончить эту краткую хронику моей студенческой жизни, необходимо упомянуть: в 1914 году я окончил Санкт-Петербургский университет, имея диплом первой степени. По окончании университета мне предложили остаться при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Я с радостью принял предложение, так как оно полностью устраивало меня и соответствовало моему выбору науки в качестве дела всей жизни. Очень хорошая стипендия, предоставленная мне по меньшей мере на четыре года подготовки к степени магистра и званию приват-доцента, обеспечивала мою жизнь и давала возможность все время посвящать науке. Поскольку социологии не было в списке дисциплин, одобренных администрацией, я вынужден был выбрать одну из тех, что преподавались в университете. После некоторых колебаний я остановился на уголовном праве и пенологии, в качестве основной, и конституционном праве, в качестве вспомогательной областей специализации. Этим дисциплинам я отдавал большую часть времени в течение двух следующих лет моей аспирантуры. Углубленные занятия правом никоим образом не препятствовали моим социологическим трудам, которым я посвящал много времени в рамках выбранного поля специализации.

Своим обучением в университете я был доволен, заработав не только диплом и право быть «оставленным при университете для приготовления к профессорскому званию», но и репутацию способного молодого школяра, обещающего вырасти в выдающегося и творчески мыслящего ученого в ближайшие годы». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 57-58).

Уже в следующем, 1915 г., молодой учёный успешно сдает магистерский экзамен. С 1916 г. он – профессор Психоневрологического института, а с января того же года – приват-доцент Петроградского университета по кафедре уголовного права. Тогда же, в 1916 году, преподаватели кафедры социологии психоневрологического института во главе с П.А. Сорокиным и К.М. Тахтаревым организуют русское «Социологическое общество имени М.М. Ковалевского», послужившее в дальнейшем основанием для открытия в 1919 году кафедры социологии Петроградского университета.

§ 1.1.5. Революция «как она есть»²⁴

Февральскую революцию П.А. Сорокин встречает с воодушевлением. «Давно желанное совершилось, – пишет он в статье «Политическая программа временного правительства». – Старая власть и старый порядок, сковывавшие жизнь великого народа по рукам и ногам, – пали. На их смену приходят новый порядок и новая власть». Анализируя правительственную программу, он заключает статью словами: «Правительство заслуживает полной поддержки в осуществлении начертанной программы... Само собой разумеется, однако, что эту поддержку оно заслуживает лишь в том случае, если прямо и искренно будет идти объявленной декларируемой дорогой...» (В.В. Сапов)²⁵.

И Питирим снова бросается в стихию политической деятельности. Он становится делегатом второй Петроградской конференции партии эсеров (3-5 апреля 1917 г.), одним из редакторов газеты правых эсеров «Дело народа» (апрель-декабрь 1917 г.), членом Исполкома Всероссийского совета крестьянских депута-

---

²⁴ Перефраз цитаты «Сущее как оно есть» из монографии П.А. Сорокина «Преступление и кара» с. 47. (Прим. авт.)

²⁵ Электронный источник: <http://texts.news/pervoistochniki-sotsiologii-knigi/nachaledlinnogo-puti-pervaya-kniga-pitirima.html> (Прим. авт.)

тов (май 1917 г.), секретарём председателя Совета министров (июль 1917 г.), председателем губернского, съезда эсеров в г. Вологда (30 июля 1917 г.), депутатом Всероссийского учредительного собрания по Вологодскому избирательному округу (ноябрь 1917 г.), членом комиссии «Первого дня» фракции эсеров Учредительного собрания (декабрь 1917 г.)²⁶.

Лишь за один только 1917 год он пишет целую серию социально-политических памфлетов. Среди них: «Автономия национальностей и единство государства», «Формы правления», «Проблема социального равенства», «Основы будущего мира», «Причины войны и путь к миру», «Что такое монархия и что такое республика?», «Сущность социализма», «Кому и как выбирать в Учредительное собрание?»

Одновременно Питирим продолжает непрерывно анализировать происходящее с точки зрения учёного-обществоведа. Уже в то время он закладывает основы оригинальной теории революции, которая позже получит полное развитие в монографии «Социология революции»²⁷. В этой книге учёный вносит значительный и до сих пор полностью не оценённый вклад в революционную теорию. Так, например, его парадигма развития революционного процесса не только предшествует общепризнанную четырёхэтапную схему К. Бринтона²⁸, но и во многих отношениях превосходит последнюю.

Учёный пишет: «В своем полном развитии все великие революции, похоже, проходят три типические фазы. Первая из них – короткая – отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция. Эта начальная стадия лучезарна, правительство

---

²⁶ Хроника жизни и деятельности А.П. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 606 с.: ил. – (Философия России первой половины XX века). (Прим. авт.)

²⁷ «Социология революции» – монография, в которой П.А. Сорокин разрабатывает и представляет первую научную теорию революции. Опубликовано на рус. яз. в Чехословакии в 1923 г. и затем на англ. яз. в США в 1925 г. (Прим. авт.)

²⁸ Подробнее см. Alalynkin-Izvekoy, V. Satkiewicz, S. «From Brinton To Goldstone: A Scientific Civilizational Perspective On The Theory Of Revolution». Comparative Civilizations Review: Vol. 71 : No. 71 , Article 8. Электронный источник: <http://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol71/iss71/8>

гуманное и мягкое, полиция умеренна, нерешительна и совершенно ни на что не способна. В человеке начинает просыпаться зверь. Короткая увертюра обычно сменяется второй, деструктивной фазой. Великая революция теперь превращается в яростный вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. Он безжалостно разрушает не только отжившие институты общества, но и вполне жизнеспособные заодно с первыми, уничтожает не только истощившую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе. Революционное правительство на этой стадии является грубым, тираничным, кровожадным. Его политика в основном разрушительна, насильственна и террористична. Если ураганная фаза не полностью превращает нацию в руины, революция постепенно вступает в третью фазу своего развития – конструктивную. Уничтожив все контрреволюционные силы, она начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему личностных ценностей. Этот порядок создается на основе не только новых, революционных идеалов, но и включает восстановленные, наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты, ценности, образы жизни, временно порушенные на второй стадии революции, но которые выжили и вновь утвердились, независимо от желания новой власти. Послереволюционное устройство общества, таким образом, обычно являет собой некую смесь новых образцов и моделей жизненного поведения со старыми. Грубо говоря, с конца 20-х годов русская революция начала входить в свою конструктивную фазу, которая в настоящее время находится в полном развитии. Советская внутренняя и внешняя политика сейчас более конструктивна и созидательна, чем политика многих западных и восточных стран. Весьма жаль, что эта важная перемена все еще не замечается политиками и правящей элитой этих государств (см. детальный анализ деструктивной и конструктивной фаз великих революций в моих «Социальной и культурной динамике», т. III, «Социологии революции», «Обществе, культуре и личности», главы 31-33). Мне довелось непосредственно наблюдать последовательное прохождение всех трех фаз в революции 1905-1907 годов. В 1917 году я испытал на себе лишь первую и вторую

стадии жизненного цикла той эпохальной революции»²⁹. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 76-77).

В дневнике, который П.А. Сорокин ведёт в течение 1917-1921 гг., он с проницательностью первоклассного философа истории отмечает характерные этапы революционного процесса. Так, например, типичным явлением в любом крупномасштабном революционном процессе представляет собой так называемое «двоевластие». Зорким оком уже опытного обществоведа двадцативосьмилетний Питирим не только мгновенно его опознаёт, но и определяет его чрезвычайно важное значение. 27 февраля 1917 г. он помечает: «Сегодня стало очевидным существование двух центров власти. Первый – Исполнительный комитет Думы во главе с Родзянко, второй – Совет рабочих и солдат». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 80).

С пятого по шестое июля 1917 года Питирим Александрович коротко помечает: «Мне предложили на выбор три поста при Временном правительстве: помощника министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы и секретаря премьер-министра Керенского. После тщательного раздумья я решил принять последнее предложение, хотя и сомневаюсь, что в нынешних обстоятельствах я буду полезен своей стране. Однако, как помощник Керенского, сделаю все от меня зависящее». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 96).

§ 1.1.6. Сорокинские «хождения по мукам»

Октябрьскую революцию молодой учёный не принимает. В течение октября-декабря 1917 года учёный-политик поверяет своему дневнику: «Пучина наконец-то разверзлась. Большевизм побе-

---

²⁹ Разработанная П.А. Сорокиным «стадиальная» последовательность революционного процесса оказывается абсолютно верной и приложимой к ряду крупных революций современного периода. Так, например, американский политолог К. Бринтон так и не сумел дать объяснение «долгого русского Термидора» с точки зрения своей жёсткой, четырёхэтапной схемы революции. Между тем, более гибкая, двухэтапная схема П.А. Сорокина его легко и логично объясняет. Согласно теории революции Сорокина, революционный процесс подразделяется на два основных периода, при этом второй период революции может проходить волнообразно, с многочисленными периодами «подъёма» и «спада», когда периоды революционного «подъёма» сменяются периодами контр-революционного «спада». Более подробно см. Alalykin-Izvekov, V. Satkiewicz, S. «From Brinton To Goldstone: A Scientific Civilizational Perspective On The Theory Of Revolution». *Comparative Civilizations Review*: Vol. 71 : No. 71, Article 8. Электронный источник: <http://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol71/iss71/8>

дил. Это было очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свержены так же легко, как и царский режим. Через свои военно-революционные комитеты большевики захватили контроль над воинскими частями. С помощью Петроградского Совета подчинили себе рабочий класс. Эти солдаты и петроградские рабочие захватили все автомобили на улицах, заняли Зимний дворец, Петропавловскую крепость, вокзалы, телефонные станции и почтаamt. Чтобы уничтожить предыдущее правительство и образовать новое, потребовались всего лишь 24 часа». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 99).

Непокорный мыслитель активно выступает против новой власти в прессе. Группа «правых эсеров», куда вошел и Сорокин, откалывается от партии, организует самостоятельную фракцию и 29 апреля 1917 г. начинает издание собственной газеты «Воля народа». Здесь он публикует свыше 80-ти статей, которые в собранном виде составляют как публицистическую, так и научную летопись русской революции. Будучи не только знающим ученым, но и первоклассным журналистом, П.А. Сорокин много и убедительно пишет об опасностях, которыми угрожает стране левый радикализм большевиков. Показательны в этом смысле названия его статей, опубликованные в «Воле народа»: «Позорное явление» (№ 8, 7 мая), «Прямой путь... но к чему?» (№ 30, 5 июня), «Клеветники» (№ 31, 6 июня), «Нельзя запаздывать» (№ 44, 20 июня), «Пора вводить трудовую повинность» (№ 48, 24 июня), «Революция и насилие, демократия и охлократия» (№ 49, 25 июня), «Чьи руки?» (№ 58, 6 июля), «Трагедия революции» (№ 64, 13 июля), «Непростительная слепота» (№ 70, 20 июля), «Есть ли надежда?» (№ 75, 26 июля), «Неисправимые», «Ничему не научившиеся» (№ 77, 28 июля), «Взрывание России» (№ 96, 19 августа), «Большая Россия» (№ 99, 23 августа), «Соучастники и вдохновители заговора» (№ 105, 30 августа), «Славянофильство наизнанку» (№ 116, 12 сентября), «Гибель нации» (№ 121, 17 сентября), «Мене, текел, фарес» (№ 134, 3 октября), «Словесный фетишизм революции» (№ 136, 5 октября), «Банкротство революции» (№ 147, 18 октября), «К борьбе!» 15 (№ 155, 27 октября), «Победителям», «Что делать?» (№ 156, 28 октября), «Во власти преторианцев», «Правительство из «Сатирикона» (№ 157, 29 октября), «Единство демократии и большевики» (№ 158, 30 октября), «Недоноски большевизма» (№ 159, 31 октября), «Что дала России победа большевиков» (№ 162, 3 ноября), «Существует ли единая Россия?» (№ 165, 7 ноября),

«Плагаторы и подражатели мракобесья» (№ 168, 10 ноября), «Решительный разгром России» (№ 172, 14 ноября), «Трагический фарс» (№ 175, 17 ноября), «Граждане! Нарушены права Учредительного собрания» (№ 179, 24 ноября), «И Россия, и революция погибли, если...» (№ 186, 6 декабря)³⁰.

Неудивительно, что 2 января 1918 г. учёный арестовывается новыми властями в помещении редакции газеты «Воля народа» и заключается в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. И тем не менее, после освобождения 23 февраля, он – делегат нелегального VIII совета партии эсеров в Москве (7-16 мая 1918 г.). Чуть позже, в июне-октябре 1918 г., Питирим участвует в подготовке восстания против большевиков в районе Великий Устюг – Котлас – Архангельск. Замысел был следующий – освободить хорошо знакомые Питириму северные районы России и затем окружить столичные города, находившиеся под контролем большевиков³¹. (Johnston, p. 14). После провала этого поддержанного иностранными войсками контрреволюционного движения Питирим до глубокой осени скрывается в лесах.

В конце концов, осознав тщетность своих усилий, в конце октября 1918 г. двадцатидевятилетний Сорокин пишет открытое письмо в газету Северо-Двинского губисполкома «Крестьянские и Рабочие Думы» с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности, в том числе о выходе из Учредительного собрания³². На знаменитое «сорокинское отречение», которое перепечатывает газета «Правда», обращает внимание В.И. Ленин и 21 ноября 1918 года он публикует не менее известную статью «Ценные признания Питирима Сорокина». В ней, в частности, говорится: «Правда» поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета», Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только

---

³⁰ <http://texts.news/pervoistochniki-sotsiologii-knigi/nachale-dlinnogo-puti-pervaya-kniga-pitirima.html>

³¹ Johnston, B. V. (1995). Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. University Press of Kansas. 380 p. c. 14.

³² Полный текст «сорокинское отречение» см в Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / Сост., вступ. ст. В.В Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. Дом «Мир», 2014. – 832 с. илл. С. 19. (Прим. авт.)

другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому «отказывается от всякой политики». «Истекший год революции, – пишет Питирим Сорокин, – научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...» Подпись под письмом: «Приват-доцент Петербургского университета и Психоневрологического института, бывший член Учредительного собрания и бывший член партии эсеров Питирим Сорокин».

Далее В.И. Ленин отмечает, что этот «человеческий документ» представляет собой не только открытое и честное признание своей политической ошибки, но и демонстрацию начавшегося поворота мелкой буржуазии и эсеров от враждебности к нейтральности в отношении большевиков: «Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся душить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его, есть одна из насущных задач текущего момента»³³.

После добровольной сдачи 30 ноября 1918 г. в Устюге новым властям, Питирим едва не испивает горькую чашу приговорённого к расстрелу политического заключённого до конца. Однако даже и в этих условиях, учёный ясно и трезво размышляет об эволюции и закономерностях революционного процесса: «Семерых молодых, здоровых, хотя и сильно истощенных людей бросили в тюрьму сегодня. Их жизни кончены. Если не ночью, то завтра они будут казнены. И они знают об этом. Трое из них молча преклонили колени в углу и молятся. Эта молитва – последняя дань жизни, высшее и самое чистое проявление духа. Кому понадобилось, в чьих интересах лишить жизни этих молодых, сильных людей, не проживших и половины отмеренного им срока? «Их смерть необходима во имя счастья

---

³³ Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 37, сс. 188; 193.

человечества и светлого будущего грядущих поколений!» Хотел бы я посмотреть на эти счастливые поколения, которые построят свое счастье на крови и страданиях предыдущих поколений. Думаю, если у них будут хотя бы зачатки нравственности, они не посмеют быть счастливы. Стоп! Я начинаю философствовать. А сейчас, в «коммунистической академии ада», это не совсем уместно». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 120-121).

И далее – заключение, достойное пера Н. Кондорсе³⁴: «Семерых из Ветлуги убили сегодня ночью. Революция, это прожорливое чудовище, не может жить без человеческой крови». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 121).

«Отречение» от политики, ходатайства друзей³⁵ и неутомимые усилия супруги учёного Е.П. Сорокиной³⁶ в конце концов возымевают действие. В декабре этого же года Сорокина под конвоем привозят в Москву и отпускают, а пережитое вскоре ложится в основу классического труда «Социология революции».

§ 1.1.7. В послереволюционном Петрограде

Итак, 16 декабря 1918 г. учёный получает свободу. После отхода от политики П.А. Сорокин возвращается к научной и преподавательской деятельности – читает лекции в Петроградском университете, Психоневрологическом институте, Сельскохозяйственном институте, Институте народного хозяйства, участвует в учебно-научных экспедициях. В 1919 г. учёный избирается вице-президентом Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, а уже в 1920 году он публикует два тома монографии «Система социологии».

---

³⁴ Н. де Кондорсе (1743-1794 гг.) – французский философ, учёный и политик, автор труда «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Был арестован и умер в тюрьме во время Великой французской революции 1792 г. (Прим. авт.).

³⁵ Среди университетских друзей учёного были, например, советские партийные и государственные деятели Л.М. Карахан (1889-1937 гг.), Г.Л. Пятаков (1890-18900818)1937 гг.) и Ш.З. Элиава (1883-1937 гг.) (прим. авт.).

³⁶ 26 мая 1917 г. П.А. Сорокин женился на Елене Петровне Баратынской (1894-1975 гг.), выпускнице Бестужевских курсов, дочери помещика Таврической губернии. Молодые люди познакомились на литературных вечерах в доме К.Ф. Жакова еще в 1912 году. Елена Петровна, ботаник-цитолог по образованию, впоследствии получит докторскую степень в США в университете Миннесоты (1925 г.) и будет преподавать в ряде университетов и колледжей США. (Прим. авт.)

Публикация «Системы» наглядно демонстрирует начало периода становления новой философско-исторической парадигмы учёного – интегрализма (1918-1929 гг.). Он вспоминает: «Я посетил университет и Психоневрологический институт, чтобы сообщить моим коллегам, что я жив, и выяснить, каково мое нынешнее положение в университете. Мне снова предложили старую преподавательскую должность в университете и институте, и было решено, что начну читать лекции и вести семинары после Рождества. Меня также избрали профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и в Институте народного хозяйства. Я принял оба эти предложения, т. к. нуждался в дополнительных средствах существования. В то же время два больших кооперативных союза, еще не национализированные тогда, заказали мне учебники по праву и социологии»³⁷.

В столовой университета я встретил еще одного издателя – Ф. Седенко, – спросившего меня, как долго я буду тянуть с написанием «Системы социологии»³⁸. Все мои подготовительные материалы к этому труду, которые я собирал длительное время, были утеряны, о чем я и сообщил Седенко. Он же убеждал меня, что по опыту, в наших обстоятельствах откладывать что-либо на потом – просто глупо. – Сегодня ты жив, завтра – мертв. Лучше опубликовать нужную книгу даже с некоторыми дефектами, чем ждать неизвестно чего, – сказал он. – Немедленно приступай к своей «Системе», и я опубликую ее. Зная, что он прав, я принял это предложение». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 127-128).

Между тем, университетская и научная жизнь в Питере в те годы едва теплится. Всегда воспринимающий жизненные обстоятельства «*cum grano salis*»³⁹, Питирим Александрович вспоминает: «Собрания профессорско-преподавательского состава теперь немногим отличаются от поминок по нашим коллегам. Закрывая одно из таких заседаний, ректор Шимкевич обратился к присутствующим с мрачным юмором:

«Господа, покорнейше прошу вас не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение для себя, но создаете массу не-

³⁷ Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. – Ярославль. 1919. – 236 с.; Общедоступный учебник социологии: В 2 ч. Ч.1-2. – Ярославль: Изд-во Ярославл. кредит. (о-ва) сов. кооперативов. 1920-291 с. (Прим. авт.).

³⁸ Система социологии. Т.1-2. – Пг., 1920. (Прим. авт.).

³⁹ *Cum grano salis* («со щепоткой соли») – поскольку латинское слово *salis* может означать как «соль», так и «остроумие», данное выражение может быть переведено как «со щепоткой соли», так и «с юмором». (Прим. авт.).

удобств нам. Вы же знаете, как трудно обеспечить вас гробами, что нет лошадей для перевозки ваших останков на кладбище, и как дорого стоит вырыть могилу для вашего вечного успокоения. Думайте прежде всего о своих коллегам, пожалуйста, и старайтесь протянуть как можно дольше»⁴⁰. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 131-132).

В 1920 году Сорокин избирается руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета. В этот период учёный концентрирует свое внимание на наиболее актуальных темах того времени – война, голод, революция. Учёный публикует ставшую венцом его творчества российского периода двухтомную «Систему социологии» (1920), а также несколько учебников по социологии и праву.

В активных научных исследованиях и напряжённой аналитической работе проходят годы. Вглядываясь в послереволюционную действительность острым взглядом философа истории и социолога, Питирим Александрович отмечает: «К 1921 году разрушительные последствия программы коммунистов стали ясны даже самым отсталым крестьянам. Их поля не возделывались и зарастали сорняками. У крестьян не было ни семенного зерна, ни стимулов к труду на земле. Города умирали, национализированные заводы, лишившись топлива, остановились. Железные дороги были разрушены. Здания превратились в руины. Школы почти не функционировали. Смертельная удавка коммунизма потихоньку затягивалась на шее народа. Бурные митинги и волнения на заводах и среди крестьян участились, количество таких случаев быстро росло. Даже в Красной Армии усилилось дезертирство. Русские красноармейцы несколько раз отказывались подавлять выступления народа». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 135).

Видя нарастающее сопротивление подавляющего большинства населения своей политике «террора и добродетели»⁴¹, новые власти спешно вводят «новую экономическую политику»⁴².

---

⁴⁰ Многие наблюдения и впечатления этого периода лягут в основу таких трудов учёного, как «Голод как фактор», «Человек и общество в период бедствий» и др. (Прим. авт.).

⁴¹ «Террор и добродетель» (англ. «terror and virtue») – этап революционного процесса по теории американского историка К. Бринтона. (Прим. авт.)

⁴² Новая экономическая политика (НЭП) – экономическая политика, проводившаяся с 1921 по 1927/8 г. в Советской России. Была принята 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), сменив использовавшуюся в ходе Гражданской войны политику «военного коммунизма». (Прим. авт.)

Питирим Александрович пишет: «Жуткие дни мести прошли. Машина красного террора продолжает работать, но теперь она истребляет людей десятками и сотнями вместо тысяч и десятков тысяч. Новая экономическая политика, проводимая коммунистами, начинает оказывать оживляющее воздействие на страну. Как по волшебству, мертвая земля, кажется, возвращается к жизни. Наша свобода, правда, ограничена, но личная инициатива и ответственность утверждаются вновь. Мало-помалу Петроград начал приобретать внешний облик европейского города. Люди ремонтировали свои жилища, стали лучше одеваться, следить за своей внешностью. Печать смерти и запустения, лежавшая на нас целых два года, почти исчезла.

В духовной жизни России наблюдался процесс великого возрождения. Хотя все остальные здания продолжали постепенно разрушаться, церкви начали восстанавливаться и обновляться. Церковные службы, собиравшие мало верующих в 1917-1920 годах, теперь проходили при большом стечении прихожан. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 136).

До выхода России из послереволюционного кризиса, однако, пока ещё далеко. Учёного, его родных и друзей, так же как и всю страну, ждут новые испытания.

§ 1.1.8. В поисках «системы социологии»

При Временном правительстве в 1917 г. социология входит в число изучаемых в вузах дисциплин. В 1919 г. тридцатилетний П.А. Сорокин становится одним из организаторов кафедры социологии Петроградского⁴³ университета, а в 1919-1922 гг. – избирается её руководителем. В это же время он – профессор социологии Сельскохозяйственной академии и Института народного хозяйства. В 1920 г. совместно с И.П. Павловым учёный организует Общество объективных исследований человеческого поведения, а с 1921 г. работает также в Институте мозга, в Историческом и Социологическом институтах.

После фактического восстановления научных степеней и системы их присвоения в 1921 г. он представляет опубликованные им

---

⁴³ До 1914 г. и с 1991 г. – Санкт-Петербургского университета (Прим. авт.).

в 1920 г. два тома «Системы социологии»⁴⁴ в качестве докторской диссертации. При большом стечении студентов и учёных диспут проводится 22 апреля 1922 г. в физической аудитории Петербургского университета⁴⁵. Как водится, эта дата заранее объявляется в университетских изданиях и всех главных газетах⁴⁶.

На диспуте выступают крупнейшие общественеды того времени – Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, И.М. Гревс, И.И. Лапшин, С.И. Тхоржевский, Н.А. Градескул. Все без исключения выступавшие называют книгу выдающимся достижением русской социологической мысли. Питирим Александрович пишет: «По счастливой случайности я сумел сохранить обзорную статью из журнала «Экономист» (№ 4-5, 1922 г.), озаглавленную «Диспут профессора П.А. Сорокина». Статья содержит детальный отчет о публичной защите моей диссертации. В ней сказано, что диспут под председательством декана факультета профессора И.М. Гревса, известного специалиста по истории средних веков, состоялся в большой физической аудитории, до отказа заполненной преподавателями, студентами, учеными извне университета, журналистами и заинтересованной публикой. В начале этого памятного заседания ученый секретарь факультета огласил биографиче-

---

⁴⁴ «Система социологии» представляет собой краеугольный камень научных воззрений П.А. Сорокина российского периода его творчества. В известном смысле П.А. Сорокин продолжал писать «Систему» всю свою жизнь (Прим. авт.).

⁴⁵ В послереволюционные времена в России подобное событие приравнивалось к защите докторской диссертации. Формально же по результатам диспута учёный единогласно признаётся достойным звания «профессора социологии.» (См. «Хронику жизни и деятельности П.А. Сорокина» В «Питирим Александрович Сорокин». Под ред. В.В. Сапова. с. 475.). (Прим. авт.).

⁴⁶ Интенсивная научная жизнь «северной Пальмиры» оказывает значительное влияние на общественную жизнь и наоборот. Так, научные диспуты вдруг оказываются центром внимания широкой публики, газет и т. п. Интересно, что в других метрополисах мира те же явления наблюдаются и в отношении других отнюдь не развлекательного характера событий, например, накалённых политических дискуссий в Капитолии американской столицы: «В так называемый «золотой период» Сената (2-я четверть XIX в.) дебаты по вопросам ликвидации рабства и сохранения союза штатов страны занимали в проходивших здесь заседаниях центральное место. Речи таких ораторов, как Д. Калхун из штата Северная Каролина, Г. Клея из штата Кентукки и Д. Вебстера из штата Массачусетс привлекали сюда буквально толпы зрителей. Красноречивая троица даже получила от восхищённых слушателей прозвище «великого триумвирата». В те дни, когда на галерее не хватало мест, джентльмены сенаторы галантно уступали дамам свои места. с. 98.) (см. Алалыкин-Извеков, В. «Вашингтон». New York: Effect Publishing, 2000. 298 с.) (Прим. авт.)

ские сведения о диссертанте и список его трудов. Затем последовало вступительное слово П.А. Сорокина, открывшее диспут. В своем выступлении он отметил основные принципы, преемственность, методы и цели двух томов его работы. После этого выступили официальные оппоненты, назначенные университетом: известный профессор социологии К.М. Тахтарев, заслуженный ученый, историк и социолог профессор Н.И. Кареев и знаменитый профессор философии И.И. Лапшин. Каждый из них, дав общую высокую оценку труда Сорокина, подвергал далее детальной критике его слабые и сомнительные стороны. Диссертант энергично защищался по всем пунктам предъявленных ему критических замечаний. Вслед за официальными оппонентами в диспуте выступили несколько других ученых, например, бывший вице-президент I Государственной Думы, профессор Н.А. Гредескул и профессор экономики С.Н. Тхоржевский. Дебаты продолжались в общей сложности шесть часов и закончились тайным голосованием профессоров факультета. Статья в «Экономисте» отмечает в конце, что «ввиду отмены в настоящее время ученых степеней диспут закончился заявлением проф. Н.М. Гревса о единогласном признании работы удовлетворительной. Многочисленная публика наградила диспутанта долго несмолкаемыми аплодисментами». В тот вечер я устал, но был счастлив, что удачно прошел сквозь огонь и воду. Последующие события показали, что дата публичного диспута также была выбрана удачно. Если бы ее перенесли на два-три месяца позже, защита никогда не состоялась бы, поскольку вскоре правительство коммунистов возобновило свои попытки арестовать меня, и в сентябре 1922 года я был выслан за пределы России, в которую с тех пор не возвращался». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 70-71).

§ 1.1.9. Голод

Во многих своих трудах П.А. Сорокин подчёркивает, что бедствия обычно не приходят поодиночке. Так, например, революция часто влечёт за собой войну, та – голод, эпидемии и другие бедствия⁴⁷. Неудивительно поэтому, что задолго до того, как размеры бедствия становятся очевидными каждому, особое внимание в те годы учё-

---

⁴⁷ См. например, такие труды П.А. Сорокина, как «Голод как фактор», «Человек и общество в условиях бедствий» и др. (Прим. авт.)

ный уделяет всестороннему научному изучению феномена голода как бедствия.

Так, вместо продолжения работы над третьим томом «Системы социологии» он «распространяет» главу монографии о феномене голодания в отдельную книгу «Голод как фактор»⁴⁸. Немного позже одна из глав «Голода», в свою очередь, превратится в отдельную монографию «Социология революции». Так, в постоянно изменяющихся формах учёный неустанно продолжает работу над своей системой научного изучения социокультурного универсума. Пока же, в 1921 году, учёный пишет: «То, чего мы более всего опасались, случилось в России в 1921 году. Глядя на карту России, где были отмечены провинции с плохим урожаем или вообще без него, мы говорили, что, по крайней мере, двадцать пять миллионов человек должны будут умереть зимой от голода, если мир не придет им на помощь. Мы говорили об этом задолго до того, как правительство и Максим Горький обратились ко всем нациям о помощи голодающим. Когда наступил ужасный голод 1921 года, спасения от него не было: ни одна губерния не имела излишков хлеба». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 138).

Происшедшее далее представляет собой характерную картину того, как в жизни и творчестве П.А. Сорокина парадоксально (и нередко героически) сочетаются долг перед обществом и перед наукой. Учёный никогда не ждёт «второго шанса», и рискуя жизнью, незамедлительно бросается в гущу социально-политических потрясений и предоставляет как научной, так и широкой общественности глубокий и пронизательный анализ происходящего⁴⁹. Зимой 1921 г. учёный проводит исследования феномена голода в Тамбовской, Самарской и Саратовской губерниях. Вот как, на первый взгляд, бесстрастно и с научной точностью описывает те трагические события сам П.А. Сорокин: «Опубликовав два тома «Системы социологии», я отложил написание третьего тома, чтобы непосредственно из-

---

⁴⁸ Голод, как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – Пг.: Колос. 1922 – 272 с. (Прим. авт.)

⁴⁹ В.В. Сапов отмечает в этой связи, что в личности П.А. Сорокина он находит «своеобразное, хотя не такое уж редкое для России, сочетание черт Джека Лондона и Достоевского» (Сапов, В.В. В начале «Длинного пути» (Первая книга Питирима Сорокина) / Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Питирим Александрович Сорокин; вступ. Статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 618 с. С. 4. (Прим. авт.).

учить явление, типичное для революций, – голод. Вместе со студентами и сотрудниками, в тесном взаимодействии с академиками И. Павловым и В. Бехтеревым, я начал исследование влияния голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества.

Ранее я изучал голод в городе, используя себя как объект наблюдения, а сейчас у меня была лаборатория необъятных размеров – голодающие деревни и села России. Зимой 1921-го я отправился в районы бедствия Самарской и Саратовской губерний для научного изучения массового голода. Я почти сразу убедился, что не смогу осуществить это намерение. Никакие эксперименты не было возможности проводить, но я видел голод и знаю теперь, что это значит. То, что я узнал там, в этих страшных губерниях, превосходило любой научный опыт. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам в годы революции, не выдержала зрелища настоящего голода миллионов людей в моей опустошенной стране. И хотя я оказался не способен проводить там исследования в полном объеме, я многое приобрел просто как человек и еще более укрепился во враждебном отношении к тем, кто принес такие страдания людям». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 138).

И далее: «В мае 1922 года я приступил к изданию книги «Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества». Еще до публикации многие параграфы и даже целые главы были вырезаны цензурой. Книга, как нечто цельное, погибла, но то, что осталось, было все же лучше, чем ничего. Война, которую вели Советы на идеологическом фронте, и террор усиливались снова. Все мы жили, не загадывая на будущее, ожидая каждый день новых ударов со стороны властей». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 140).

Книга представляет собой, говоря словами автора, анализ «социальной роли питания вообще и голода, в частности»⁵⁰. В ней впервые предпринято философско-историческое и социологическое осмысление голода 20-х годов XX столетия в России – колоссального бедствия, которому автор является непосредственным свидетелем.

Уникальна история монографии, которая хотя в «укороченном» состоянии и публикуется в России, однако тут же изымается из цир-

---

⁵⁰ Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Вступ. статья, составление, комментарии, подг. к печати В.В. Сапова и В.С. Сычевой. М.: Academia & LVS, 2003. XII, 684 с. библи., табл., указ. имен. С. 3. (Прим. авт.).

куляции и уничтожается советской цензурой сразу же после изгнания тридцатитрёхлетнего ученого из страны в 1922 г. Однако, как известно, «рукописи не горят»⁵¹ и в 2003 г. книга в полном объеме возвращается на родину мыслителя.

§ 1.1.10. Изгнание

Тем временем, образ мыслей первого советского профессора социологии все менее удовлетворяет власти. Так, по меньшей мере «некорректным» признается тон его рецензии на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма»⁵².

К учёному начинаются претензии властей, в частности, против него выступает в печати не кто иной, как сам вождь революции. В марте 1922 г. в журнале «Под знамёнами марксизма» публикуется статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», содержащая достаточно резкое замечание относительно одной из работ П.А. Сорокина⁵³. В сентябре 1922 г. уничтожается подготовленная к печати книга учёного «Голод как фактор».

В целом по стране правительство усиливает идеологический контроль над содержанием обучения по общественным дисциплинам.

---

⁵¹ Цитата из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». (Прим. авт.).

⁵² Рецензия П.А. Сорокина книги Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма» (М.: Госиздат, 1922) публикуется в «Экономисте» (№ 4-5, 1922. С. 143-148). Сорокин завершает ее так: «...по сравнению с обычными трудами русских марксистов-коммунистов по затронутым вопросам книга г-ра Бухарина гораздо грамотнее, интереснее и научнее. По сравнению с современным состоянием «буржуазной социологии» она во многом грешит, во многом неверна и во многом отстала. И тем не менее появление ее я приветствую. Ознакомление с нею буржуазных исследователей рельефнее подчеркнет здоровое ядро социологической доктрины марксизма». (Прим. авт.)

⁵³ Речь идет о количестве разводов в послереволюционной России 20-х годов XX столетия. В.И. Ленин цитирует: «На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев, 41% – менее 3-6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83). Действительно, с точки зрения В.И. Ленина, подобная статистика разводов может являться вполне приемлемой. Возможно, что П.А. Сорокин имел в виду статистику процентов разводов, а при печатании в журнале таковая была «перепутана» со статистикой их числа. (Прим. автора).

плинам и начинает отстранять от преподавания и от руководства наукой «буржуазную профессуру». В 1921 г. лишается права преподавать в университете и Сорокин, а летом 1922 г. начинаются аресты представителей научной и творческой интеллигенции. В конце концов, разделив участь около двухсот других «инакомыслящих», в 1922 г. тридцатитрёхлетний учёный навсегда покидает родину⁵⁴. П.А. Сорокин вспоминает: «...Хмурым днем 23 сентября 1922 года первая группа высланных собралась на московском вокзале. Я внес два саквояжа в латвийский дипломатический вагон. «Все свое ношу с собой». Это я мог бы сказать и про себя. В туфлях, присланных чешским ученым, костюме, пожертвованном мне Американской организацией помощи, с пятьюдесятью рублями в кармане я покидал родную землю. Все мои спутники были в сходном положении, но никто особенно не волновался по этому поводу. Несмотря на запрет властей, многие друзья и знакомые пришли проводить нас. Было много цветов, объятий и слез. Мы, отъезжающие, вглядывались в их лица, смотрели на уплывающие назад улицы Москвы, ловили последние образы покинутого Отечества. На следующий день мы приехали в пограничный населенный пункт. Полчаса спустя промелькнул красный флаг, и советская Россия осталась позади. Вечером мы впервые за пять лет легли спать не задумываясь, придут ли за нами этой ночью». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 144).

§ 1.2. Европейский период

28 сентября 1922 г. учёный вместе с супругой⁵⁵ прибывают в Берлин, а уже 3 октября он выступает здесь с докладом «О современном положении России». С 4 октября того же года по приглашению президента Чехословацкой республики, социолога и друга ученого, Т.Г. Мазарика, они проживают в Праге.

Здесь П.А. Сорокин читает лекции в Русском университете⁵⁶, уча-

---

⁵⁴ Хотя учёный был выслан за границу из Петрограда на поезде, он становится одним из тех, кого ассоциируют с т. н. «Философским пароходом». (Прим. авт.).

⁵⁵ Жена ученого – Е.П. Сорокина (Баратынская) (1884-1975 гг.). Ботаник-цитолог, доктор наук. (Прим. авт.).

⁵⁶ Русский народный университет (РНУ) – образовательное учреждение, созданное в Праге русскими эмигрантами. Университет существовал с 16 октября 1923 г. по 2 марта 1949 г. (Прим. авт.).

ствуем в организации и редактировании двух журналов⁵⁷, а также подготавливаем к печати пять книг как чисто академического содержания, так и посвященных анализу политической ситуации в России. Менее чем за год⁵⁸ пребывания в «европейской» эмиграции П.А. Сорокин, в основном, создаёт свой классический труд «Социология революции»⁵⁹, в котором представляет глубокий научный анализ структуры и эволюции революционного процесса.

Учёный пишет о своём пребывании в «Северном Риме»⁶⁰: «Основное внимание я уделял занятиям наукой. Интенсивно знакомясь с последними социологическими трудами западных ученых, которые были недоступны мне в годы революции, я старался обновить и осовременить мои знания западной научной литературы. Когда меня пригласили прочитать серию публичных лекций в Праге, я написал и затем издал эти лекции в виде книги «Современное состояние России»⁶¹ (Прага, 1922). Готовя курс лекций для студентов Русского университета и для чешских и карпато-русских учителей, я написал и опубликовал другую книгу – «Очерки социальной педагогики и политики»⁶² (Ужгород, 1923). Как редактор и автор нашего журнала «Крестьянская Россия», я напечатал несколько статей-исследований в области сельской социологии. Эти публикации составили теоретический костяк, позднее полностью разработанный в солидных томах, написанных мной во время преподавания в Миннесотском и Гарвардском университетах.

Основные мои исследования, однако, лежали в области социологии революций. Мне удалось написать черновой вариант труда по этой теме на русском языке, пока мы были в Праге. После приезда в

---

⁵⁷ Журналы «Деревня» и «Крестьянская Россия». (Прим. авт.).

⁵⁸ В общей сложности П.А. Сорокин проводит в Чехословакии около девяти месяцев в 1922-1923 гг. (Прим. авт.).

⁵⁹ Книга издается в Праге книгоиздательством «Хутор» в 1922 г. (на обложке значится 1923 г.). (Прим. авт.).

⁶⁰ «Северный Рим» – неформальное название Праги. (Прим. авт.).

⁶¹ «Современное состояние России». – Прага. 1922 г. – 108 с. Согласно биографу ученого Б.В. Джонстону, книга была позже переработана и послужила основанием для монографии «Голод как фактор» (см. Johnston, B.V. (1995) Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. University of Kansas, pp. 23; 281). (Прим. авт.).

⁶² «Популярные очерки социальной педагогики и политики». Ужгород, 1923. (Прим. авт.).

Соединенные Штаты он был опубликован в переводе на английский язык под названием «Социология революции». Филадельфия и Лондон, 1925).» (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 146-147).

§ 1.3. Американский период

§ 1.3.1. Первые шаги за океаном

И тем не менее, Питирима Александровича снова тянет к переменам. Весной 1922 г. учёный получает приглашение прочитать серию лекций в Иллинойском университете. Сорокин признаётся: «Возможно, мы бы так и остались в Чехословакии навсегда, в качестве преподавателей одного из чешских вузов, если бы я не получил приглашения от двух уважаемых американских социологов – Эдварда Хайеса из университета штата Иллинойс и Эдварда О. Росса из Висконсинского университета. Они пригласили меня приехать в Америку, чтобы прочесть серию лекций о русской революции. ...Серия лекций в университетах Иллинойса и Висконсина планировалась на январь и февраль 1924 года. Я выехал раньше, поскольку хотел исправить мой слабый английский месяца за два до начала лекций. Вот так я снова вступил на свою «дальнюю дорогу», снова стал перекаати-полем, со столь знакомыми печальными расставаниями и нелегкими приездами на новое место. Говоря социологическими терминами, моя «горизонтальная и вертикальная мобильность»⁶³ снова внезапно ускорила. На этот раз она перенесла меня за океан и выбросила на берега великой страны». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 148-149).

Итак, в 3 ноября 1923 года⁶⁴ тридцатичетырехлетний учёный оказывается в США. Первое время уходит на ознакомление с новыми

---

⁶³ П.А. Сорокин является автором таких вошедших в широкое научное и литературное употребление терминов, как «социальная мобильность», «социальная стратификация», «культурная суперсистема» и мн. др. Характерно, что почти столетие спустя современные американские политики возвращаются к наследию П.А. Сорокина и формулируют политические установки с использованием введенных им понятий. См., напр., Badger, E. «Hillary Clinton is getting serious about social mobility» Washinton Post. March 23, 2015. Электронный источник: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/03/23/hillary-clinton-is-getting-serious-about-social-mobility/>

⁶⁴ См. Johnston, B.V. (1995) Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. University of Kansas, p. 281). (Прим. авт.).

людьми и реалиями, активное изучение английского языка. И тем не менее, научная работа непрерывно продолжается. С конца ноября 1923-го по середину января 1923 г. учёный проводит шесть недель в известном Колледже Вассара⁶⁵, где он читает свои первые лекции на английском языке.

С рождества 1923 г. по март 1924 г. учёный проводит в университетах Чикаго, Висконсина и Иллинойса, а в марте 1924 г. он возвращается в Нью-Йорк и снимает комнату в доме друга на Лонг Айленде⁶⁶. В этом тихом пригороде он занимается доведением рукописей «Социологии революции»⁶⁷ и «Страниц из русского дневника». Кроме того, пишет статью для «Мичиганского правового обозрения» на тему «Новые советские законодательство и юстиция» и ряд других работ для популярных и научных журналов. Из Лонг Айленда он также совершает несколько поездок с лекциями по близлежащим университетам и колледжам, включая Принстонский университет.

Обнадёженный продолжающими приходиться приглашениями читать лекции, учёный чувствует уверенность, что со временем он сможет занять подобающее положение в здешнем научном мире и решает навсегда остаться в Соединенных Штатах. Поэтому он высылает деньги и вызов жене в Чехословакию, чтобы она могла приехать в Америку.

Подытоживая нелёгкий период прорастания корнями в почву чужой страны, П.А. Сорокин замечает: «Оглядываясь назад, вижу, что немало добился за первые шесть месяцев жизни в Соединенных Штатах – выучил английский язык достаточно хорошо, чтобы писать и читать лекции на нем, сделал книгу «Страницы из русского дневника», закончил рукопись «Социологии революции», не говоря уже о нескольких статьях, провел ряд лекций по разным проблемам социологии, хорошо узнал образ жизни Америки, ее мысли и душу». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 156-157).

---

⁶⁵ Имеется в виду Колледж Вассара (англ. Vassar College) – частный колледж с гуманитарным уклоном и (с 1969 г.) совместным обучением в г. Покипси (англ. Poughkeepsie), штата Нью-Йорк. Основанный в 1861 г. М. Вассаром, это был первый готовящий дипломированных специалистов женский колледж в США. (Прим. авт.).

⁶⁶ Лонг Айленд – (англ. Long Island – «длинный остров») – остров в Атлантическом океане вблизи устья реки Гудзон на северо-востоке США, на юге штата Нью-Йорк. Географически представляет собой часть города Нью-Йорк, а также его пригородов. (Прим. авт.).

⁶⁷ *Sociology of Revolution*.-Philadelphia; L. 1925. – 428 p. (Прим. авт.).

§ 1.3.2. Шесть лет в университете штата Миннесота

Летним семестром 1924 г. учёный приступает к чтению лекций в Миннесотском университете. Преподавание проходит успешно, ученый получает предложение о постоянной работе и преподает здесь с 1924-го по 1930-й гг. Одновременно он интенсивно работает над новыми трудами.

В 1924 г. Сорокин публикует «Страницы из русского дневника»⁶⁸, где он описывает и анализирует события в России с января 1917 г. по сентябрь 1922 г. В 1925 г. выходит в свет на английском языке «Социология революции», за ней следует «Социальная мобильность» (1927); через год – «Современные социологические теории» (1928); еще через год – «Основания городской и сельской социологии» (написанная в соавторстве с коллегой и другом К. Циммерманом); и, наконец, трехтомная «Систематическая антология сельской социологии» (1930-1932 гг.). Учёный делится с нами: «Шесть лет в Миннесоте были по-настоящему счастливыми! Подобно новообращенным в веру, мы видели только прекрасные стороны нашего нового отечества и не замечали непривлекательные его черты. Социальные институты на муниципальном уровне, в штатах и федерации в целом представлялись нам совершенно безупречными. Конституция страны и Билль о правах производили впечатление великолепной реализации тех политических и социальных идеалов, за которые мы боролись в России. Всею душой мы наслаждались окружающей нас свободой. Это ощущение свободы было сродни тому состоянию радости и бьющей через край энергии, которое я испытывал в моменты освобождения из царских и коммунистических тюрем. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 159).

Ученый продолжает: «В этом счастливом состоянии духа мы приступили к исследовательской и преподавательской работе в Твин Ситиз»⁶⁹. Жена решила продолжить аспирантские занятия, начатые еще в России, чтобы получить степень доктора наук по ботанике в Университете Миннесоты. В течение года она успешно выполнила все требования и получила степень в 1925 году. Университет Миннесоты предложил бы ей место преподавателя или исследователя, не будь правовых

---

⁶⁸ «Leaves from a Russian Diary». – N.Y. 1924. – 310 p. (Прим авт.).

⁶⁹ Имеются в виду города Миннеаполис и Сент-Пол в штате Миннесота. Вместе они образуют муниципальный конгломерат «Города-близнецы» (англ. Twin Cities). (прим. авт.).

ограничений, запрещающих найм двух и более членов одной и той же семьи. Поэтому жена приняла предложение занять место профессора ботаники в Хэмлинском университете г. Сент-Пола на время продолжения ее исследований в лабораториях Университета Миннесоты.

На работе у меня сложились вполне дружеские отношения с администрацией, в частности с вице-президентом Дж. Лоуренсом и деканами Г.С. Фордом и Х. Джонстоуном, преподавателями и студентами. На факультете социологии его председатель Ф.С. Чэйпин, профессора Дж. Финни, М. Элмер, М. Уилли, а позже и Э. Сазерлэнд великодушно помогали мне в любое время и по любому поводу. Так же поступали студенты и аспиранты. Несмотря на мой сильный акцент, довольно много студентов записывалось на мои лекции и семинары. Вскоре я обнаружил, что меня окружает теплое братство юных и зрелых людей, объединившихся в общем стремлении к углубленному научному знанию и лучшему пониманию человека, его поведения, социальной жизни и культурных процессов». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 160).

Среди молодых ученых факультета П.А. Сорокин особенно сдруживается с К. Циммерманом. Их сотрудничество приносит плоды в виде ряда статей, книги «Основы сельской и городской социологии» и трех солидных томов систематизированных источников по сельской социологии. После переезда Питирима в Гарвард К. Циммерман следует его примеру. В Гарвардском университете их дружба продолжается.

Тем временем, научные публикации следуют одна за другой. Учёный вспоминает:

«Энтузиазма у меня хватало, и за шесть лет в Университете Миннесоты я опубликовал множество статей⁷⁰ в американских и зарубежных научных журналах, а также книги «Листки из русского дневника»⁷¹ (1924), «Социология революции»⁷² (1925), «Социальная мобиль-

---

⁷⁰ Среди других, в 1927 г. учёный публикует статью «Обзор циклических концепций социально-исторического процесса» («A survey of cyclical conceptions of social and historical process» // *Social forces*. № 6. – P.28-40. См. также «Обзор циклических концепций социально-исторического процесса» // *Социологические исследования*. 1998. № 12. – С. 3-14. (Прим. авт.)

⁷¹ Имеются в виду «Страницы из русского дневника» (Sorokin, P.A. *Leaves from the Russian Diary and Thirty Years After*. N.Y., 1970). (Прим. авт.)

⁷² «Социология революции» (*The sociology of revolution*. By Pitirim A. Sorokin. Philadelphia: J. B. Lippincott Co. 1925). (Прим. авт.)

ность»⁷³ (1927), «Современные социологические теории»⁷⁴ (1928), «Основы сельской и городской социологии»⁷⁵ в соавторстве с Циммерманом (1929), три тома систематизированного указателя источников по сельской социологии совместно с К.К. Циммерманом и Ч.Дж. Гэлпиным (1930-1932). Последняя работа была выполнена в Миннесоте, хотя второй и третий тома вышли уже после моего переезда в Гарвард. Такой объем работы потребовал много времени и сил, особенно при отсутствии секретаря или других форм помощи. За исключением нескольких глав, разработанных Циммерманом и Гэлпином в книгах по сельской социологии, все остальное я писал самостоятельно, сам проделав к тому же всю исследовательскую работу. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 162).

И далее: «Закончив написание «Современных социологических теорий»⁷⁶, я в сотрудничестве с К.К. Циммерманом приступил к изучению основных проблем сельской социологии. За один год нам удалось закончить исследования и опубликовать их в 1929 году в книге «Основы сельской и городской социологии»⁷⁷. Ее приняли очень благосклонно. Кроме прочего, от Министерства сельского хозяйства США поступило предложение провести подготовку систематизированного руководства и хрестоматии по сельской социологии. Оно исходило от известного социолога-агрария Чарльза Дж. Гэлпина, в то время руководителя отдела фермерского населения и сельской жизни в министерстве. Еще до публикации «Основ» он писал мне письма, в которых выражал глубокое удовлетворение моими предыдущими книгами («Мобильность» и «Теории»). Поскольку предложение это давало нам возможность расширить, развернуть и более полно разработать главные идеи и основные выводы, содержащиеся в «Основах», и сам Гэлпин выразил желание сотрудничать с нами, мы приняли его предложение и углубились в

---

⁷³ «Социальная мобильность». (Social Mobility, Harper & Brothers, NY, 1927. 559 p. – Harper's social science series. (Прим. авт.).

⁷⁴ «Современные социологические теории» (Modern Sociological Theories. NY: Harper, 1928.(Прим. авт.)

⁷⁵ «Основы сельской и городской социологии» («Principles of rural-urban sociology. – N.Y. – 652 p. – Auth.: P.A.Sorokin , C.C. Zimmerman). (Прим. авт.).

⁷⁶ «Contemporary sociological theories: Through the first quarter of the twentieth century». – N.Y. – 1928. 785 p. (Прим. авт.).

⁷⁷ Principles of rural-urban sociology. – N.Y. – 652 p. – Auth.: P.A.Sorokin , C.C.Zimmerman. (Прим. авт.).

работу. При помощи Т. Лынна Смита, Ч. Таубера и других аспирантов мы закончили работу над объемной рукописью «Систематизированная хрестоматия по сельской социологии»⁷⁸ в течение 16 месяцев. Издательство Университета Миннесоты быстро опубликовало первый том в 1930 году, второй и третий тома, соответственно, в 1931 и 1932 годах». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 169-170).

§ 1.3.3. Начало работы над «Динамикой» и приглашение из Гарварда

После завершения работы над рукописью «Хрестоматии по сельской социологии» учёный задумывается над научными планами на будущее. Сорокин вспоминает: «Так или иначе, эта новая проблематика ранее уже смутно брезжила в моем сознании. Теперь она начала все больше занимать мое внимание и воображение, и тщательно обдумывая ее, я осознавал те огромные трудности, которые требуется преодолеть в целой серии необходимых исследований. Мне становилось ясно, какой гигантский труд потребует для этого и как скромны мои возможности для того, чтобы адекватно справиться с такой задачей. Несмотря на эти сомнения, тема дразнила и манила, так что после некоторых колебаний я сделал выбор и взялся за нее. Принявшись за дело, я неторопливо начал предварительные разработки выбранной темы». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 170).

Интересы учёного теперь сосредоточиваются главным образом на общих вопросах социальной организации и ширококом обзорении истории человечества с позиций интегрального подхода. Однако связанные с публикацией в 1937-1941 гг. четырёх томов «Динамики» триумфы и разочарования пока ещё впереди. Тем временем, находясь ещё в Миннесоте, учёный и не подозревает, что в его жизни предстоит крутой поворот. Он делится с нами: «После публикации «Основ»⁷⁹ и первого тома «Хрестоматии»⁸⁰ мой престиж

---

⁷⁸ A systematic sourcebook in rural sociology: In 3 Vol. / Ed.: P.Sorokin, C.C.Zimmerman, C.J.Calpin. – Wash.; Minneapolis. 1930 – Vol.1-3. (Прим. авт.).

⁷⁹ Имеются в виду «Основы сельской и городской социологии» (Principles of rural-urban sociology. – N.Y. – 652 p. – Auth.: P.A.Sorokin, C.C. Zimmerman). (Прим. авт.)

⁸⁰ Имеется в виду «Систематизированная хрестоматия по сельской социологии» (A systematic sourcebook in rural sociology: In 3 Vol. / Ed.: P.Sorokin, C.C.Zimmerman, C.J.Calpin. – Wash.; Minneapolis. 1930 – Vol.1-3). (Прим. авт.).

в науке значительно возрос. Книги были встречены с энтузиазмом: в статьях, рецензиях и личных ко мне письмах их называли «вехами», «великими», «основополагающими» и тому подобными вкладами в сельскую и городскую социологию. Среди прочих знаков высокой оценки моих книг упомяну два предложения постоянно-го профессорства от двух больших национальных университетов. Однако, поскольку Университет Миннесоты с готовностью предоставил мне те условия, о которых шла речь в этих предложениях, и мы с женой привыкли к Миннесоте, я отклонил их. Вполне довольные нашим положением, мы думали, что проживем здесь до старости». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 171).

Вскоре, однако, обстоятельства жизни учёного и его семьи существенно меняются. П.А. Сорокин вспоминает: «Весной 1929 года я получил приглашение от факультета экономики Гарвардского университета и Комитета по социологии и социальной этике приехать в Гарвард, чтобы провести несколько лекций и семинаров на тему по моему усмотрению. ... Мои лекции и семинарские занятия, кажется, прошли хорошо. По крайней мере, многие ученые тепло поблагодарили меня за выступление. Я тоже получил удовольствие от визита. Ученые и студенты Гарварда, университетские атмосфера и нравы оставили вполне благоприятное впечатление. К концу моего визита у меня возникло смутное ощущение, что пригласили меня не просто как приезжего лектора, а как возможного «жениха», у которого хотят внимательно рассмотреть внешность, манеры, ценностные ориентации, черты характера и научные способности. Если эта догадка была верной, то гарвардцы, конечно, успели хорошо рассмотреть, что я из себя представляю. Однако никаких предложений в ходе визита мне сделано не было. Закончив программу, я поблагодарил хозяев и попрощался с новыми друзьями. В Миннесоту вернулся вполне довольный как путешествованием, так и щедрым чеком в кармане.

После возвращения я сделал несколько последних уточнений в «Хрестоматии» и занялся написанием двух статей. Наступившие летние каникулы мы провели в горах Колорадо. Четыре недели отдыха восстановили мою энергичность и душевное равновесие. Время от времени даже на отдыхе, в промежутках между физической активностью, я снова и снова задумывался о проблемах запланированной мною работы. Хорошо отдохнув, мы вернулись в Миннеа-

полис. Там с новой энергией я принялся разрабатывать тему будущей «Динамики». Предварительные исследования прояснили одну вещь: если делать работу как следует, то одному мне с ней не справиться, нужна значительная помощь ряда хороших специалистов по истории и психосоциальным наукам.

В конце сентября 1929 года, когда я ломал голову, где достать такую помощь (ведь у меня не было денежных фондов, чтобы просто оплатить ее), пришло письмо от президента Лоуэлла из Гарварда. В любезном стиле он информировал, что университет впервые в своей истории решил учредить кафедру социологии и по единодушному решению кафедра предлагается мне. Далее в письме детализировались финансовые и прочие условия, включая привилегию самому выбрать факультет, где будет организована моя кафедра. В ответе президенту Лоуэллу я написал, что условия предложения щедры и подходят мне. Однако я позволил себе заметить, что они были бы еще лучше, если кафедру социологии в скором времени преобразовать в полный отдельный факультет социологии. Это встречное предложение было быстро одобрено, и 28 октября 1929 года президент и сотрудники Гарварда избрали меня профессором социологии, с началом преподавания с 1 сентября 1930 года». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 171-172).

Учёный и его семья добираются до Кэмбриджа на автомобиле через живописные места Миннесоты, Висконсина, Мичигана, а также Канады в конце августа 1930 года. С первого сентября того же года П.А. Сорокин начинает преподавание в Гарвардском университете, а также организацию здесь социологического факультета, которым он бессменно руководит с 1931-го по 1942 гг.

Биограф ученого Б. Джонстон комментирует состояние дел с основанием нового факультета: «В то время, как прибытие Сорокина в Гарвард было во многих отношениях невероятным событием, оно представляло собой также предпринятую университетом серьезную инициативу утверждения в социологии. Лоуэлл⁸¹ явно стремился разрешить свои проблемы с департаментом социальной этики. Пригласив Сорокина, он заменял маргинальную дисциплину более «строгой» областью исследований. Социология изучала действи-

---

⁸¹ Э.Л. Лоуэлл (1856-943 гг.) – американский юрист и педагог. Был президентом Гарвардского университета с 1909-го по 1933 гг.

тельность такой, какова она есть. Сорокин, чья ориентация была явно направлена на научные исследования фактов социальной действительности, занимался компаративными и всеобъемлющими исследованиями обществ мира и намеревался продвигать социологию в направлении законодательной теории социальной организации и изменения.

Под руководством Сорокина и социальная этика, и социология, преподаваемые в русле обучения экономике, дистанцируются от не имеющих ответов и относящихся к сфере должного вопросов. Для Лоуэлла это означало, что данные перемены поместят социальную этику в надлежащий контекст и установят социологию в качестве строгой дисциплины для студентов университета. Лоуэлл также рассматривал Сорокина в качестве выдающегося представителя данной дисциплины».

Как ученый, Сорокин открыл новые направления в областях стратификации и социальной мобильности; аграрная социология была переориентирована от привязанных к культуре, оценочных исследований в направлении настоящей социологии сельской жизни; не говоря уж о том, что, благодаря представленной этим эмигрантом панорамной картине европейских исследований, провинциализм американской дисциплины был превзойден. Лоуэлл чувствовал, что в Сорокине он нашел то, что Гарвард искал в своих постоянных сотрудниках: лучшего и наиболее квалифицированного специалиста в данной области». (Джонстон, р. 63).

§ 1.3.4. Первые годы в Гарварде

Гарвардский период становится самым плодотворным и творческим в жизни П.А. Сорокина. Именно в 30-50-е годы учёный достигает своего «акме», его труды приобретают мировую известность, а их автор входит в ряды выдающихся мыслителей современности. Однако поначалу много времени отнимает устройство на новом месте. Со всегда присущим ему юмором учёный признаётся: «В первые несколько месяцев нашей жизни в Кэмбридже у меня не было времени работать над «Динамикой». Во-первых, нам следовало найти жилье, что мы и сделали, сняв половину комфортабельного дома на две семьи на Вашингтон-авеню. Затем нам пришлось в буквальном смысле «проесть себе путь через весь Кэмбридж и Бостон» на бесчисленных ланчах и

обедах, которые устраивали как гарвардские профессора, так и коренные бостонцы, а также сановники обоих городов, Кэмбриджа и Бостона. Я никогда особенно не любил «жизнь общества», состоящую из бесконечных званных обедов и вечеринок, тем не менее, подобно всем новичкам Гарварда, мне пришлось пройти через этот ритуал, чтобы не нарушать обычаи. Кроме того, у нас было множество мелких забот, неизбежных при устройстве на новом месте, которыми следовало заняться, дабы приспособиться к окружающему нас обществу. Эта «внеучебная», так сказать, деятельность занимала значительную часть моего времени». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 174).

Возвращаясь к серьёзному тону, он, впрочем, тут же замечает: «И всё же основным моим занятием тогда было выполнение академических обязанностей – подготовка к лекциям, изучение местных правил и установлений, присутствие на заседаниях различных комитетов и, в частности, председательство в комитете по организации нового социологического факультета». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 174).

В декабре 1930 года я представил выработанный комитетом план создания социологического факультета президенту Лоуэллу. Он и его администрация одобрили проект за исключением одного момента: они отказали в назначении Толкотта Парсонса⁸² факультетским инструктором. Несколько удивленный этим, я спросил профессора Бёрбэнка, президента факультета экономики, где Парсонс был инструктором, какие причины стоят за этим отказом. Суть сказанного Бёрбэнком заключалась в том, что Парсонса экономика интересует меньше, чем социология, и по этой причине, видимо, качество работы на факультете оставляло желать лучшего, и что, может быть, Парсонсу лучше заняться социологией, так что экономический факультет будет только рад отдать его нам». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 176).

Как и всегда, суждения П.А. Сорокина являются вполне независимыми от мнений «элиты» Гарварда. Не говоря уже о своём предложении организовать вместо одной кафедры социологии целый

---

⁸² Толкотт Парсонс (1902-1979 гг.) – американский социолог-теоретик, глава школы структурного функционализма. В 1927-1973 годах он преподаёт в Гарварде, где возглавляет междисциплинарный факультет общественных отношений (по сути, созданный ранее П.А. Сорокиным и затем «переименованный» социологический факультет Гарвардского университета). Президент Американской социологической ассоциации (1949), её секретарь (1960-1965). (Прим. авт.)

факультет, вот что он пишет об интеллектуальном и научном потенциале своего главного «соперника» и позже, в «административном» смысле, «преемника» Т. Парсонса: «Мои личные впечатления от Парсонса, сформированные несколькими встречами с ним, были довольно благоприятны. В наших беседах он показал хороший аналитический ум и знакомство с теориями Дюркгейма, Парето, Вебера и других социологов. Весьма впечатленный его знаниями, я уверенно рекомендовал назначение Парсонса членом комитета и получил их одобрение моей рекомендации.

Учитывая это, я сказал профессору Бёрбэнку, что мы настаиваем на кандидатуре Парсонса, и попросил его, а также Тауссига, Гэя, Карвера и Перри поддержать рекомендацию комитета перед президентом Лоуэллом и администрацией. Членов комитета я тоже попросил употребить все свое влияние на администрацию в этом вопросе. Заручившись их поддержкой, я приложил все силы, чтобы убедить мистера Лоуэлла изменить решение. После двух бесед с ним я в конце концов получил его согласие на назначение Парсонса. После конструктивного решения данной проблемы администрация представила план создания факультета профессорско-преподавательскому составу Гарварда и получила его одобрение. Факультет был официально создан в начале 1931 года и с сентября приступил к обучению студентов». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 176-177).

§ 1.3.5. Возобновление работы над «Динамикой»

Питирим Александрович вспоминает: «В конце первого моего семестра в Гарварде работа по организации нового факультета была в основном закончена. Требующие времени ритуальные обеды в Кэмбридже по большей части также окончились. Это давало мне возможность больше работать над «Динамикой» и заняться чем-то еще, кроме преподавания». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 177).

Комментируя трудности творческого и организационного характера при работе над своим научным *tour de force*⁸³, П.А. Сорокин, как всегда, оптимистичен: «Начиная со второго семестра первого года в Гарварде и следующие пять лет я посвящал практически все свободное время этому труду. В длительном процессе создания книги,

---

⁸³ *Tour de force* (фр.) - Дело необычайной трудности, подвиг. (Прим. авт.)

конечно, бывали разные моменты: и чувство провала замыслов и блуждание в потемках, и тупики, и сомнения в необходимости работы, и желание все бросить. Иногда эти мрачные моменты переходили в депрессию, раздражение, полную неудовлетворенность собой и своими способностями сделать работу как следует. К счастью, эти моменты с лихвой компенсировались нечастыми периодами творческого озарения и осуществления замыслов, разгонявшими мрак в страждущей душе. Все это, вместе взятое, углубляло и обогащало мой жизненный опыт. В конце концов, некоторая доля трагического совершенно необходима, чтобы оградить нашу жизнь от просвещенного, но бессмысленного филистерства. Короче, я хорошо прожил годы, потраченные на «Динамику». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 179).

Учёный с волнением описывает кропотливый, строго регламентированный по всем научным правилам труд коллектива экспертов над колоссальным проектом: «Никому из этих экспертов не сообщалось, для чего понадобились статистические таблицы и прочие материалы, которые они согласились подготовить. Никто не знал и какого рода гипотезы или теория будут проверяться теми систематизированными и в основном количественными данными, что они собирали согласно моим указаниям. Я держал их в неведении относительно моих пробных гипотез совершенно сознательно: нужно было получить от них компетентно подобранные и полные выкладки фактов, относящихся к той или иной проблеме, чтобы при этом на их подбор не влияли любые предварительные теоретические построения, сложившиеся в моей голове. Этим объясняется крайнее возбуждение, возникавшее каждый раз, когда я получал от своих помощников таблицы и другие выжимки эмпирических данных. Подтвердят ли временные ряды и другая информация гипотезы или вступят с ними в противоречие, а может быть, окажутся просто нерелевантными? Такой вопрос настойчиво возникал в моей голове всякий раз, когда я начинал изучать полученный материал. К счастью, почти все многочисленные результаты «раскопок» моих помощников подтверждали предварительные гипотезы даже более убедительно, чем ожидалось.

Эмпирические материалы продолжали поступать примерно четыре года, и все это время я сильно волновался. Общее количество вспомогательной информации, переданной мне моими выдающимися помощниками, было невероятно огромным. В «Динамике»

использовано только самое важное из этого, но даже эта часть, представленная сотнями таблиц, каждая из которых содержала длинные временные ряды данных по многим основным социокультурным процессам, была столь объемной и систематизированной, что вряд ли какая-нибудь другая социологическая работа в области социальных и культурных систем, их колебаний и изменений, может сравниться с моей, которая, уверен, останется непревзойденной» (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 177-178).

§ 1.3.6. Становление факультета социологии Гарварда как ведущего научного центра

Между тем, под руководством П.А. Сорокина факультет социологии Гарвардского факультета быстро становится одним из ведущих научных центров страны и мира. Питирим Александрович пишет: «1931/1932 учебный год был отмечен открытием факультета социологии. Хотя к занятиям допускались только самые лучшие студенты и аспиранты, их число уже в первый год работы факультета намного превзошло самые смелые наши ожидания. Благодаря тщательно-му отбору процентная доля студентов, выпущенных факультетом с оценками *summa*, *magna cum laude*, первые годы оказалась очень высокой. В результате другие факультеты стали протестовать против нашей привилегии «снимать сливки» и оставлять им менее способных студентов. Поскольку эти протесты были по сути справедливы, особенно с точки зрения «уравнительной демократии», данная привилегия в конечном счете была отменена, и в последующие годы факультет был вынужден принимать не только лучших, но и посредственных студентов. По отношению к аспирантам мы продолжали практиковать суровый отбор, по крайней мере до конца моего руководства факультетом в 1942 году. Такая селекция вкупе с притоком способных аспирантов из других университетов, привлеченных славой Гарварда и в какой-то мере моей собственной репутацией (что подтверждают письма некоторых моих блестящих учеников), позволили Гарвардскому факультету социологии, за годы моего руководства, выпустить очень большое число молодых лидеров американской социологической науки. И это даже несмотря на то, что состав постоянных сотрудников факультета был одним из самых небольших в стране: один полный профессор социоло-

гии – я сам (кроме того, полным профессором был Р. Кэбот, но он продолжал читать лекции по социальной этике, а не социологии), два ассоциированных профессора, два факультетских инструктора и четыре-шесть ассистентов преподавателей.

Как основатель и президент факультетов социологии в Ленинградском⁸⁴ и Гарвардском университетах, я никогда не заставлял студентов некритично принимать на веру мои личные теории, а, наоборот, неоднократно советовал им идти по пути независимого исследования и выработки собственных взглядов, безотносительно к тому, согласуются они или нет с моими или любыми другими концептуальными схемами, методами и выводами. Правильность моего отношения и проводимой мною политики подтверждена последующим превращением этих студентов, научных сотрудников и инструкторов в крупных лидеров сегодняшней американской социологии, психосоциальных наук, образования и культуры. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 179-180).

Короче говоря, за первые три года существования факультета Гарвардский университет прочно обосновался на карте мировой социологии и стал столь же значимым центром социологической подготовки, как и любой другой университет» (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 181).

Доминирующим ум учёного и всепоглощающим его время проектом, однако, остаётся «Динамика». Мыслитель делится с нами: «Обыкновенно я садился за нее в ранние утренние часы до ухода в университет и вечерами, если они не были заняты походами в гости или вечеринками у нас дома. Упорно работая, я печатал черновики каждой главы, а затем после многочисленных исправлений перепечатывал текст по два-три раза, пока не оставался доволен результатом. Когда глава была готова, то вместе с выверенными таблицами и тщательно нарисованными диаграммами полная рукопись главы передавалась профессиональной машинистке, которая и делала окончательный экземпляр для издательства. К концу 1935 года вся рукопись с таблицами и диаграммами заполнила несколько картонных ящиков в моем кабинете.

Глядя на эти коробки, я время от времени с беспокойством разду-

---

⁸⁴ П.А. Сорокин был первым заведующим кафедрой социологии Ленинградского университета, а также директором Института социологических исследований этого же университета. В этом смысле он действительно «зложил основания» нынешнего факультета социологии Санкт-Петербургского университета. (Прим. авт.).

мывал, найду ли издателя для такой кучи «макулатуры», которая не обещала ни особенных прибылей, ни тиражей. «Ну, кто сейчас, когда большинство людей читает только газеты и иллюстрированные журналы, захочет купить и прочесть несколько томов, изложенных сухим языком цифр и фактов», – сомневался я. Хотя временами такое беспокойство и овладевало мной, работа над «Динамикой» не прекращалась. В глубине души я был твердо уверен, что так или иначе опубликую свой труд. Уверенность не обманула меня. Еще до того, как я закончил рукопись, ко мне домой явился представитель издательской компании «Американская книга» и предложил контракт на публикацию «Динамики», которая нужна была фирме не столько для прибыли, сколько ради престижа. Вот так, без малейших усилий с моей стороны, появился издатель, мы подписали контракт, и вопрос публикации книги был решен.

Чем дальше продвигалась работа над «Динамикой», тем старательнее и с большей энергией я занимался ею, намереваясь закончить все как можно быстрее. Наконец, в начале 1936 года рукопись первых трех томов была готова. Поскольку они имели внутреннее единство, в отличие от четвертого тома, стоящего несколько особняком, мы с издателем приняли решение печатать три тома, не дожидаясь завершения последнего, четвертого. В 1937 году⁸⁵ они были опубликованы, что на некоторое время освободило меня от бремени трудов, забот, депрессий и раздражения, сопутствующих их подготовке к печати. Я сделал что мог. Теперь только от самой книги зависело, заметят ли ее и будет ли ей суждена долгая жизнь». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 187-188).

В 1939-м учёный возобновляет работу над четвертым томом «Динамики», завершает его в 1940-м и издаёт в следующем, 1941-м году. Таким образом, задуманный в еще в Миннесоте десять лет назад колоссальный научный проект оказывается завершённым.

---

⁸⁵ Три тома монографии «Социальная и культурная динамика» публикуются в 1937 г., а завершающий, четвёртый том – в 1941 г. См. *Social and cultural dynamics: In 4 Vol. – N.Y. Vol.1: Fluctuation of form of art. Painting, sculpture, architecture, music, literature and criticism. 1937. – 745 p.; Vol.2: Fluctuation of systems of thuth, ethics and law. 1937. – 727 p.; Vol.3: Fluctuation of social relationships, war and revolution. 1937. – 636 p.; Vol.4: Basic problems, principles and methods. 1941. – 804 p.* (Прим. авт.)

§ 1.3.7. Дальнейшая научная деятельность и публикации

В 1942 г. основавший и бессменно возглавлявший более двух десятков лет (1931-1942 гг.) социологический факультет Гарварда учёный «уходит в отставку» с должности декана. Тем не менее, не привыкший «сидеть без дела» П.А. Сорокин активно продолжает свою научную деятельность.

Он замечает: «Поскольку, по моему же шуточному определению, профессор – «это механизм, испускающий звуковые волны и статьи», я продолжал добросовестно выполнять эти профессиональные обязанности и после публикации «Динамики». Темы моих следующих книг частью были связаны с катастрофой мировой войны и прочими бедствиями, свалившимися на человечество в 1940-е годы, а частью – с намерением завершить шлифовку интегральной системы философии, социологии и психологии, т. е. собственного интегрального мировоззрения и системы ценностей. Движимый этими интересами, я подготовил и опубликовал за десять лет, не говоря о многочисленных статьях, следующие книги: «Человек и общество в эпоху бедствий» (1942); «Социокультурная причинность, пространство, время» (1943); «Россия и Соединенные Штаты» (1944); «Общество, культура и личность. Их структура и динамика: система общей социологии» (1947)⁸⁶; «S.O.S. Смысл нашего кризиса» (1951)⁸⁷. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 192).

Завершив титаническую работу над «Динамикой» и, видимо, раз-уверившись в адекватности восприятия своих идей среди академических ученых, Сорокин обращается непосредственно к читающей Америке. Вначале появляется популярная адаптация «Динамики» для массового читателя – «Кризис нашего времени» (1941)⁸⁸, ставшая впоследствии самой многотиражной, самой переводимой и самой читаемой книгой ученого. Через год после этого появляется не менее известная «Человек и общество в бедствии»⁸⁹; а несколько

---

⁸⁶ (1947) *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics: A System of General Sociology*. – N.Y.; 1947. L. – 742 p. (Прим. авт.)

⁸⁷ «S.O.S. Смысл нашего кризиса» (1951). (Прим. авт.)

⁸⁸ *The crisis of our age: The social and cultural outlook*. – N.Y. 1941. – 338 p. (Прим. авт.)

⁸⁹ *Man and society in calamity: The effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behaviour, social organisation and cultural life*. – N.Y. 1943. – 352 p. (Прим. авт.)

позднее – «СОС: значение нашего кризиса» (1951). Учёный делится с нами: «Пожар второй мировой войны и другие катастрофические события не удивили меня. С конца 1920-х годов в своих лекциях в «Социологии революции», «Социальной мобильности» и особенно в «Динамике» я предсказывал их в общих чертах и неоднократно предостерегал беспечно веселящееся, оптимистичное и декадентствующее бездуховное общество Запада о неминуемых войнах, кровавых революциях, разрушениях, обнищании и пробуждении в человеке зверя. Мой диагноз и предупреждения были в то время «гласом вопиющего в пустыне». Многие коллеги, студенты и критики называли эти предсказания «бредом сумасшедшего» и «полной чушью». Когда разразилась вторая мировая война, кое-кто из них говорил мне: «Черт возьми! Вы оказались правы!»

Точность предсказаний не обрадовала меня, наоборот, эти катастрофы повергли меня в уныние и заставили острее ощутить трагичность человеческой жизни, в чем я уже имел возможность убедиться ранее на собственном опыте. Понимая, что потребуются определенное время и известные усилия для облегчения страданий и преодоления «мерзости запустения», вызванного войной, я сознательно продолжал свои исследования и писал научные работы, полагая это лучшим противоядием от моего депрессивного состояния. Война и другие катастрофические события подвигли меня на изучение схожего влияния голода, эпидемий, кровавых революций и войн на ментальность и поведение людей, охваченных этими бедствиями, на экономику, политику и институт семьи, на социальную мобильность людей, их нравственность, веру, эстетические интересы и творческие способности. Результаты исследования были опубликованы в книге «Человек и общество в эпоху бедствий». Сформулировав общие закономерности во всех исследованных областях общественной жизни, в том числе «закон религиозной и нравственной поляризации» и «общее правило усиления военизации социальной жизни правительством при возникновении катастрофических ситуаций», я хотел показать, какие изменения ждут нас впереди. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 192-193).

И далее: «Мировая война и ее последствия послужили толчком к написанию также и книги «Россия и Соединенные Штаты»⁹⁰. В этой

---

⁹⁰ «Russia and the United States». – 2-nd ed. – N.Y. 1944. – 253 p. – (Libr. of World Affairs; № 15). (Прим. авт.).

весьма интересной книге я выделил сходство и различия между людьми, социальными институтами и культурами двух наций, кратко проследил их дружественные взаимоотношения на протяжении всей истории Соединенных Штатов, кратко обрисовал взаимно дополняющий характер двух этих стран и показал отсутствие серьезных столкновений их жизненных интересов. Моей практической целью при создании книги было побудить обе страны и их лидеров продолжить взаимовыгодное сотрудничество и предостеречь об ужасных последствиях замены такого сотрудничества политикой конфронтации, «холодной» или «горячей» войной. Хотя книга привлекла к себе большое внимание и была опубликована также в Англии, Японии и Португалии, мои советы и предупреждения оказались в основном проигнорированы, и в первую очередь политиками и властной элитой обеих стран. Движимые своими узкогрупповыми интересами, которые едва ли осознаются, политики и элита развязали фатальный конфликт сразу же после заключения хрупкого перемирия. После начала этого, словно нарочно подстроенного нечистой силой конфликта самоубийственная политика обоих государств, а позднее обоих военных блоков становилась все более губительной, разрушительной и катастрофичной по своим последствиям, пока не поставила под вопрос само выживание всего человечества. Всеобщая гибель в огне угрожает теперь каждому из нас, и огонь этот может вспыхнуть в любой момент.

Во всей человеческой истории едва ли найдется другой столь же критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно элит, столь же отмеченный превращением человека в худшего из зверей исторический момент, как нынешний. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть своим телу, духу, культуре и прекрасной мечте. *Agnus Dei qui tollis peccata mundi miserere nobis!*⁹¹
*Dona nobis pacem!*⁹²

---

⁹¹ «*Agnus Dei qui tollis peccata mundi miserere nobis!*» (лат.) – «Агнец Божий, берущий на себя грехи мира – прими молитву нашу». Цитата из «*Gloria in Excelsis Deo*» («Слава в вышних Богу») – древнего христианского богослужебного гимна. В принятом в православии и у греко-католиков византийском обряде «*Gloria in Excelsis Deo*» соответствует «Великому славословию». Агнец Божий – символическое наименование Иисуса Христа, восходящее к Новому завету. (Прим. авт.)

⁹² «*Dona Nobis Pacem*» (лат.) «Даруй нам мир». Цитата из «*Agnus Dei*» («Агнец Божий») – мессы римского обряда. (Прим. авт.)

Так, отдав дань катастрофам нашего времени, в более спокойном состоянии души я продолжил работу над моей интегральной системой социологии и ее основными понятиями. Результаты работы опубликованы в книгах: «Социокультурная причинность, пространство, время» и «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии». Обе работы задумывались не как учебные пособия для студентов, а как монографии, предназначенные ученым. Они оказали значительное влияние на психосоциальную мысль своего времени, да и сегодня эти книги далеко не забыты. «Общество, культура и личность» уже опубликована в переводах на испанский, португальский, японский и язык хинди. Американское издание обеих книг было распродано за несколько лет и переиздано в 1962 году. Сейчас они, вероятно, стали много доступнее социологам, чем раньше.

Я рад, что смог все-таки увидеть эти свои работы опубликованными. Даже когда писал «Общество, культуру и личность», уже после окончания войны, постоянно возникающие новые бедствия и весьма критическая ситуация, в которой оказалось человечество в целом, расстраивали меня и серьезно мешали завершению книги.

Беспокойство мое было столь велико, что в 1945 году я решил – после окончания работы над этим трактатом – все свое время посвятить изучению средств и способов предотвращения неминуемого уничтожения человека как вида в ходе современного губительного кризиса. Старая поговорка «*Primo vivere, deinde philosophare*»⁹³, применительно к человечеству, вероятно, объяснит причины такого решения.

Приняв его, я ускорил завершение написания книги «Общество, культура и личность», а затем начал ориентироваться в новой для себя и еще мало изученной области. Эти предварительные исследования в конце концов привели меня к учреждению Гарвардского исследовательского центра по созидающему альтруизму и к новому этапу в моих занятиях наукой. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 193-194).

---

⁹³ *Primum vivere deinde philosophare* (лат.) Вначале живи, потом философствуй. (Прим. авт.)

§ 1.3.8. Исследуя феномен созидательного альтруизма

В 50-е годы анализ кризиса находящейся на позднем «чувственном» этапе своего развития западной цивилизации и проповедь альтруистической любви как средства его разрешения пронизывают практически все научное и публицистическое творчество ученого.

Это очевидно и по названиям трудов этого периода – «Восстановление гуманности»⁹⁵ (1948), «Социальная философия в век кризиса»⁹⁴ (1950), «Альтруистическая любовь»⁹⁵ (1950), «Изыскания в области альтруистической любви и поведения»⁹⁶ (1950), «Значение нашего кризиса»⁹⁷ (1951), «Пути и власть любви»⁹⁸ (1954), «Американская сексуальная революция»⁹⁹ (1957), «Власть и нравственность»¹⁰⁰ (1959). Тогда же начинается активный научный диалог учёного¹⁰¹ с другими гигантами «философии истории»¹⁰².

В феврале 1949 г. открывается возглавляемый П.А. Сорокиным Гарвардский исследовательский центр творческого альтруизма. П.П. Кротов описывает ход мысли учёного в этот период его творческой деятельности: «Как известно, в работах позднего периода, связанных с деятельностью центра по изучению альтруистической любви, Сорокин разрабатывает основные положения концепции, которая призвана предложить пути выхода из мирового кризиса. Отчаявшись найти в традиционных социологических теориях рецеп-

---

⁹⁴ Social philosophies of an age of crisis. – Boston. 1950. – 345 p. (Прим. авт.).

⁹⁵ Altruistic Love: A Study of american Good Neighbors and Christian saints. Beacon, 1950. (Прим. авт.).

⁹⁶ Explorations in Altruistic Love and Behavior: A Symposium. (Прим. авт. дисс.).

⁹⁷ SOS: The meaning of our crisis. – Boston. 1951. – 177 p. (Прим. авт.).

⁹⁸ The ways and power of love: Types, factors and techniques of moral transformation. – Boston. 1967. – 552 p. (Прим. авт.).

⁹⁹ Американская сексуальная революция/ The American sex revolution. – Boston. 1956. 186 p. (Прим. авт.).

¹⁰⁰ Sorokin, P., Lunden W., (1959). Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians. Boston, MA: Porter Sargent Publisher. 204 p.

¹⁰¹ Toynbee`s philosophy of history // The Pattern of the part: can we determine it? – Boston. 1949. (Прим. авт.).

¹⁰² Так например, под непосредственным влиянием идей П.А. Сорокина британский историк А. Тойнби кардинальным образом меняет свою научную парадигму. (Прим. авт.).

ты спасения от того апокалипсиса, к которому движется общество, Сорокин, предлагает теорию альтруистической любви, как образец общественного механизма, противостоящего силам разрушения и зла. Будучи социальным психологом и классическим социологом, он представляет систему доказательств своего открытия, переплетая наблюдения и эксперименты в референтных группах с контент-анализом обширных статистических данных и обобщением исторических фактов.

Рассуждая о типах альтруистической трансформации, Сорокин выделяет три типа. Первый тип, «удачливых», которые с раннего детства проявляют очень скромное эго, удачно интегрированный ряд моральных ценностей и правильно выбранные социальные ассоциации с добродетельными людьми и группами. Подобно траве растут они в своем альтруистическом творчестве без всяких кризисов, катастроф и мучительных обращений». Второй тип, «катастрофические», или «поздние» альтруисты, чья жизнь разделяется на два периода: доальтруистический, предшествующий их обращению, второй период, следующий за полной трансформацией личности, подготовленной дезинтеграцией их эго, ценностей и групповых аффилиаций и ускоренной катастрофами. Наконец, «промежуточные» альтруисты, которые находятся в постоянном поиске морального совершенства. «Этими тремя путями, – отмечает Сорокин, – значительная часть современного человечества движется к «позитивной моральной поляризации», необходимой для противостояния деструктивному процессу деморализации, или «негативной поляризации» другой части человечества» (2; с. 317)¹⁰³.

Б. Джонстон замечает: «Произведенный Сорокиным обзор литературы показал, что альтруистическая любовь в научных кругах была, в основном, проигнорирована... Тем не менее, в планы Центр входило рассмотрение альтруистической любви как силы, способной остановить бедствия современности. ...Сорокин был привержен цели обнаружения ее сути и обучения тому, как производить, аккумулировать и использовать ее для формирования лучших индивидуумов и более альтруистические общественные отношения» (Johnston, p. 176).

---

¹⁰³ Кротов П. Автобиография, как отражение альтруистической трансформации Питирима Сорокина. Электронный источник: <http://www.komi.com/IRSI/soroktxt.html>. http://www.krotov.info/libr_min/18_s/or/okin_09.htm (Прим. авт.).

Исследования Центра приводят учёного к ряду перспективных и наглядно продемонстрированных заключений, например, о том, что творческий альтруизм представляет собой особый вид энергии, способной оказывать позитивное воздействие на все аспекты социокультурных отношений. Было подтверждено и наглядно продемонстрировано действие «закона поляризации», а также пересмотрен ряд господствующих ранее теорий структуры личности, личностной интеграции и др.

§ 1.3.9. Научная деятельность после завершения работы в Гарварде

В январе 1955 г. учёный завершает преподавательскую деятельность в Гарвардском университете. Он отмечает: «Сосредоточение моих занятий на работе исследовательского центра в 1949-1959 годах не препятствовало мне заниматься помимо этого другой деятельностью. С 1949-го по 1955 год я продолжал отдавать половину моих сил чтению лекций и семинарам в Гарварде, изредка присутствовал на международных научных встречах. Из всех приглашений выступить с лекциями, полученных от американских и иностранных университетов, от правительств Индии, Индонезии и Западной Германии, я принял только несколько. О двух таких предложениях стоит упомянуть.

В апреле 1950 года я прочитал в Вандербилт Университете¹⁰⁴ лекцию о современном состоянии философии истории по случаю семьдесят пятой годовщины этого учебного заведения. В расширенном виде данные лекции были опубликованы в 1950 году под названием «Социальная философия в век кризиса». В 1955 году я прочитал курс лекций и провел ряд семинаров во время летней сессии в университете штата Орегон. ....В течение того же периода (1949-1955 гг.) я продолжал внимательно следить за развертывающейся драмой человеческой истории и, в зависимости от смены сцен, делать необходимые поправки к своей оценке событий. Касалось это, однако, в большей мере не моей полностью сформировавшейся интегральной философии и не моей интерпретации основных тенден-

---

¹⁰⁴ Имеется в виду Университет Вандербилта (англ. Vanderbilt University), находящийся в г. Нэшвилле, штат Теннесси (Прим. авт.).

ций современности, а лишь некоторых второстепенных частных в мировоззрении». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 214).

В 1956-1959 годах учёный проводит ряд исследований и публикует их результаты в виде нескольких статей и книг. Особенно интересными в философско-историческом плане работами этого периода являются монографии «Американская сексуальная революция» (1956) и «Власть и нравственность» (1959).

П.А. Сорокин отмечает: «В описанном выше настроении, после частичной отставки в шестьдесят шесть лет, я упорно продолжал свою научную, педагогическую, культурную деятельность и, конечно, успевал отдыхать. Единственное, что изменилось в моей жизни, – я решил больше не предпринимать обширных исследований, вроде «Динамики», которые потребовали бы многих лет и больших средств для их завершения. Хотя я был в хорошей физической и умственной форме для своего возраста, все же нельзя было ждать, что такое состояние здоровья сохранится на долгие годы и неизбежные старческие немощи не овладеют в конце концов моим телом и душой. В соответствии со своим решением я провел несколько исследований в 1956-1959 годах и опубликовал их в виде нескольких статей и книг. Как уже указывалось выше, это – «Причуды и недостатки современной социологии» (1956), «Американская сексуальная революция» (1956) «Власть и нравственность»¹⁰⁵ (1959). В «Причудах и недостатках»¹⁰⁶ содержится серьезная критика некоторых модных тенденций течения мысли и исследований в современной американской социологии, психологии и психиатрии: таких, как ничем не оправданные претензии на открытие новых законов, фактов, явлений, связей, которые на самом деле были открыты давным-давно; бессмысленный жаргон и псевдонаучный слэнг; псевдооперационализм и «тестомания» (пристрастие к тестам на интеллект, прожективным и другим механическим тестам); «квантофрения» и культ «социальной физики с умственной механикой»; псевдоэкспериментальные исследования «малых групп», устаревшие философия и теория познания самих

---

¹⁰⁵ Power and morality: Who shall guard the guardians?-Boston.1959. – 204 p. – Auth.: P.A.Sorokin, N.A.Lunden. (Прим. авт.)

¹⁰⁶ Fads and foibles in modern sociology and related sciences. – Chicago.1956. – 357 p. (Прим. авт.)

этих модных поветрий. Моя критика была, естественно, нелицеприятна, но я не мог избежать ее, если хотел выполнить основную обязанность ученого – говорить правду, как он ее видит, независимо от того, горькая эта правда или нет. Имея много пороков, я все же очень редко не выполнял свой долг, даже под угрозой ареста или жестокого наказания я всегда говорил правду. Вместо того чтобы приспособливаться во взглядах к чьим-то интересам, я упорно старался следовать древней мудрости, выраженной во фразе: Платон мне друг, но истина дороже. Неудивительно поэтому, что такая приверженность истине временами рождала неприязненные чувства ко мне у части тех, кого я критиковал. Несмотря на это, критика моя не пропала даром. Похоже, что она ощутимо повлияла на целый ряд американских и зарубежных социологов, психологов и психиатров. Несколько лет спустя большую часть всей критики повторил Райт Миллз в своей книге «Социологическое воображение». В личном письме, написанном вскоре после выхода моих «Причуд», он дал ей высокую оценку и выразил полное согласие с моими выводами. (По той или другой причине он не упомянул мою книгу в своем труде вовсе, что было замечено и резко прокомментировано одним из рецензентов книги Миллза в литературном приложении к «Лондон Таймс»). После своей оригинальной публикации «Причуды и недостатки» уже вышли на французском, испанском, итальянском языках и еще пара переводов в процессе подготовки.

Что касается «Американской сексуальной революции» и «Власти и нравственности», обе эти книги были намеренно написаны в научно-популярной форме, доступной обычному читателю. В первой работе я попытался показать опасные последствия сексуальной распущенности и анархии, зацикленности на вопросах секса, которые повлияли на американский образ жизни, культуру и ценности в последние два-три десятилетия.

В соответствии с этой целью в книге сделан обзор всех основных проявлений сексуальной зацикленности и анархии и их деструктивного влияния на физическое, умственное, нравственное и социальное здоровье отдельных людей и целых наций, зараженных этими сексуальными болезнями. Книгу читали в широком кругу, обсуждали, одобряли и критиковали как в США, так и в других странах (Швеции, Испании, Португалии, Японии и Индии, где выходили ее переводы).

Основные цели написания и выводы «Власти и нравственности», созданной в соавторстве с профессором У. Ланденом, видны из следующего отрывка из вступления к книге:

«Процветание и выживание человека сегодня во многом определяет лишь горстка верховных правителей великих ядерных держав. В своих руках они безраздельно сосредоточили контроль над беспрецедентно мощными, несущими смерть вооружениями. От их мудрости или глупости во многом зависит судьба человечества – прочный мир или самоубийственная война. Никогда прежде в истории не было, чтобы жизнь или смерть такого огромного количества людей зависела бы от такой малой кучки правителей!

Опасная ситуация, естественно, рождает вопросы, на которые надо отвечать именно сегодня: можем ли мы доверить судьбоносные решения о войне и мире, а через это и о жизни, свободе и счастье сотен миллионов, нескольким магнатам, стоящим у власти? Есть ли у них мудрость змеи и кротость голубя, необходимые, чтобы привести нас к прочному миру и прекрасному будущему?

Что до меня, то я склонен ответить на эти вопросы словами псалма: «Не надейтесь на князей (и правителей), нет в них спасения вам». Гигантская задача мирного решения колоссальных трудностей нашего времени не может быть доверена существующим правительствам, по-прежнему являющимся, в основном «кастовыми», т. е. состоящими из политиков, которых выбирают политики, и служат они тоже не народам, а самим политикам. Будучи особой «кастой», сегодняшние правящие социальные группы не проявляют даже минимума интеллектуальной, нравственной и социальной квалификации, необходимой для успешного решения стоящих перед нами грандиозных задач. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 216-218).

Со времени издания «Власти и нравственности» моя продуктивность по части написания книг несколько снизилась. За 1959-1963 годы я опубликовал только два «тонких» тома. Первый – это вышедшая на испанском языке в Мексике книга «Конвергенция Соединенных Штатов и СССР» (1961). Она состояла из двух моих работ. Название первой было вынесено в заглавие книги, а вторая называлась «В поисках интегральной системы социологии» и являлась адресом, с которым я обратился к делегатам на пленарном заседании XIX Международного социологического конгресса, состоявшегося в Мехико в 1960 году. Второй «тонкой» книгой стала автобио-

графия, написанная в основном ради собственного удовольствия и развлечения. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 219).

В 1965 г. семидесятичетырёхлетний учёный избирается 55-м президентом Американской социологической ассоциации¹⁰⁷. В.В. Сапов замечает: «Особенностью научной карьеры П.А. Сорокина следует, пожалуй, считать тот факт, что эта «карьера» (в широком или – если угодно, подлинном смысле слова) никогда не достигла абсолютной вершины, т. е. той точки, после которой неизбежно наступает спад. Жизнь его была в буквальном смысле слова беспрестанным восхождением, прерванным только естественно наступившей смертью»¹⁰⁸.

Легко понять поэтому шутку учёного, лукаво отвечающего на вопросы о том, чем он занимается в последнее время: «Как водится, продолжаю бумагомарание». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 233).

§ 1.3.10. Участие в научных конференциях

31 декабря 1959 г. семидесятилетний учёный выходит на пенсию в статусе почётного профессора в отставке. И, тем не менее, он и не собирается снижать темпа научной деятельности. В этот период П.А. Сорокин принимает участие в ряде важных международных конференций обществоведов. Участие, например, П.А. Сорокина в первом конгрессе Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (ISCSC)¹⁰⁹ имеет далеко идущие последствия.

Не только он был единогласно избран первым президентом ISCSC (1961-1965 гг.), но отметившее в 2011 г. свое пятидесятилетие Общество и поныне благополучно «здравствует», активно исследуя проблемы макроуровневых социокультурных феноменов и

---

¹⁰⁷ Биограф ученого Б.В. Джонстон пишет в этой связи: «Утверждают, что Сорокин был избран президентом Американской социологической ассоциации несколькими годами ранее, однако был исключен. Эта история постепенно вышла наружу в виде слухов. Сорокин не был слишком дипломатичен и имел много врагов в академических кругах». Johnston, B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. University Press of Kansas. P. 2.

¹⁰⁸ Сапов, В.В. В начале «Длинного пути» (Первая книга Питирима Сорокина. В: Сорокин, П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Москва, Астрель, 2006 г. с. 24-25). (Прим. авт.)

¹⁰⁹ Международное общество сравнительного изучения цивилизаций (ISCSC) представляет собой международную научную организацию, целью которой является сравнительное междисциплинарное изучение цивилизаций. Общество было основано в Зальцбурге, Австрия в 1961 г. Первым президентом Общества был П.А. Сорокин. (Прим. авт.)

долговременных социокультурных процессов, а также проводя свои ежегодные конференции.

Многозначный и «неуловимый» феномен цивилизации претерпевает значительную эволюцию в воззрениях учёного. Он неутомимо исследует его структуру и эволюцию во многих своих крупных трудах, начиная с классической «Общество, культура и личность» и заканчивая последней крупной работой «Социологические теории современности»¹¹⁰.

Вот как учёный описывает обстоятельства своего участия в работе учредительного съезда Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (ISCSC) в Зальцбурге в октябре 1961 г.: «В отличие от других научных конференций мы отказались от зачитывания длинных докладов и на всех сессионных заседаниях вели непосредственные дискуссии между учеными – делегатами съезда. В течение семи дней работы, на утренних и дневных заседаниях мы всесторонне обсуждали среди историков, социологов, философов истории, археологов, антропологов, биологов, психологов, обществоведов, религиоведов, правоведов и искусствоведов основные вопросы по теме съезда – «Проблемы цивилизации». Дискуссии велись на немецком, английском и французском языках с синхронным переводом. Все выступления и реплики фиксировались магнитозаписью, с тем чтобы позже расшифровать, отредактировать и издать как рабочие материалы съезда. ...Мы не раскаялись в том, что заменили длинные доклады дискуссиями. Такой порядок работы весьма оживил каждую сессию, разогнал скуку у слушателей, дал возможность всем делегатам активно участвовать в обсуждении и принес больше пользы, нежели традиционная практика заслушивания докладов. Неудивительно, что интерес к съезду был высок, и о нем писали европейские средства массовой информации. «Нью-Йорк Таймс» также опубликовала отчет о нашей с Тойнби «схватке» по проблеме взгляда на русскую и немецкую цивилизации, в которой нам оппонировали некоторые немецкие историки... В качестве президента съезда я снова привлек больше внимания, чем того заслуживаю. Среди других «звезд» на съезде следует упомянуть доктора Тойнби и его жену. Случайно наши гостиничные номера оказались рядом. Ежедневно мы завтракали, обеда-

---

110 Более подробно об эволюции воззрений учёного на феномен цивилизации см., например, Alalykin-Izvekov, V. «Evolution of Pitirim Sorokin's Views on the Phenomenon of Civilization». (Прим. авт.).

ли и ужинали вместе. В дискуссиях на съезде взгляды Тойнби были схожи с моими практически по всем обсуждаемым вопросам. Время, проведенное с ним и его супругой, укрепило мое и без того высокое уважение к ним. Я буквально восхищался этой четой. Их искренность, цельность характеров и доброта, их простота в общении и отсутствие фальши и претенциозности, не говоря уже об из ряда вон выходящей творческой энергии доктора Тойнби, произвели на меня огромное впечатление. Эти люди были для меня примером – они исповедовали вечные и универсальные ценности, в них сосредоточилось все лучшее, накопленное человеческой культурой». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 224-225).

Заключая впечатления о своём участии в различных международных форумах того периода, учёный пишет: «Эти примеры участия в различных научных конференциях после ухода на пенсию говорят, что активность моя осталась по крайней мере, прежней. Поскольку участие в конференциях означало подготовку достаточно внушительных докладов, число моих научных работ такого рода после отставки даже возросло. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 228).

И далее: «7 апреля 1963 года я присутствовал на годичном собрании Восточного социологического общества в Нью-Йорке, где мне вручали почетную награду общества; и, уже читая верстку этой книги, я узнал, что меня выдвинули кандидатом на пост президента Американской социологической ассоциации». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 228).

§ 1.3.11. В редкие часы отдыха

Со свойственной ему шутилой лукавостью П.А. Сорокин пытается убедить читателя, что он на самом деле «любитель сладкой жизни». Он, например, пишет: «Активная деятельность, описанная мной, не должна создавать ложного впечатления, что я слишком загружен для «ничегонеделания» и рекреационных утех. На самом же деле, всю свою жизнь я был хроническим бездельником и энтузиастом *dolce far niente*¹¹¹. Это другая сторона даосского изречения: «Бездействовать лучше, чем быть занятым ничего не делая». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 224).

---

¹¹¹ *Dolce far niente* (итал.) – блаженное ничегонеделание (Прим. авт.).

На более серьёзной ноте, ученый продолжает: «Что касается моих домашних развлечений, то помимо хороших романов главное хобби – это музыка. У меня отличная фонотека грамзаписей. В ней есть практически все значительные произведения великих музыкантов, которых я люблю, начиная с грегорианских песнопений и кончая шедеврами нынешнего столетия.

Несколько лет назад на Рождество сыновья подарили мне прекрасную радиолу. Я слушаю ее не только в минуты отдыха, но и достаточно регулярно во время занятий творчеством. Начиная работу, я обычно ставлю на проигрыватель несколько пластинок с записями струнных дуэтов, трио, квартетов и квинтетов или фортепианной музыки. Звук делаю не очень громким, а записи подбираю так, чтобы они не слишком диссонировали друг с другом, а затем, не напрягая внимания и слуха, погружаюсь в работу. Ложась спать, включаю радиоприемник у изголовья и слушаю классику, передаваемую по «хифи»¹¹² программам. Еще при жизни Кусевицких¹¹³, когда мы были моложе, регулярно ходили на концерты Бостонского симфонического оркестра. Сейчас, когда Кусевицкие умерли, а мы состарились, потребность в музыке приходится удовлетворять, не выходя из дому и не тратя времени на поездку в Бостон или Кэмбридж. Но зато дома мы можем составлять программы прослушиваемых записей в соответствии с собственным настроением в данный момент.

В музыке, как и в других изящных искусствах, мои пристрастия широки, но консервативны. Мне нравится великая музыка XIV-начала XX столетий, но меня не слишком привлекают современные симфонические произведения. За некоторыми исключениями, я считаю их в большей мере какофонией, чем музыкой. Они ничего не говорят моему сердцу, ничего не будят в душе. Как социолог, я вынужден время от времени слушать их. Ведь они – зеркало нынешнего смятения умов, анархии стандартов, социальных антагонизмов и «культурных атональностей». ...По тем же причинам я мало читаю популярные журналы или книги – «бестселлеры». Мой мозг не позволяет мне наслаждаться «интеллектуальной жеватель-

---

¹¹² Имеется в виду Hi-Fi (англ. High Fidelity – высокая точность, высокая верность) – термин, означающий, что воспроизводимый аппаратурой, в данном случае, радиоприёмником, звук очень близок к оригиналу. (Прим. авт.)

¹¹³ Кусевицкий, Сергей Александрович (1874-1951 гг.) – русский и американский контрабасист, дирижёр и композитор. (Прим. авт.)

ной резинкой». Вместо того чтобы забивать голову миазмами бездуховной цивилизации, предпочитаю вечные ценности человеческой культуры. Откровенно говоря, я пресыщен господствующим культом безобразного и упором на негативное в современном искусстве. В не меньшей степени я устал и от нашей изобретательной занятости «ничего неделанием». Культурная жизнь, похоже, состоит в основном из эффектных переливаний из пустого в порожнее и обратно. На здоровье, если кому-то нравятся такие манипуляции. Я же – слишком стар для подобных «культурных забав» и «цивилизованного досуга». Не посягая на право каждого сходить с ума по-своему, сам я решительно предпочитаю собственные старомодные способы отдыха и развлечений, которые заряжают меня энергией, дают интерес к жизни и чувство прекрасного». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 235-236).

§ 1.4. Размышления о пройденном пути

В последние годы жизни такие книги учёного, как «Причуды и недостатки современной социологии и смежных наук» (1956 г.), «Современная историческая и культурная философия»¹¹⁴ (1963 г.), «Главные тенденции нашего времени»¹¹⁵, «Современные социологические теории»¹¹⁶ (1966 г.) вновь демонстрируют во всей полноте блеск его логики, глубину критического суждения и широту эрудиции.

В 1964 году 75-летнего Сорокина избирают президентом Американской социологической ассоциации – более чем заслуженное признание заслуг учёного перед наукой и обществом, а в предисловии к вышедшему в 1995 г. и посвящённом научному наследию учёного томе «Сорокин и цивилизация: восприятие век спустя»¹¹⁷ говорится следующее: «Он был также гигантом на мировой сцене двадцатого столетия. Он дебатировал с Троцким, обменивался идеями с Пав-

---

¹¹⁴ Modern historical and social philosophies: Danilevsky, Spengler, Toynbee, Schubart, Berdyayev, Northrop, Kroeber, Schweitzer. – N.Y.1963. – 345 p. (Прим. авт.).

¹¹⁵ The basic trends of our time: Essays. – New Haven:College Univ.press. 1964. – 208 p. (Прим. авт.).

¹¹⁶ Sociological theories of today. – N.Y.; Tokio.1966. – 676 p. (Прим. авт.).

¹¹⁷ Westcott, R.W. Preface. In: Sorokin and Civilization: A Centennial Assessment. Transaction Publishers. 1999. 258 p. (Прим. авт.).

ловым, а также получил персональное приглашение встретиться с президентом Чехословакии Масашиком. Его принципиальное расхождение с социологической ортодоксальностью зачастую предшествовала таковую Чарльза Райта Миллса, Альфреда Маклунга Ли и Александра Солженицына. Перефразируя Джозефа Форда, он был учёным среди государственных деятелей и государственным деятелем среди учёных».

«Сорокин был одним из самых вдохновляющих и противоречивых деятелей в социологии. Созданные им в течение шестидесятилетней карьеры работы открыли новые области и расширили традиционные социологические интересы. Сорокин внес существенные вклады в изучение социальной мобильности, войны и революции, альтруизма, общественных изменений, сельской социологии, социологии науки и познания, а также социологической теории. (Johnston, p. IX).

Коллега и друг ученого К. Циммерман пишет: «Безусловно, когда он умер, он был самым известным социологом в мире». (p. XIV). И далее, о его научных трудах и достижениях: «эти сокровища ... останутся бессмертными» (p. XVI), а открытые им социальные законы представляют собой эквиваленты первого и второго законов термодинамики в физике (с.23)¹¹⁸.

Каким же был Сорокин дома, в неформальной обстановке, в свои последние годы? Написавший предисловие к одноименному изданию «Динамики» известный американский социолог М.П. Пришард предоставляет нам следующий личностный портрет «льва зимой»¹¹⁹: «Хотя я не был студентом Сорокина, будучи в аспирантуре, я заинтересовался его работой и в 1959 г. начал с ним переписку. Летом 1962 г. я его навещил в его доме в Винчестере, Массачусетс.

Несмотря на слабеющее зрение и воспаление горла, он меня прекрасно принял в тот памятный для меня день. Он был явно удовлетворён своими достижениями, однако, в то же время, он, кажется,

---

¹¹⁸ Zimmerman, C. Sorokin, The World's Greatest Sociologist: His Life and Ideas on Social Time and Change. University of Saskatchewan. 97 p. (Прим. авт.).

¹¹⁹ «Лев зимой» (англ. «The Lion In Winter») – историческая пьеса американского писателя Джеймса Голдмена, посвященная взаимоотношениям в семье Генриха II и Алиеноры Аквитанской, а также одноименный кинофильм на основе этой пьесы. Выражение «Лев зимой» используется в англ. языке для описания гордого, значительного человека, чья сила и достоинство находятся в процессе убывания из-за возраста и влияния негативных факторов». (Прим. авт.)

не принимал себя слишком серьёзно, а также был тревожаще прямолинеен касательно несовершенств других ведущих социологов, которые были его студентами и коллегами. В возрасте 73 лет он был всё ещё полон энергии и, казалось, был глубоко удовлетворён своими итогами своей жизни». И далее, с новой строки: «Поразительным является то, что Сорокин сумел её пережить»¹²⁰.

10 февраля 1968 г.¹²¹ Питирим Александрович Сорокин умирает в своём доме в г. Винчестере, штат Массачусетс, оставив всем нам следующее «духовное завещание»: «Путешествие по «Дальней дороге» я заключаю несколькими замечаниями. Рад, что имел возможность пройти по ней вместе с читателями, и глубоко благодарен всем, помогавшим мне в пути. Я высоко ценю прошедшую жизнь, так что, повторяя слова Бенджамина Франклина, был бы не против прожить ее снова точно так же, а, если возможно, с небольшими поправками и уточнениями.

В то время как я пишу эти строки, в мире вокруг нас вот-вот разразится страшная гибельная буря. Сама судьба человечества балансирует на грани жизни и смерти. Силы уходящего в прошлое жестокого и несправедливого социального порядка яростно сметают все, что противостоит ему. Во имя Бога, во имя ценностей прогресса и цивилизации, капитализма и коммунизма, демократии и свободы, во имя человеческого достоинства и под другими лозунгами они разрушают до основания сами эти ценности, убивая миллионы людей, угрожая выживанию человека как вида и ведя дело к превращению нашей планеты в «мерзость запустения».

Лично я, с чисто эгоистической позиции, совершенно не напуган и не удивлен надвигающейся бурей. Худшее, что может произойти, – у меня отнимут или испортят последние годы жизни. Более ничем серьезно навредить мне невозможно. Для человека моего возраста не такая уж значительная разница, проживет ли он несколькими годами дольше в окружении множющихся болячек своего брэнного тела или завтра его разнесет на куски какая-нибудь «цивилизован-

---

¹²⁰ Michel P. Prichard. Introduction to the Transaction edition of «Dynamics». Sorokin, P. Social and Culutral Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relatioonships. One Volume Edition. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1991. 718 p. P. V. (Прим. авт.)

¹²¹ Биограф ученого Б.В. Джонстон пишет, что П.А. Сорокин умер в субботу, 10 февраля 1968 г. между 3 и 4 часами утра. См. Johnston, B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. University Press of Kansas. (p. XVII).

ная и передовая в научном отношении» бомба. Разнесет в доказательство славы Имени Господа нашего либо за идею поголовного и полного счастья, которое столь бессовестно сулят и коммунизм, и капитализм, и демократия, и тоталитаризм, и все остальные бессмысленные культы и культики наших дней. И даже эта угроза компенсируется для меня тем, что, по крайней мере, последняя часть жизни будет волнующа и свободна от скуки монотонного доживания.

Я не только не напуган надвигающейся губительной бурей, но и не удивлен ею: еще тридцать лет назад я правильно определил ее характер и предсказал неожиданный взрывной вариант развития подобной ситуации. С тех пор я постоянно предупреждал знакомых и друзей о подступающей опасности, настаивал на подготовке к ней, когда и где только было возможно, пытался предотвратить и смягчить возможные последствия катастрофы. Подобные же меры я принял и с целью защитить целостность моей личности и душевное равновесие.

Во-первых, дабы не быть вместе с теми, кто заваривает эту кашу, я отверг пустые ценности, ложные истины и напыщенные претензии существующих социальных порядков, умышленно противопоставив себя их мишуре, жажде быстрого, но непрочного успеха, их лицемерию, стремлению к власти и цивилизованному зверству.

Во-вторых, чтобы пройти сквозь хаос вакханалии бездуховности и не изменить себе, я создал собственное интегральное мировоззрение – целостную систему знаний и убеждений из естественных наук, религии, философии, социологии, психологии, этики, политики, экономики и изящных искусств. Это мировоззрение заменило мне остатки устаревшей и растерзанной эпохой философии эмпиризма и позитивизма. Соединяющая в одно гармоничное целое универсальные и вечные ценности, имеющиеся как в материалистическом, так и в идеалистическом мировоззрении, и освобожденная от ложных ценностей каждого из них, интегральная точка зрения была для меня лучше любой другой. Воссоединивший в одном *summit bonum* Верховную Троицу – Правду, Добро и Красоту, – интегрализм дал мне твердую основу для сохранения собственной цельности и мудро направлял меня в дебрях разлагающейся бездуховной цивилизации. Я не страдаю миссионерским зудом, чтобы обращать кого бы то ни было в «интегральную» веру, но не удивлюсь, если она сможет помочь многим, кто потерял себя в царящей в умах и нравственных принципах сумятице нашего времени.

В-третьих, желая смягчить последствия губительной бури и предотвратить ее повторение в будущем, я начал исследования созидающей бескорыстной Любви. Вместе с созидающими Правдой и Красотой эти три ипостаси – единственные реальные силы, способные помочь в смягчении и предотвращении катастрофы.

Вот так, в трех направлениях, готовил я себя к встрече с той бурей, что вот-вот разразится в мире людей. Предпринятые мной шаги добавили мне сил, чтобы выстоять под ударами губительной бури и спокойно встретить смерть.

К несчастью, я не могу сказать того же о бездуховной части человечества и ее лидерах. Они, похоже, не вполне еще осознали, ни в каком критическом положении мы находимся, ни того, что человек стоит перед бескомпромиссным выбором, предложенным ему то ли таинственным Провидением, то ли капризным случаем: погибнуть от своей собственной руки, от глупости и жестокости или подняться на более высокий уровень умственного, нравственного и социального развития при помощи конструктивной, созидающей и бескорыстной Любви.

Бездуховная элита Востока и Запада и большая часть всего человечества еще не сделали правильный выбор. Рожденные и воспитанные в декадентской атмосфере бездуховности, они все еще верят, живут и действуют согласно отжившим нормам этого распадающегося социально-культурного устройства. Вместо конструктивного созидания они продолжают бесплодные попытки решать проблемы бомбами и ракетами. Вместо того чтобы устранять конфликты, следуя наставлениям Нагорной проповеди, по-прежнему используются демонстрация силы, взаимное запугивание и истребление. Придерживаясь политики силы, эти могильщики человека и цивилизации растоптали все божеские и людские законы. Сейчас без зазрения совести они соперничают в подготовке «первого удара» в междоусобной войне, которая унесет миллионы и миллионы жизней. Неудивительно поэтому, что вместо создания счастливой среды обитания «вожди слепые» и их недалекие последователи ведут человечество от одной катастрофы к другой, пока не поставят его на край бесславной гибели. И если их не остановить, они положат конец жизни и созидающей миссии человека на этой планете. Не уверен, но все же надеюсь, что конструктивный гений человека

в последний гибельный час сумеет предотвратить *dies irae*¹²² своего Страшного Суда. Если это удастся, я желаю удачи будущим поколениям, чтобы они выросли благороднее, мудрее и более способными к созиданию, чем мы. Если им удастся преодолеть главные слабости человеческой натуры и полностью реализовать все потенциальные возможности, они, без сомнения, установят на земле лучший межличностный, культурный и социальный порядок, чем смогли прошлые и нынешнее поколения людей. В этом смысле они выполнят предназначение Ницше: «Современный человек – это стыд и позор, человек должен быть преодолен и превзойден». Я издали приветствую эти грядущие поколения, сверхчеловеков, отдаленных потомков нашей человеческой расы.

С болью за будущее и надеждой на человека я закончу мое повествование о дальней дороге, повторив здесь заключительные строки книги «Листки из русского дневника»: «Что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжелая, – это лучшее сокровище в мире. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 236-239).

---

¹²² «*Dies irae, dies illa*» (лат.). «Тот день, день гнева». Начало средневекового церковного гимна. (Прим. авт.).

Глава 2. Теоретико-методологический анализ эволюции философско-исторического мировоззрения П.А. Сорокина

§ 2.1. Проблема периодизации эволюции историософии П.А. Сорокина

Уникальность жизненного пути и профессиональной карьеры ученого представляет собой интересную хронологическую и научно-методологическую проблему. В своём предисловии к сборнику избранных трудов П.А. Сорокина «Человек. Цивилизация. Общество» А.Ю. Согомонов, например, отмечает: «В историко-социологической литературе традиционно принято, хотя, видимо, не вполне справедливо, разграничивать два периода творчества Сорокина – русский и американский. Конечно же, русский Сорокин и Сорокин-американец довольно не похожи друг на друга и по кругу анализируемых проблем, и по характеру использования материала, и по степени зрелости и самостоятельности создаваемых теорий. Однако очевидно, что интегральная сущность всех его работ всегда оставалась неизменной. Более того, и все его мировоззрение было пронизано интегральным синтезом и на уровне сциентических программ, и в политических взглядах, и даже на уровне жизненной философии. В этом смысле принципиальное отличие между ранним и поздним Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории: если он начинал довольно традиционно для социальной мысли рубежа веков, то в гарвардский период превратился в могущественного макросоциолога, рассматривающего цивилизацию в качестве атомарной единицы своего анализ»¹²³. Схожих взглядов на периодизацию научного творчества учёного придерживаются также В.В.Сапов, И.А. Голосенко, М.В. Ломоносова, Б.А. Ионов и др.

Относительно количества периодов в творчестве учёного А.Ю. Согомонов, вне всякого сомнения, прав – их явно больше чем два.

Н.Ф. Зюев, например, выделяет три периода: 1) ранние социологические и философские исследования, сделанные с опорой на позитивистскую методологию (1913-й-начало 20-х); 2) создание

---

¹²³ Согомонов, А.Ю. Предисловие. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с. С. 18

собственной оригинальной научной и философской системы, названной им «интегрализмом» (середина 20-х-40-е), 3) работа над морально-этическим учением о «творческом альтруизме» (конец 40-х-60-е)¹²⁴.

Как известно, настоящий учёный не боится менять свои взгляды по мере прогресса его научных идей. Однако к количеству периодов в эволюции мировоззрения учёного мы вскоре вернёмся.

Что же касается глобализма и интегрализма, то дело как раз обстоит наоборот – глобальным по широте и глубине своего научного метода Сорокин был всегда, даже в своих ранних трудах¹²⁵, а вот интегрализм его трудам стал присущен лишь после колоссальной трагедии российской революции и последовавшей за ней гражданской войны. Даже и после этого Сорокину потребовался десятилетний переходный период для того, чтобы в полной мере «перестроиться» на «интегральный лад».

Творческая эволюция жизненных и научно-методологических воззрений П.А. Сорокина настолько сложна, что в целях научного анализа мы условно подразделяем её на семь этапов: 1) христианско-идеациональный; 2) позитивистски-бихевиористский; 3) переходный; 4) интегралистский; 5) альтруистический; 6) провидческий и 7) обобщающий.

§ 2.2. Христианско-идеациональный период (1889-1905 гг.)

Первый этап развития мировоззрения юного Питирима (до 1905 г.) можно было бы назвать христианско-идеациональным. Мировоззрение, или, пользуясь одним из любимых терминов мыслителя, *Weltanschauung*¹²⁶ юноши в этот период представляет собой некий синтез телеологической философии христианства с верованиями народа коми дохристианского периода. Образ мышления Питирима в это время подробно описан в автобиографических произведениях

---

¹²⁴ Зюев, Н.Ф. Философия Питирима Сорокина. Диссертация докт. филос. наук. М., 2004. С. 19. (Прим. авт.).

¹²⁵ См. например, Сорокин, П.А. «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914 г.). (Прим. авт.).

¹²⁶ *Weltanschauung* (нем.) – мировоззрение, картина мира, фундаментальная когнитивная ориентация, присущая тому или иному человеку или обществу (прим. авт.)

учёного¹²⁷. Вот, например, как представляет П.А. Сорокин в своей автобиографии край, где проходило его становление как личности: «Эта местность в основном состояла из первозданных лесов, тянувшихся на сотни верст во всех направлениях. В то время они еще не были испоганены «цивилизацией». Подобно маленьким островкам в море, затерялись в этих лесных массивах села и деревушки коми народа. Две великие реки – Вычегда и Печора – со своими притоками несли через лесную страну прозрачные, как хрусталь, воды. Их бурное течение омывало красивые песчаные пляжи, крутые холмы, благоухающие пойменные луга, деревья и кусты, растущие вдоль берегов. Привольно разливающиеся реки играючи бежали среди деревьев по затейливым руслам, а в глухих уголках этого зеленого царства лежали безмолвные озера, бочажки и болота.

В лесах росли разнообразные кустарники и деревья, но больше всего сосны и ели. Особенно чудесны были высокие, стройные сосны. На земле, покрытой красивым белым мхом – ягелем, тысячи этих сосен стояли, подпирая небо, то тихие и загадочные, словно забывшиеся в молитве, то шумящие и раскачивающиеся, как бы сражающиеся с яростной вражьей силой. Многие и многие часы я провел в этих соборах живой природы, очарованный их величием, таинственностью и Богом данной красотой. Они разжигали воображение, заражали своим меняющимся настроением, посвящали меня в их тайны.

Лес изобилдовал множеством животных: от прозаических белок, зайцев и лис до грациозных оленей и задумчивых медведей. Самые разнообразные птицы наполняли лес чарующим пением. Реки, протоки и старицы были полны всякой рыбы, включая стерлядь (лучшая разновидность осетровых) и семгу. В то же время в этом обширном краю не водились никакие змеи.

Лес оказывался неистощимо щедр на постоянные перемены обличья и настроения. В безветренные дни все вокруг было безмятежным, загадочным, погруженным в неподвижную тишину. А в штормовую погоду все шумело и пребывало в неистовом движении. Лес был бесконечным, разноцветным, пахучим океаном летом и безжиз-

---

¹²⁷ См. Russian diary, 1917-1922. – L. – 310 p. 1925 г.; Leaves from a russian diary. – N.Y. – 310 p. 1927 г.; Leaves from a russian diary and thirty years after. – Boston. – 346 p. 1950; A long journey: The autobiogr. of Pitirim Sorokin. – New Haven. – 327 p. 1963 г. (Прим. авт.).

ненной, сверкающей белизной в зимние солнечные дни. Приветливый и спокойный днем, его «лик» становился мрачным и пугающим ночами.

Я рад, что прожил детство в этой девственной стране. Даже сейчас, если бы мог выбирать, я не променял бы ее и на самую цивилизованную среду обитания в самом лучшем жилом районе самого прекрасного города в мире. Я счастлив, что имел возможность жить и расти в этой природной стихии до того, как ее разрушили индустриализация и урбанизация». ¹²⁸ (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 12-13).

С особым вниманием и любовью учёный описывает обычаи и культуру народа коми ¹²⁹. Позже, как социолог и этнограф, он создаёт научные работы, которые и сегодня высоко ценятся среди исследователей ¹³⁰. Среди черт, характеризующих коми народ в целом, он отмечает высокую степень взаимовыручки, практически полное отсутствие социального неравенства, равноправие мужчин и женщин, низкий уровень преступности. П.А. Сорокин констатирует: «Коми были православными, но вместе с христианской религией

¹²⁸ Пишущий эти строки 73-летний учёный явно проводит параллели в своих воспоминаниях с «золотым веком» – представлением, присутствующем в мифологии практически всех народов, блаженным состоянием первобытного человечества, жившего в гармонии с природой. Согласно М. Элиаде, мифологема золотого века восходит ко временам неолитической революции и является реакцией на введение земледелия. (Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала). http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BIDik.php «Золотому веку» также обычно сопутствуют мифологемы «потерянного рая», «благородного дикаря» и другие архетипы, составляющие основу любой утопии. Термин «золотой век» возводят обычно к «Трудам и дням» Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.). Как и у других народов, у коми народа существовало представление о веке всеобщего изобилия. В этом «золотом веке» небо, например, находилось так низко над землёй, что до него можно было дотронуться руками, колос пшеницы был кустист и брал начало от самого корня и т. д. См. Петрухин В. Мифы финно-угров. – Астрель Аст Транзиткнига, 2005. – С. 463. (Прим. авт.).

¹²⁹ Народ коми известен также как «зыряне». П.А. Сорокин использует оба термина. (Прим. авт.)

¹³⁰ См. напр., Пережитки анимизма у зырян // Изв. Арханг. о-ва изуч. рус. Севера. – № 20. – С. 49-62; № 22. – С.39-47; Рыт пукалом: (Рассказ о жизни сев. деревни) // Арханг. губ. вест. – № 203; К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Изв. Арханг. о-ва изуч. рус. Севера. – № 1. – С.34-41; № 5. – С.356-361; «Пестрое кружево»: (Дорож. заметки о путешествии в Удор. край с целью этногр. исслед. летом 1911 г.) // Вологод. листок. –1911. – 19, 21, 26 июня; 26 июля; 6,9,17,21, 28 авг.; 2,4,6,11 сент.; Печорская экспедиция и колонизация зырянского края // Изв. Арханг. о-ва изуч. рус. Севера – №8-9. – С.645-651; № 11. – С.863-868; Современные зыряне // Изв. Арханг. о-ва изуч. рус. Севера. – № 18. –С.525-536; № 22. – С.811-820; № 23. – С.876-885; № 24. –С.941-949 (Прим. авт.).

все еще сохраняли многие верования, легенды и ритуалы дохристианских, языческих культов. Каждая из этих религий ассимилировала определенные верования и обряды другой, результатом чего стало своеобразное «языческое христианство» или «христианизированное язычество». Однако никакого противостояния или вражды между элементами двух религиозных культов не наблюдалось, как не наблюдалось их и между представителями нескольких сект и направлений в рамках этого «языческого христианства»: все они были привержены евангелической простоте, миру и непротивлению злу насилием. Основой такого «мирного сосуществования» являлось общее убеждение в том, что весь мир – это живое единство и что «истина едина, люди только называют ее разными именами». На протяжении всей жизни среди коми народа я не припомню хотя бы одного случая религиозной нетерпимости или гонений за веру.

Общинные мораль и нравы коми основывались на обычаях золотого века, десяти заповедях и взаимопомощи¹³¹. Эти нравственные принципы рассматривались как данные свыше, безусловно обязательные и императивные. В качестве таковых они составляли основу человеческих взаимоотношений не на словах, а на деле. То же самое можно сказать и о законе крестьянской общины. Нормы общинного права были зафиксированы не столько на бумаге, сколько в сердцах и образе жизни моих земляков. Они соблюдали эти нормы как глубоко внутренние «категорические императивы», а вовсе не из страха наказания. Избы крестьян не имели замков, поскольку не существовало воров. Серьезные преступления, если и случались, то очень редко, и даже мелких правонарушений было немного. Взаимопомощь являлась обычным делом, организующим всю жизнь крестьянской общины.

В политическом и социальном отношении народ коми никогда не знал рабства или крепостного права. Зыряне всегда были свободными людьми и решали свои дела самостоятельно при помощи непосредственного самоуправления, аналогичного немецкому понятию «Гемайншафт» или русским «мир» или «община». Земля была в совместном владении всех членов этих сельских общин. Ее по справедливости делили между отдельными семьями по количеству членов и

---

¹³¹ Позднее «Десять заповедей», «Нагорная проповедь» и другие постулаты христианства займут значительное место в интегральной философии П.А. Сорокина. (Прим. авт.).

со временем перераспределяли по мере их увеличения или сокращения. Традиционалистский дух взаимопомощи в мои годы был еще достаточно силен и проявлялся в самых разных формах деятельности внутри сельской общины. Это препятствовало развитию слишком заметного неравенства и резкому экономическому, политическому и социальному расслоению жителей села. Здесь не существовало ни слишком богатых привилегированных «верхов», ни особенно бедных или бесправных «низов». Даже между двумя полами в основном соблюдалось равноправие. Здесь не было «классовой борьбы» и сформировавшихся политических партий, отстаивающих свои законные интересы. Функции окружных выборных властей – земств – заключались, в основном, в строительстве школ, создании лечебных и культурных заведений. Контроль со стороны царского правительства также был ограничен. Воспитываясь в такой социальной среде, я естественным образом впитывал бытующие в ней верования, моральные нормы и нравственные принципы: дух независимости, справедливости, уверенности в себе и взаимопомощи.

Что касается эстетической атмосферы, то мир прекрасного у коми народа состоял, в первую очередь, из красивой природы: широких рек и озер, еще не загрязненных промышленными и городскими отходами, бескрайних лесов, цветущих лугов и полей, окружающих летом каждое село; огромных пространств, покрытых чистым снегом зимой; и всегда голубого, безоблачного неба, сверкающего по ночам алмазными россыпями звезд.

Царство диких животных соответствовало другой стороне эстетического мира зырян. Рыбная ловля в чистых водах рек и озер, охота и наблюдение за повадками зверей и вечно меняющейся природой, жизнь и работа среди всего этого великолепия служили неизменным источником эмоциональной разгрузки и эстетического наслаждения для коми крестьян. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 12-15).

С глубоким чувством учёный описывает также уникальную культуру народа коми: «Мир чудесной природы дополнялся созданным человеком миром сказок, легенд, мифов, народных песен, танцев, карнавалов, сельских фестивалей и красочных обрядов, сопровождавших рождение, свадьбу, похороны и другие события человеческой жизни. Хотя коми в то время имели лишь зачатки письменной литературы, их фольклор, сказки, легенды и предания, был богат и захватывающе интересен. То же можно сказать и об их народных

песнях и музыке, тогда еще неиспорченных позднейшим вторжением вульгарной городской псевдомузыки и псевдопесен-чапушек. Старинные народные напевы и сказания угро-финских народов еще жили в этом регионе и прилегающих к нему местностях, где их собирали выдающиеся русские ученые и композиторы: Римский-Корсаков, Мусоргский, Чайковский, Кастальский и другие. Этим объясняется тот факт, что, когда позднее я услышал музыку этих композиторов, а также Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта и Бетховена, некоторые мотивы показались мне знакомыми. Я уже слышал их от коми крестьян, которые напевали эти мелодии во время совместных полевых работ, рыбной ловли или на сельских празднествах и посиделках зимними вечерами.

Русская православная религия с ее впечатляющими ритуалами, церковной музыкой, красочными шествиями, мудрыми таинствами, была важной составной частью эстетической жизни крестьян. Сельская церковь служила им и театром, и концертным залом. В ней они активно участвовали в постановке бессмертной литургической трагедии божественного сотворения мира, в драме торжественного отпевания покойника, в радостных церемониях крещения или венчания, в таинствах исповеди, причастия, отпущения грехов, в праздничных шествиях, вроде пасхального Крестного хода. В церкви они наслаждались волнующей музыкой, слушали возвышенные стихи, читаемые нараспев молящимися, и участвовали в других культовых действиях. Так или иначе, церковь и религия играли важную роль в жизни крестьян, не меньшую, чем любой самый лучший театр в жизни горожан.

Итак, коми народ обладал замечательной эстетической культурой, которая обогащала и облагораживала души этих людей. Она скрашивала и мое существование и, будучи впитана в детстве, сформировала мой эстетический вкус на всю жизнь». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 15-16).

Биограф будущего ученого Б. Джонстон суммирует картину раннего, христианско-идеационального мировоззрения Питирима: «Религия представляла собой существенный элемент в этой нарождающейся картине мира. Всю свою жизнь Питирим зарабатывал на жизнь в окружении церковей и священников. Его руки создавали иконы и ризы, и он ежедневно общался с церковнослужителями. В то же время, религия представляла собой не только православную

доктрину, она включала языческую мифологию народа коми. Под этими влияниями формировались эстетические чувства и духовность Питирима. Православные обряды стимулировали его любовь к музыке и дали ему истинное представление об эмоциональной и социальной власти ритуала.

В процессе исполнения обязанностей псаломщика, а позже и учителя других крестьян, его ценности в значительной степени формировались под влиянием миссии и обрядов церкви. Духи природы воздействовали на него вместе с теми, что исходили от Божества и от святых, формируя восприимчивость к находящимся вне пределов науки и чувств феноменам. Для этого молодого человека знать что-либо было не только лишь эмпирически осознаваемым процессом, но и также и результатом суперсознания. Человеческая реальность не была сведена к материальной чувственности. Существовали более глубинные, более таинственные истины, которые могут быть найдены лишь в сфере духовной жизни». (Johnston, p. 5-6).

§ 2.2.1. Работы, отражающие христианско-идеациональный период

Своего рода возвратом П.А. Сорокина к этому раннему, христианско-идеациональному мировоззрению служит небольшая, однако ёмкая по содержанию работа молодого учёного «Л.Н.Толстой как философ»¹³². История этой публикации следующая.

7 сентября 1911 года на посвящённой памяти Л.Н. Толстого и проходившей в Психоневрологическом институте торжественной встрече П.А. Сорокин представляет доклад, который в 1912 г. публикуется в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (№ 4-5) под названием «Л.Н. Толстой как философ». Статья производит хорошее впечатление на сподвижника Толстого И.И. Горбунова-Посадова. Будучи в то время руководителем издательства «Посредник», Горбунов-Посадов и предлагает Сорокину издать статью в виде отдельной брошюры¹³³.

---

¹³² Сорокин, П.А. Л.Н. Толстой как философ / Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / Сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. Дом «Миръ», 2014. – 832 с., илл. (Прим. авт).

¹³³ Л.Н.Толстой как философ. – М.: Посредник. – 28 с. – (Всемир. б-ка в память Л.Н.Толстого). Электронный источник: <http://ru-philosophy.livejournal.com/1342146.html>

Эпиграфом к статье молодой ученый избирает цитату из А. Бергсона: «...абсолютное может быть дано лишь в интуиции, тогда как все остальное открывается в анализе»¹³⁴. В самой работе Сорокин раскрывает перед нами своё понимание великого писателя как религиозного философа-мыслителя, создателя гармоничной и логической философской доктрины, который видит Бога в каждом из представителей рода людского.

§ 2.3. Позитивистско-бихевиористский период (1905-1920 гг.)

На втором, позитивистском, этапе (примерно с 1905-го по 1920 гг.) П.А.Сорокин проходит через период дезинтеграции своего предыдущего образа мышления и выстраивает новую, в основном, позитивистски-бихевиористскую парадигму мышления и, соответственно, философии истории. В этот период им создаются такие работы, как «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), «Самоубийство как общественное явление» (1913), «Предмет и границы социологии» (1913), а также большое количество политико-аналитических публикаций, служащих своего рода научной летописью периода российской революции.

Разрушение его «идеационального» мировоззрения и замена его новой – «чувственной» или «позитивистской» парадигмой происходит начиная с периода обучения юноши в Костроме (1904-1906 гг.). П.А. Сорокин вспоминает: «Суммарное воздействие всех этих сил на меня было так велико, что всего за два года учебы большая часть моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных установок была разрушена. Религиозность уступила место полуатеистическому отрицанию теологии и обрядов русской православной церкви. Обязательное присутствие на церковных службах, введенное в школе, только усиливало это отрицательное отношение к религии. Мое старое мировоззрение и система ценностей были заменены научной теорией эволюции и естественно-научной философией. Приверженность монархической системе правления и «капиталистической» экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими

---

¹³⁴ Анри Бергсон (1859-1941 гг.) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни (Прим. авт.)

взглядами. Политическая индифферентность уступила революционному порыву. Я превратился в активного агитатора за свержение царизма и руководителя отделения социалистов-революционеров в школе и округе. В отличие от социал-демократов эсеры были партией всех трудящихся – крестьян, рабочих и людей умственного труда. В противоположность марксистскому материализму и взглядам на человека и историю общества сквозь призму первичности экономических интересов философия и социология социал-революционной партии были намного более идеалистичны или, точнее, целостны. Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, борьба за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование. Мое прежнее мироощущение было более созвучно этому, чем пролетарской, материалистичной, экономической идеологии марксистских социал-демократов. Духовной близостью и объясняется, почему я выбрал именно партию социалистов-революционеров и почему на протяжении всей последующей жизни не имел ничего общего с марксизмом». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 36).

Формирование этой прогрессивистской, либерально-позитивистской мировоззренческой парадигмы продолжается в период университетского обучения в Санкт-Петербурге. Учёный замечает по этому поводу: «Усваивая новые знания и ценности, я одновременно старался соединить мои взгляды в целостное, единое мировоззрение. Есть люди, которые не испытывают нужды привести мешанину в своей голове в некое подобие упорядоченной системы. Их ментальность напоминает мусорную кучу, в которой свалены вместе разнообразные и противоречивые обрывки знаний, философий, идеологий, несопоставимых ценностей и стремлений к ним. Эти легкомысленные, пустые люди часто бывают по-своему довольны жизнью, которая течет без кризисов и трагедий.

В противоположность людям этого типа есть и такие, у кого сильно стремление к упорядочению и согласованию своих идей, ценностей и устремлений. Такие личности не могут не объединять их в более или менее согласованную систему. Я, похоже, принадлежу к этому целостному типу. После того как мои ранние взгляды на жизнь рассыпались, как карточный домик, в начале учебы в церковно-учительской школе, я ощущал некий душевный дискомфорт и самопроизвольно

начал поиски новой философии, чтобы восстановить единство и целостность моего Я. Накопленные естественнонаучные знания, более близкое знакомство с позитивистской философией и революционно-социалистическими доктринами показали мне направление, в каком следует строить новое мировоззрение. Значительно продвинулся в решении этой задачи я смогу благодаря вечерней школе. Но и тогда новая система идеи ценностей и жизненных устремлений была создана лишь наполовину. Ее завершение пришлось на годы учебы в Психоневрологическом институте и Санкт-Петербургском университете. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 49-50).

Два года занятий на Черняевских курсах оказались весьма продуктивными с точки зрения нравственного и умственного развития юноши. К концу этого периода он почувствовал, что уже в основном готов к экзамену на аттестат зрелости, достаточно разбирается в основных областях культуры. Интеллектуальное развитие шло параллельно эмоциональному созреванию и становлению характера. Одновременно со расширением картины мира шло дальнейшее становление его новой мировоззренческой системы.

Питирим размышляет: «Вместе с накоплением знаний в этих областях я продолжал строить целостную, более или менее единую систему мировоззрения. С философской точки зрения возникающая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающаяся на логических и эмпирических научных методах познания. Социологически – это был некий синтез социологии Конта и взглядов Спенсера на эволюционное развитие, скорректированный и подкрепленный теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина – из русских мыслителей, и Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето и других – из числа западных ученых. Политически – мое мировоззрение представляло из себя форму социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы. В целом это было оптимистическое мировоззрение, весьма схожее со взглядами большинства русских и западных мыслителей предреволюционного времени. Я и не предполагал, что мое «научное, позитивистское и прогрессивно оптимистическое» мировоззрение вскоре подвергнется жестокому испытанию историческими событиями, и, претерпев второй кризис, будет во второй раз пересмотрено и заново интегрировано. Этот второй кри-

зис еще скрыт в потемках будущего. Тогда, в студенческие годы, я был полностью удовлетворен своим мировоззрением, не осознавая еще, что подобен «теленку, видящему мир сквозь розовые очки». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 57).

§ 2.3.1. Работы позитивистско-бихевиористского периода

Позитивистский период в творчестве П.А. Сорокина условно можно определить как период между его ранними публикациями, начиная с 1910 г. и заканчивая 1920 г., когда выходит из печати его (позже представленный к публичной защите докторской диссертации по социологии) труд «Система социологии». Таким образом, к данному периоду относятся «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914 г.), отчасти «Система социологии» (1920) и др. Особенности этого периода можно охарактеризовать следующим образом.

Значительное влияние на данный период творчества учёного оказывает его обучение и позже сотрудничество с гигантами российской науки в Психоневрологическом институте (Е.В. Де Роберти, М.М. Ковалевский и др), а затем в Петербургском университете (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, Л.И. Петражицкий, К.Ф. Жаков и др.)

Научный интерес П.А. Сорокина в это время был неразрывно связан с его политической деятельностью. Участие в революционном движении, направленном на демократизацию российского общества, определяет его интерес к основным институтам общественного устройства, мотивации человеческого поведения и связи теоретического наследия европейской общественной мысли с российскими реалиями для проведения общественных реформ.

На этом этапе складывается «сорокинская методология» научного исследования, хотя и основанная на широком и детальном анализе работ предшественников и современников, однако с ярко выраженным индивидуальным подходом к неисследованной предметной области.

В этот период в многочисленных публикациях по актуальным общественно-политическим темам формируется «общественный», даже образовательный характер сорокинской социологии. Результаты своих научных исследований Сорокин считает необходимым

донести не только до профессиональной аудитории, но и до широких общественных слоев. С этой целью учёный публикует и ряд художественных произведений¹³⁵.

Магистерская диссертация в области уголовного права, изданная в 1913 году как социологический этюд «Преступление и кара, подвиг и награда» становится «программной» работой данного периода. Она так же как и (в большей своей части) «Система социологии» представляет собой творческий синтез неопозитивизма и бихевиоризма.

«Обзор теорий и основных проблем прогресса» (1914 г.)

В 1914 г. учёный публикует статью под названием «Обзор теорий и основных проблем прогресса»¹³⁶.

Он тщательно анализирует соответствующие теории и приходит к выводу, что все они подпадают под категорию оценочных (т. е. предлагается некий идеал, к которому должно стремиться человечество), безоценочных (понятие прогресса отождествляется с эволюцией общества) либо представляют собой некий смешанный тип.

Сорокин подчеркивает, что проблема прогресса представляет собой одну из наиболее сложных, трудных и неясных научных проблем, однако не определяет пока свою научную позицию по отношению к рассматриваемым теориям. (Сорокин П.А. «Обзор теорий и основных проблем прогресса», с. 116). Время его собственной теории социокультурной эволюции общества пока еще впереди.

«Преступление и кара, подвиг и награда» (1914 г.)

Первое крупное произведение П.А. Сорокина под названием «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» появляется на свет уже в 1914 г.¹³⁷ В основанной на его магистерской работе, а

---

¹³⁵ См. напр. Сорокин П.А. Предтеча // Питирим Сорокин: Грани жизни и творчества / Под ред. Ю.В. Яковца, А.О. Бороноева. – М.: МИСК, 2009. – С. 195-328; Сорокин П.А. «Прачечная человеческих душ» (научно-фантастический роман). Дойков Ю.В. Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995, № 6, с. 60-68 (прим. авт.)

¹³⁶ Сорокин П. А. «Обзор теорий и основных проблем прогресса» // «Новые идеи в социологии». Сб. третий. – СПб., 1914. – С. 116. (Прим. авт.)

¹³⁷ Книга выходит в 1913 г. когда П.А Сорокину было 24 года. На обложке книги значится 1914 г. (Прим. авт.)

также, видимо, на собственных лекционных материалах 493-страничной монографии молодой учёный не только излагает свои философско-правовые взгляды на развитие общества, но и раскрывает перед читателем свою мирозренческую систему этого периода. Н.Ф. Зюзев отмечает: «Автор рисует масштабную, полную исторических подробностей картину возникновения и развития морали, излагая при этом собственную теорию общества и законов его функционирования. Всё это поставлено на солидную методологическую основу. По сути, это первый – и сразу очень серьёзный – опыт построения не только социологической, но и философской теории общества»¹³⁸.

Что касается вопросов философии и социологии права, то П.А. Сорокин уделяет им внимание на протяжении всей своей творческой жизни. Среди важнейших работ в этой области: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913 г.), «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» (1919 г.), «Общедоступный учебник по социологии» (1920), «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» (1922 г.), «Социальная и культурная динамика» (1937-1941 гг.), «Общество, культура и личность» (1947). Он позже напишет в «Социальной и культурной динамике»: «Лучшим документальным источником сведений («социальным зеркалом») о нравственном сознании и соответствующих формах поведения или нравах являются своды «официальных» законов данной группы в совокупности с ее «официальными» нравственными предписаниями. Любой санкционированный и функционирующий кодекс «официального» права – самое надежное, относительно самое точное и достоверное отражение нравственного сознания и этической дифференциации поступков на вышеописанные классы. Разумеется, такой «официальный кодекс» не отражает всех подлинных императивно-атрибутивных убеждений членов общества полностью. Всегда есть некоторое различие между тем, как ситуация изображается в «официальном праве», и тем, как она представлена в психосоциальной ментальности членов общества, при этом чем оно больше, тем, стало быть, быстрее изменяется этико-социальная жизнь общества. Поскольку официальные законы нельзя без конца пересматривать, а общественная жизнь меняется постоянно, это различие

---

¹³⁸ Н.Ф. Зюзев. Философия Питирима Сорокина. Дисс. докт. филос наук. М., 2004. С. 44.

неизбежно. Однако его не следует преувеличивать, особенно если речь идет о давних временах, когда темпы сдвигов в нравственно-правовом сознании и в соответствующих формах поведения были медленными. В целом любой действующий правовой кодекс, который использовался в течение десятилетий и столетий и лежал в основе деятельности судов и органов правосудия, отражает в существенных чертах реальность вполне точно, во всяком случае лучше, чем какой бы то ни было другой источник. Когда его расхождение с нравственным сознанием индивидов выходит за рамки частной области и становится заметным, это означает, что кодекс надо изменить или заменить новым»¹³⁹.

Книга подразделяется на три части. В первой молодой учёный систематизирует акты человеческого поведения, во второй исследует особую роль кар и наград в обществе и в третьей – анализирует генезис и эволюцию основных форм поведения.

Преступность рассматривается автором как результат принципиальной разнородности и даже «разорванности» системы социальных отношений, несоответствия «шаблонов поведения» различных социальных групп. Анализируя исторический опыт регулирования правового общения отдельных народов в разные исторические эпохи, молодой учёный демонстрирует тенденцию у постепенному спаду санкций и наказаний. На его взгляд, эволюция человечества проявляется, в том числе, и в смягчении кар. Согласно П.А. Сорокину, в перспективе человечество будет в состоянии решить проблему преступности путём перехода на качественно иной уровень социальной интеграции и согласия.

Нормальное развитие общества П.А. Сорокин связывает с мирным, ненасильственным течением истории, без потрясений, сопровождающихся разрушением правовых устоев общества. Революции, согласно Сорокину, стремясь установить новые идеалы насильственными методами, выполняют реакционную роль. Альтернативу правовым идеалам, насаждаемым насильственными методами, П.А. Сорокин видит в идеале права социально-благожелательного поведения. Его суть заключается во взаимной солидарности и любви людей друг к другу. В постепенном приближении к этому идеалу

---

¹³⁹ Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. Статья и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.: ил., 24 с. ил. – (Социальная мысль России). С. 540-541.

П.А. Сорокин видит будущее человечества. Так, например, он пишет в отношении прогресса человеческого поведения: «Если мы считаем социально полезное (альтруистическое) поведение лучшим, чем социально вредное (эгоистическое), если мы считаем солидарность и гармонию людей между собою лучшим, чем кровавую борьбу и вечные жестокие конфликты, если мы считаем более быстрый рост знания и более быстрый ход к миру солидарности лучшим, чем невежество и черепаший ход к взаимопомощи, если мы считаем поведение человека, руководствующегося только стимулом общественной пользы, лучшим, чем поведение человека, руководствующегося карами и наградами, если, наконец, мы считаем отсутствие кар и наград, не ведущее к росту социально вредных поступков, лучшим, чем беспощадные кары и грандиозные награды, если, иначе говоря, мы считаем поведение человека, бескорыстно из чувства общей пользы и добросовестно исполняющего социально полезные функции, лучшим, чем поведение человека, исполняющего те же функции только благодаря ударам кнута, розгам, пыткам и угрозам или благодаря обещанию различных «приманок» и выгод, если, наконец, мы считаем любовь людей друг к другу лучшим, чем вражду и ненависть, – если все это мы считаем лучшим (прогрессом) – то должны сказать, что исторический процесс, несмотря на зигзаги и отклонения, в своем целом виде есть и прогресс»¹⁴⁰.

Завершает свою «политико-правовую утопию» П.А. Сорокин следующими словами: «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого «долга» и полный действенной любви к сочеловекам, вот предел, к которому ведёт история человечества. Таков итог данной работы, и таковы перспективы, открывающиеся перед нами с тоски зрения выше развитых положений». (с. 493).

Наверное, ни одна утопия не разрушалась так быстро под натиском жизни, как эта. Прошло чуть больше полугода после выхода в свет «Преступления и кары», как разразилась первая мировая война, которая поставила свой кровавый крест на утопиях «вечного мира», на теориях прогресса, и на наивно-сентиментальных верованиях в человека. Тем не менее, критики отмечают: «Первая его

---

¹⁴⁰ Сорокин, П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. – 618 с. С. 485-486.

книга, хотя и написана почти сто лет назад, во многом и по сей день не утратила своей актуальности. «Несовпадение шаблонов поведения» (основная причина преступности по Сорокину) может помочь и в наше время разобраться в причинах многочисленных межэтнических и религиозных конфликтов»¹⁴¹.

§ 2.4. Переходный период от позитивизма к интегрализму (1920-1937 гг.)

Коллега и друг Сорокина К. Циммерман пишет в 1968 г. об остром мировоззренческом кризисе, охватившем общественные науки начала XX века: «Сорокин начинал как типичный социолог и философ XIX века. Он упоминает это несколько раз в своей автобиографии. Люди этого столетия значительным образом отличались от представителей прошлого своей верой в возможность постоянного улучшения состояния человека и своим упором на использование «научного позитивизма». ...Однако после оптимизма и концентрации на общественных изменениях в XIX веке в течение XX столетия социология пришла в замешательство. Интеллектуальный упадок начался в начале столетия и социология только лишь сейчас выходит из пике. Причины, приводимые в качестве объяснения остановки в социологическом мышлении, следующие: распад нескольких империй, например, Оттоманской и Британской; значительная мировая экономическая депрессия, а также по крайней мере такие две соперничающие философии, как коммунизм и фашизм. Взятые вместе, эти причины представляют собой достаточно оснований для упадка в конструктивном мышлении. Существовали и другие причины. Пауза в социологическом мышлении была отмечена различными симптомами в разных странах. В определенном смысле этот период все еще продолжается». (Zimmerman, pp. 4-5).

Описанные исторические катаклизмы в совокупности с личным опытом не могли не сказаться на мировоззрении и научном творчестве П.А. Сорокина. Третий, переходный, этап (1920-1937 гг.) характеризуется продолжением идей позитивистского периода, однако, с включением новых, интегралистских, идей.

Б. Джонстон характеризует мировоззрение ученого в этот пери-

---

¹⁴¹ Сорокин, П.А. «Преступление и кара», 2006 г. (Предисловие).

од: «Сорокин был также критичен по отношению к тем, кто рассматривал социологию в качестве спекулятивной формы философии; с теми, кто был заинтересован в разработке философии истории; а также в отношении к тем, кто ценил индивидуальные подходы к изучению общества, пренебрегая статистическими, кросс-национальными методами». (Johnston, p. 50).

Сам ученый делится с читателем: «Прежде чем продолжить рассказ о моей жизни, следует, вероятно, сказать несколько слов о новом кризисе в моем мировоззрении и восстановлении целостности моих философских и психосоциологических взглядов и моей системы личностных ценностей. Первая мировая война пробила первые бреши в позитивистском «сциентистском» и гуманистическом мироощущении, которое я имел до войны. Революция же 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического процесса как прогрессивных изменений, эволюции к более лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории наряду с благородным, мудрым и созидающим меньшинством гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах. Волна смерти, зверства и невежества, захлестнувшая мир в XX, цивилизованном, как считалось, столетии, полностью противоречила всем сладеньким теориям прогрессивной эволюции человека от невежества к науке и мудрости, от звероподобного состояния к благородству нравов, от варварства к цивилизации, от теологической к позитивной стадии развития общества, от тирании к свободе, от нищеты и болезней к неограниченному процветанию и здоровью, от уродства к красоте, от человека – худшего из зверей – к сверхчеловеку-полуобугу.

Это вот разительное противоречие заставило меня, как и многих других, придирчиво пересмотреть прошлые взгляды на мир. Мой собственный опыт в течение 1914-1922 годов только усилил потребность в таком пересмотре. В это время я испытал на себе и видел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств,

чтобы сохранить в неприкосновенности восторженное и бодрое мироощущение. Именно эти исторические обстоятельства и экзистенциальные условия начали процесс переоценки моих ценностей, перестройки моих взглядов и изменения меня самого как личности. Перестройка шла постепенно и в течение пяти лет в коммунистической России, и позже, в Европе и в Соединенных Штатах. К концу 1920-х годов этот болезненный, но радостный процесс в основном завершился. Его результатом стало то, что я называю интегральной системой философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей. Какие-то следы этой системы заметны уже в моей «Системе социологии», созданной в России, и в трудах, опубликованных в Чехословакии. Намного более явно эта система проступает в моих книгах, изданных в Америке между 1924 и 1929 годами. В своей завершённой форме основные принципы «интегрализма» систематически изложены в книгах, написанных за последние тридцать лет. (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 149-150).

К переходному периоду частично относится и классическая монография «Система социологии» (1920), в которой учёный представляет свою картину структуры и эволюции социокультурной вселенной этого периода.

В этот период учёный также глубоко разрабатывает проблемы универсальных проблем человечества – феноменов революции, голода и других бедствий. Он создаёт такие труды, как «Система социологии» (1920), «Общедоступный учебник по социологии» (1920), «Голод как фактор» (1922 г.) и «Социология революции» (1925 г.). Несколько позже, в период второй мировой войны, учёный возвращается к тематике кризиса и бедствий в своей классической монографии «Человек и общество в условиях бедствий» (1942 г.), однако уже на основе своей новой, интегралистской парадигмы.

Тогда же П.А. Сорокин продолжает разрабатывать основные положения теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности», которые он в наиболее подной форме излагает в монографии «Социальная и культурная мобильность» (1927 г.). В конце данного периода в поисках решений проблем современности он обращается к своего рода «инвентаризации» существующих в его время социокультурных теорий, что находит отражение в монографии «Современные социологические теории» (1928 г.). Как и в «Системе социологии», учёный снова приходит к выводу, что лишь комбинация методов, некий интегральный подход явится действенным способом решения глобальных проблем человечества.

§ 2.5.1. Работы переходного периода

«Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» (1919 г.)

После своего отхода от политической деятельности учёный снова начинает активно публиковаться. Так, в короткий период между 1919-м и 1929 г. учёный издает два учебника – «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» (1919 г.) и «Общедоступный учебник социологии» (1920 г.). В 1919 г. П.А. Сорокин публикует один из первых российских учебников по общей теории юриспруденции под названием «Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства»¹⁴².

М.В. Ломоносова отмечает: «Исходная теоретическая установка П.А. Сорокина в работах «Преступление и кара, подвиг и награда» и «Элементарный учебник общей теории права» – исследование права как социального явления в общественной жизни, поэтому он выходит за пределы традиционной юриспруденции, которая ставит право в зависимость от государства («нормы права – это нормы, установленные государством»). Само социальное происхождение права свидетельствует о том, что оно имеет корни в природе социального мира, в нормативной структуре социальной организации. И если в «Преступлении и каре, подвиге и награде», а также революционной публицистике Сорокина сильно выражено влияние методологических позиций двух теорий – коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева и психологической теории права Л.И. Петражицкого, то в «Элементарном учебнике общей теории права в связи с теорией государства» он обращается прежде всего к теории государства. При всей методологической нейтральности общего названия курса, как отмечал в своем исследовании В.Г. Графский, в учебнике представлена разновидность социологизированной интерпретации теории права (в особенности там, где речь идет об «основных общественных функциях права и его социальной роли») с вкраплениями элементов истории философии права (эволюции права в его связи с эволюцией правового идеала) и собственно исторического познания права (очерк его происхождения и развития)»¹⁴³.

---

¹⁴² Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. – Ярославль, 1919 г. – 236 с. (Прим. авт.)

¹⁴³ Ломоносова, М.В. Социология революции П.А. Сорокина. Автореферат диссертации по социологии. Санкт-Петербург, 2006.

С философски-исторической точки зрения интересна глава XI под названием «Правовой прогресс человечества и основные законы развития права». Автор рассматривает в ней три основные теории развития права в контексте общего исторического развития человечества: 1) теория морально-правового регресса; 2) теорию круговоротов и 3) теорию нравственно-правового прогресса. Предложив и рассмотрев ряд собственных закономерностей нравственно-правового развития, ученый приходит к выводу, что «пределом развития права является упразднение права»

Предвидя долгий путь к этой цели, П.А. Сорокин, тем не менее, оптимистичен. Он замечает: «Мы еще далеки от этого предела. Право для современного человечества еще не изжито. Его воспитательная роль еще необходима. Задача каждого – содействовать приближению указанного предела истории человечества».

«Общедоступный учебник социологии» (1920 г.)

В 1920 г. ученый публикует «Общедоступный учебник социологии»¹⁴⁴.

В пособии в краткой и популярной форме излагаются идеи первых трех томов задуманной ученым «системы социологии», третий (как, впрочем, и последующие) том которой так и не появился в печати.

В предисловии к учебнику ученый указывает: «В расположении материала я руководствовался как своим педагогическим опытом, так и опытом социологов-педагогов других стран. Читая курсы социологии в ряде учебных заведений, начиная с Петроградского университета и кончая рабочей аудиторией общеобразовательных курсов и школ, я убедился, что гораздо целесообразнее дать систематическое изложение социологии, чем формальное знакомство с ней путем изложения истории социологии множества социальных теорий, вселяющих в итоге один сумбур в головы слушателей». (Сорокин, П.А. *Общедоступный учебник социологии*. Предисловие. Библиотека Гумера. С. 4).

---

¹⁴⁴ Сорокин, П.А. *Общедоступный учебник социологии* / Питирим Сорокин. – Ярославль : тип. Ярослав. с.-х. и кредит. союза кооперативов, 1920. – 291 с. В наше время учебник переиздается с приложением статей ученого того же периода. См. Сорокин, П. *Общедост. уч-к социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии*. – М.: Наука, 1994. – 560 с. – (Социологическое наследие).

Сорокин также закладывает здесь первоначальную основу своей классификации школ социальной мысли, позже подробно разработанную в его классическом труде «Современные социологические теории» (1928 г.).

Он пишет: «Наиболее целесообразным я считаю нижеследующую группировку социологов в отдельные течения. В зависимости от того, какие явления признаются тем или иным социологом лежащими в основе социальных явлений, можно различать три основные школы: 1) биологическую; 2) психическую; 3) автономно-социологическую (с. 185). Такова одна классификация современных социологических течений. Рядом с нею может быть дана и другая, кладущая в основу своего деления принцип «фактора» или той силы, которая данным социологом признается главной причиной общественных явлений, действием которой он объясняет все социальные процессы. С этой точки зрения все социальные теории можно разделить на две основные группы: 1) на теории, пытающиеся все общественные явления свести и объяснить действием одного фактора или, по меньшей мере, выделяющие из ряда многих факторов один главный и основной. Будем называть их теориями монистическими; 2) на теории, которые объясняют общественные явления действием многих факторов и не выделяют из них ни одного в качестве главного. Это будут теории плюралистические (с. 186).

Характерным практически для всех работ ученого является то, что он смело включает вопросы философии истории в область своей «социологической системы». Так, к примеру, в параграфе 2 «Что такое социология и что она изучает» ученый пишет: «...мы знаем, что не только отдельные люди, но и целые группы людей, по своей жизни и истории отличаются друг от друга. Английский народ не похож на русский, оба отличны от японцев и т. д. Характер, образ жизни, религия, язык, нравы, обычаи этих народов отличны друг от друга. Несходны также их история и исторические судьбы. И здесь снова встает тот же вопрос: чем объяснить эти различия? Почему жизнь англичан сложилась одним образом, а жизнь китайцев – другим? Социология и ставит своей главной и конечной задачей объяснить жизнь, поведение и судьбу отдельных людей и целых народов» (с. 7).

В параграфе «Критика упрощенных и односторонних теорий» ученый излагает свой плюральный (в отличие от монистического) подход к философии истории: «...неверны все теории, которые

весь ход общественных явлений пытаются объяснить борьбой различных частей одного расслоения; например, только борьбой рас или только борьбой государств, или только борьбой классов и т. д. и в этом отношении дело бесконечно более сложно. Ход исторических событий определяется многочисленными взаимоотношениями – соглашением и борьбой всех перечисленных групп. Свести общественные процессы к одной борьбе классов или государств, или церквей и т. д. невозможно. Такое упрощение в корне ошибочно». (с. 61).

В параграфе 8 под названием «Общий взгляд на факторы человеческого поведения и общественной жизни» П.А. Сорокин, в частности, адресует роль среды на историческое развитие общества: «В то время, как силы космического порядка и силы биологические представляют величину постоянную, малоизменяющуюся, силы социально-психические, напротив, растут. На заре истории их роль была ничтожной. Поведение людей здесь всецело зависело от их биологических свойств и условий природы. И сами они представляли животных, мало чем отличающихся от других животных. Человек здесь был, главным образом, биологическим существом, принужденным приспособляться к космической среде. Социально-психическая среда была чрезвычайно тонка и хрупка. Человек жил здесь, главным образом, «на лоне природы» и зависел от него. С ходом истории дело изменялось. Социально-психические силы в процессе совместной жизни росли. Поколение за поколением изменяли космическую среду, оставляли после себя в качестве результатов своей жизни и деятельности слой социально-психической среды; эти слои наслаивались друг на друга, росли, стенки социально-психической среды становились толще и толще, плотнее и плотнее прилегали к людям, сильнее и сильнее отделяли их от «лона природы». В итоге, теперь мы живем не столько на «лоне природы», сколько на «лоне культуры». Она окружает нас отовсюду в виде социально-психической среды. Теперь же мы не столько приспособляемся к природе, сколько к культурной среде. Воздействует на нас не столько космическая среда, сколько социально-психическая. От приспособления к природе мы идем к приспособлению к культуре. Приспособляясь к последней, мы приспособляем и видоизменяем природу.

С внутренней стороны тот же процесс представляется в фор-

ме роста влияния социально-психических раздражителей на наше поведение. Если раньше человек был биологической особью по преимуществу, то теперь он не только животное, но и социально-психическая личность. От человека-животного мы идем к человеку-личности, наделенному богатыми психическими силами, к *socius*'у, к обществу, члену великой семьи человечества. Влияние социально-психических сил на наше поведение растет. В лице человечества и через человечество растет в мире запас высших форм мировой энергии – энергии социально-психической. Возрастая, эта энергия начинает брать под свой контроль низшие формы энергии: космическую и биологическую; она начинает регулировать их действия, подчинять их своим целям. Человек-*socius*, человек сознательное существо начинает брать под свой контроль человека-животное, человека «лона природы» Подчиняя свое воле космические силы, подчинив частично силы биологические, человек-*socius* стремится подчинить себе и своему социально-психическому «я» и его силам себя самого и свое поведение. Он хочет подчинить себе и ход своей истории. «Историю», которая «совершилась», он стремится заменить историей, которую он сам делает и творит по определенному плану, согласно определенным целям. Он хочет взять в свои руки свое поведение и ход своей истории. Управляя силами природы, человек хочет управлять и самим собой. Такова тенденция, проявляющаяся в историческом обзоре поведения людей. Она выражена довольно ясно. Медленно, не без уклонений и поворотов, такой процесс совершается. Мы ближе к его осуществлению, чем люди первых веков человеческой истории. Но и мы еще очень далеки от этого предела. Мы находимся где-то на полдороге от человека-животного к человеку сознательному, обществу. Биологические силы не всецело управляют нами, но и не всецело управляемся мы и силами социально-психическими». (с. 181-182).

Так уже, в 20-е годы, молодой ученый уверенно закладывает основы своей будущей системы социокультурной вселенной.

«Система социологии»¹⁴⁵ (1920 г.)

В 1920 г. публикуются два тома монографии учёного «Система социологии»¹⁴⁶. Этот труд представляет собой краеугольный камень всех последующих научных социокультурных построений учёного. Учёный отмечает: «С момента опубликования «Системы социологии» прошло почти 44 года. Я редко без настоятельной необходимости перечитываю свои книги после того, как они изданы. За эти 44 года такая необходимость возникала несколько раз во время работы над «Социальной и культурной динамикой» (1937-1941), «Социальной мобильностью» (1927), «Современными социологическими теориями» (1928) и «Обществом, культурой и личностью» (1947). В результате я обнаружил, что, несмотря на отдельные недостатки, «Система социологии» дает, как мне кажется, первую логически систематизированную и эмпирически детализированную теорию социальных структур: «Строение простейших социальных систем» в томе первом и «Строение сложных социальных систем», развернутое в томе втором. Если в этих более поздних работах я и повторял в краткой форме теоретические положения, разработанные в «Системе социологии», то только по той причине, что в мировой литературе по социологии и социальным наукам не находил другую теорию, которая была бы более научна, логически последовательна и лучше объясняла эмпирические данные, чем моя собственная теория». (Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография – (Перев., предисл. и примеч. А.В. Липского). М., «Московский рабочий; ТЕРРА», 1992. 162 с. – С. 71). Вместе с учением о социальных структурах в «Системе социологии» уже содержится набросок теории социальной мобильности, позднее детально разработанный ученым в монографии «Социальная мобильность»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ Сорокин, П.А. Система социологии / Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.

¹⁴⁶ П.А. Сорокин планировал опубликовать десять томов «Системы социологии». По многим причинам, в том числе изгнания его из советской России в 1922 г., этот замысел остался не осуществлённым. Тем не менее, основные идеи так и не появившегося в печати третьего тома «Системы» были изложены в «Общедоступном учебнике по социологии» (1920). Следует также сказать, что в некотором смысле учёный продолжал работу над своей «системой социологии» всю последующую жизнь. Отражённая во многих последующих трудах, в конце концов она включила в себя многочисленные аспекты научного анализа социокультурной вселенной. (Прим. авт.).

¹⁴⁷ «Социальная мобильность» позже переиздается как «Социальная и культурная мобильность». (Прим. авт.)

Руководящие принципы, положенные им в основу “Системы социологии”, автор формулирует следующим образом. Во-первых, социология как наука может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противополжении «наук о природе» и «наук о культуре», по мнению автора, не может быть и речи. Во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан. Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной – объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина. Социология, по мнению ученого, должна постепенно превратиться из науки о «психических реальностях» в объективную дисциплину, изучающую явления «предметного» характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие «ощупывание» и «измерение». В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна «прекратить философствование». И, наконец, в-пятых, «разрыв с философствованием» означает и разрыв с идеей «монизма». Вслед за своим учителем М.М. Ковалевским автор характеризует монизм как попытку решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнивания с одним неизвестным. (Сорокин, 2008, с. 19-21).

Относительно самого содержания своего труда Сорокин отмечает: «Начав свой анализ с элементов взаимодействия, с межиндивидуальных отношений, автор, идя от простого к сложному, логически приходит к понятию социальной группы и к межгрупповым отношениям. Избранная им дорога сама собой приводит его «ко второму этажу» аналитики – к исследованию межгрупповых взаимодействий, являющихся предметом изучения второго тома «Аналитики». Таким образом, второй том логически связывается с первым и служит его продолжением». (Сорокин, 2008, сс. 22-23).

Как это весьма очевидно, в своих научных построениях структуры и эволюции общества П.А. Сорокин пока опирается, в основном, на бихевиористскую научную парадигму. Это и неудивительно, учитывая вначале его учёбу в Психоневрологическом институте, а

затем и тесное сотрудничество в 1918-1922 гг. с физиологами, в том числе И.П. Павловым и В.М.Бехтеревым.

Б. Джонстон замечает: «Сорокин не избежал влияния российских бихевиористов, в особенности работавшего в Психоневрологическом институте Владимира Бехтерева, а также трудившегося как в том же Институте, так и в Санкт-Петербургском университете Ивана Павлова. Оба этих великих ученых были коллегами и соперниками по поводу концепции условного или ассоциативного рефлекса. Что касается Сорокина, то он считал, что они оба были на верном пути к чему-то фундаментальному в человеческом поведении. В самом деле, их идеи были широким образом задействованы в его ранней работе под названием «Голод как фактор в общественной жизни». (Johnston, p.11).

Таким образом, с одной стороны, он продолжает рассматривать историческую реальность с бихевиористски-позитивистских позиций, с другой стороны, он осознаёт, что развитие обществ может проходить бесконечно более сложными путями. Тем не менее, начало плюралистическому пониманию структуры и эволюции социокультурной вселенной положено и учёный со свойственной ему прямоотой заявляет: «Пора бы перестать рассматривать сложные исторические процессы как уравнение с одним неизвестным. Конечно, такое упрощение делает чрезвычайно лёгкой работу анализа социальных явлений. Но не всякая простота – святая. Бывает и простота иная. Выражаясь точнее и мягче, – такое упрощение ошибочно и неверно»¹⁴⁸.

«Голод как фактор» (1922 г.)

В 1921-1922 гг. Россию охватывает достигший невиданных масштабов голод, который уносит несколько миллионов жизней. Реакция Сорокина мгновенна, в высшей степени духовна и с научной точки зрения фундаментальна. В течение 1921-1922 гг. он публикует ряд статей о голоде и войне¹⁴⁹, а в 1922 г. появляется монография «Голод как фактор». Книга представляет собой, говоря словами автора,

---

¹⁴⁸ Сорокин П.А. Система социологии / Питирим Александрович Сорокин: вступ. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с. С. 282. (Прим. авт.).

¹⁴⁹ См. например, Сорокин П.А. Голод и идеология общества / В кн. Сорокин, П.А. Голод как фактор. 2003. С. 483-590. (Прим. авт.).

анализ «социальной роли питания вообще и голода, в частности»¹⁵⁰.

Этот классический труд представляет собой одну из первых научных попыток исторического осмысления феномена голода. Монография основана как на личных впечатлениях и наблюдениях автора, так и на огромном фактическом материале из истории различных эпох и обществ. Ученый исследует влияние голода на организм отдельного человека, затем воздействие голода рассматривается в масштабе всего общества.

Таким образом, им предпринимается глубокое и чрезвычайно смелое философски-историческое осмысление феномена голода. Ученый приходит к ряду важных заключений, например, к выводу, что голод связан тесными узами с тремя остальными «монстрами»: войной, революцией, эпидемией.

Колоссальное бедствие побуждает Сорокина развернуть отдельную главу о феномене голода в «Социальной механике» в целый том. Затем, в свою очередь, последняя глава «Голода как фактора» тоже превращается в отдельный большой том – «Социологию революции», которая создаётся в 1923 г., когда Сорокин находится в Чехословакии.

Книга пишется учёным по итогам (разработанных в сотрудничестве с И.П. Павловым и В.М. Бехтеревым) исследований и наблюдений зимой 1921 г. в голодающих районах Саратовской и Самарской губерний. Вот как П.А. Сорокин описывает впечатления от увиденного в районах бедствия: «Зимой 1921 г. я отправился в районы бедствия Самарской и Саратовской губерний для научного изучения массового голода. Я почти сразу убедился, что не смогу осуществить это намерение. Никакие эксперименты не было возможности проводить, но я видел голод и знаю теперь, что это значит. То, что я узнал там, в этих страшных губерниях, превосходило любой научный опыт. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам в годы революции, не выдержала зрелища настоящего голода миллионов людей в моей опустошенной стране. И хотя я оказался неспособен проводить такое исследование в полном объеме, я многое приобрел просто как человек и еще больше укрепился во враждеб-

---

¹⁵⁰ Сорокин П.А Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию, и общественную жизнь. Вступительная статья, составление, комментарии, подготовка к печати В.В. Сапова и В.С. Сычевой. М.: Academia & LVS, 2003. XII, 684 с. библиогр., указ. имен. С. 3. (Прим. авт.).

ном отношении к тем, кто принес такие страдания людям». (Сорокин П.А., 1992. 162 с. – С. 138).

Монография содержит научный многоуровневый анализ феномена голода на колоссальной базе исторического материала. Особенно важными для целей анализа философско-исторических воззрений ученого представляется глава «Голод, социальные волнения, восстания и революции»¹⁵¹.

Реакция советских властей того времени на появление книги предсказуема. Практически весь тираж уничтожается цензурой сразу же после изгнания ученого из России в 1922 г.

«Социология революции»¹⁵² (1923 г.)

Учёный пишет книгу и издаёт её в Праге на русском языке в 1923 г., а в 1925 году переиздаёт её в США на английском. В книге представлена и на обширном историческом материале глубоко разработанная первая научная теория революции.

Книга состоит шести крупных очерков, в которых впервые на широком историческом материале проводится научный анализ структуры и эволюции революционного процесса: 1. Изменение поведения людей в эпохи революций. 2. Влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. 3. Изменение структуры социального агрегата в периоды революций. 4. Изменения социальных процессов в периоды революций. 5. Иллюзии революции. 6. Причины революций.

Поскольку П.А. Сорокин был свидетелем, участником и во многих отношениях жертвой революционных событий в России, пережитый опыт обогащает книгу его личными оценками и воспоминаниями. Неудивительно, что свои воззрения в отношении революционной теории он излагает во многих своих работах, например, в таких трудах, как «Общедоступный учебник по социологии», «Система социологии», «Страницы из русского дневника», «Социология революции», «Социальная и культурная динамика», «Общество, культура и личность», «Человек и общество в условиях бедствий» и др.

---

¹⁵¹ «Hunger, Riots, Insurrections, and Revolutions» / Sorokin, P. *Sociology of Revolution*.

¹⁵² Сорокин, П.А. *Социология революции* / Питирим Александрович Сорокин; вступ. Статья Ю.В. Яковца; предисловие И.Ф. Курова, И.И. Лукинова, Т.И. Дервянкина; подготовка текста, составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.

Книга опирается на обширный исторический фундамент. Б. Джонстон в этой связи отмечает: «Сорокин исследует влияние революционного процесса на многие сферы личной и общественной жизни. Он описывает изменения в шаблонах речи и письма, взаимоотношений в сферах частной собственности и наемного труда, сексуального поведения, а также администрации и субординации. По мере отказа общественных «тормозов», Сорокин исследует изменения в структуре и функциях находящихся под влиянием революции существенных организаций. В качестве примеров он использует в своем анализе факты из истории российской, французской, немецкой, английской, египетской и персидской революций». (Johnston, p. 34).

Внимательно проанализировав динамику революционного процесса, П.А. Сорокин приходит к выводу, что всякая революция проходит две-три основных стадии. Так, в изданном в 1924 г. автобиографическом эссе «Страницы из русского дневника» ученый отмечает, что первая стадия революции обычно очень кратковременна, отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ. Она лучезарна своим настроением, её правительство гуманистично и милостиво, а его политика мягка, нерешительна и часто бессильна. Но вот в людях начинает просыпаться «наихудший из зверей». Краткая увертюра подходит к концу и обычно на смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий всё на своем пути. Она безжалостно искореняет не только обветшалые, но и все ещё жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп. Революционное правительство на этой стадии безжалостно, тиранично и подчас кровожадно, а его политика преимущественно деструктивна, насильственна и террористична. Постепенно революция вступает в свою третью, конструктивную фазу, начинает создавать новый социальный и культурный порядок. В постреволюционном порядке обычно новые модели и образцы поведения тем самым гармонизируют со старыми, но не потерявшими жизненную силу образцами дореволюционной действительности. Первую фазу П.А. Сорокин называет фазой революционного подъё-

ма, вторую – революционной диктатурой, третью – реакцией¹⁵³.

Б. Джонстон суммирует для нас дальнейший ход анализа П.А. Сорокиным феномена революции: «Революция представляет собой одну из главных манифестаций гибели чувственного порядка, такая вая агония, по самой своей природе лишена креативности. Революции являются «наиболее эффективными в деструктивном отношении и они абсолютно непригодны для целей креативного созидания. Поскольку они построены на расколе и развиваются на путях террора, пытки, убийства и ненависти, они неспособны к созиданию основанного на доброте, справедливости, равенстве, уважении и любви нового порядка. В то время, как революции «зачастую замышляются идеалистами, все они совершаются убийцами, а пользу из них, в основном, извлекают подлецы». Сорокин заключает, что революция не представляет собой пути к созданию нового и лучшего порядка. Единственной надеждой на реконструкцию человека и общества являются про-социальные эмоции доброты, любви, а также бескорыстной помощи другим. Они представляют собой истинные ценности, которые должны быть воспоследованы общественными движениями с целью реконструкции человечества». (Johnston, p. 284).

«Циклические концепции социально-исторического процесса» (1927 г.)

В 1927 г. появляется на свет статья учёного «Циклические концепции социально-исторического процесса»¹⁵⁴. Ученый отмечает в ней, что общественная мысль второй половины XIX в. отмечена линейной концепцией социально-исторических перемен, а следовательно, большинство социологов, экономистов и философов истории занимались, в основном, формулированием «законов исторического развития» и открытием «исторических тенденций и трендов». В то же время, многие историко-социальные процессы выпадают из этой картины, демонстрируя явные тенденции к цикличности и колебанию.

П.А. Сорокин внимательно анализирует основные циклические концепции исторического процесса и заключает статью следующи-

---

¹⁵³ П.А. Сорокин делит революционный процесс на два основных этапа, иногда при этом выделяя третий. Эта схема затем и ложится в основу классической четырёхэтапной схемы К. Бринтона (прим. авт.).

¹⁵⁴ Статья была впервые помещена в 1927 г. в журнале «Social Forest» (сентябрь, с. 28-40), г. Балтимор, штат Мэриленд. (Прим. авт.)

ми выводами: «Существование постоянно повторяющихся идентичных циклов, будь то эволюция всего мира или история человечества, не доказано. Следовательно соответствующие теории были бы заблуждением. Существование определенных стабильных и вечных трендов в исторических и социальных переменных также не доказано. ...Из сказанного выше следует, что можно говорить лишь о временном и условном тренде (или тенденции), который, будучи трендом в течение сравнительно короткого периода времени, может уступить место противоположному тренду и таким образом может оказаться частью долгосрочного цикла».

Ученый также полагает, что «...изучение циклических и ритмических повторяемостей в социальных феноменах является в данный момент одной из наиболее важных задач социологии. Ее нужно двигать вперед всеми средствами, потому что она открывает многие возможности решения наиболее важных социологических проблем. Область повторяющихся феноменов дает возможность понять регулярности социальных процессов: где нет повторений, там нет возможности наблюдать регулярности и, следовательно, формулировать социологические законы или достоверные обобщения. Без таких обобщений самый *raison d'être* социологии как номографической науки исчезает. Во-вторых, эта сфера более доступна исследованию причинной зависимости и функциональной взаимозависимости различных социальных феноменов, чем сфера неповторяющихся процессов. В-третьих, повторяющиеся ритмические процессы, по-видимому, наиболее подходят для количественных исследований, что есть конечная цель любой обобщающей науки. Если на этом пути мы сможем получить хотя бы приблизительно верные обобщения, это не должно нас волновать. Мы все еще знаем так мало о «загадочном» мире социальных событий, что любое реальное приближенное знание имеет большую ценность. Если среди указанных выше есть некоторые теории, кажущиеся детскими, это не опровергает другие, которые охватывают сравнительно наиболее достоверные обобщения социальных наук. Изучая все возрастающее количество различных социальных феноменов, повторяющихся время от времени, мы приближаемся к решению проблем того, что в непрерывно меняющемся процессе истории относительно постоянно и что чисто локально, каков темп перемен в различных социальных процессах, какие отношения между двумя

или более феноменами случайны и какие действительно причинны. На этом пути социология может все больше и больше трансформироваться в ту реальную «Scienza Nuova» – «Новую Науку», о которой мечтал великий Вико и которую он пытался создать. Насколько я могу судить, социология и социальные науки последние несколько десятилетий двигались в этом направлении. Такое движение, на мой взгляд, следует приветствовать»¹⁵⁵.

«Социальная и культурная мобильность» (1927 г.)

В том же году видит свет том «Социальная и культурная мобильность»¹⁵⁶. Б. Джонстон замечает: «Опубликованная в 1927 г. Социальная мобильность представляет собой новаторское исследование исторической и современной динамики неравенства». (Johnston, p. 35).

Собственно говоря, основы теории социальной стратификации и социальной мобильности учёный закладывает ещё в своей классической монографии «Система социологии». Сам мыслитель отмечает в этой связи: «Намеченный в «Системе» синтез получает свое развитие в «Социальной мобильности», которая, по единодушному мнению специалистов, считается классическим для западной социологии трудом по проблемам стратификации и мобильности. Но книга особенно интересна благодаря теоретическому различию, проводимому между горизонтальной и вертикальной мобильностью, и глубокому анализу основных средств и каналов, при помощи которых индивидуумы могут достигнуть вертикальной мобильности» (Сорокин П.А., 1992. – 162 с.).

Б. Джонстон добавляет: «На более широком уровне в книге адресованы суть и формы социальной стратификации в различные исторические периоды; отношения между социальным статусом и психофизическими характеристиками; каналы и механизмы отбора социальной мобильности; а также социальные и психологические последствия мобильности и стабильности для индивидуумов и общественной жизни». (Джонстон, p. 36).

---

¹⁵⁵ Подобные идеи П.А. Сорокин позже выскажет и в своем предисловии к монографии Г. Кернс «Философии истории». См. G.E. Cairns (1962). *Philosophies of History*. New York: Philosophical Library. 496 p.

¹⁵⁶ Sorokin, P. (1959). *Social and Cultural Mobility*. London: Free Press. 645 p.

И далее, касательно глубины, широты охвата и точности методологического подхода: «Данные в Социальной мобильности замечательны. Они отражают исчерпывающий подбор литературы, соединенный с еще более долговременной задачей поиска соответствующей информации. В данных представлены как древние, так и современные цивилизации. С географической точки зрения, представлены многие из основных мировых регионов и стран. Дополнительно, неоднократно анализируется и обсуждается сравнительная информация по определенному предмету (например, касающаяся разводов). Работа представляет собой рог изобилия социальных данных». (Джонстон, с. 36).

«Современные социологические теории» (1928 г.)

В 1928 г. появляется монография учёного «Современные социологические теории»¹⁵⁷.

В ней автор подразделяет современные ему социологические учения на ряд классов, которые включают, например, механистическую, синтетическую, географическую, биологическую, биосоциальную, социологическую, психологическую и др. школы, а также их разновидности. Этот обзор основных типов социальных теорий конца XIX – начала XX столетий предпринят с целью установить, насколько они научно достоверны. Как и в своей более ранней работе «Система социологии», учёный приходит к выводу, что лишь комбинация методов, некий интегральный подход явится действенным способом как изучения, так и разрешения глобальных проблем человечества.

Б. Джонстон объясняет: «Следующая работа Сорокина, «Современные социологические теории», расширила далее горизонты американской социологии и представила его как силу, с которой следует считаться. Книга появилась благодаря его желанию иметь фундаментальный текст, в котором суммировались бы достижения в теории за период примерно в шестьдесят предыдущих лет. Такой работы не существовало, в то время как она была нужна для использования в его курсе для аспирантов. Он также понимал, что последние достижения в теории привели к изоляции как специали-

---

¹⁵⁷ Sorokin, P. Contemporary Sociological Theories: Through the First Quarter of the Twentieth Century. New York: Harper & Row, Publishers. 783 p.

стов, так и новичков. Криминологи, демографы и статистики редко располагали временем для чтения сотен источников, в которых рассматривались теоретические вопросы. Новичкам также приходилось иметь дело с более сложной проблемой различения между существующими теориями и сортировки серьезных теорий от подделок. Если эти проблемы не будут разрешены, студенты и исследователи будут напрасно тратить ценное время как на исследование теоретических тупиков, так и на изобретение колеса. Таким образом, тщательно проделанный критический анализ современной теории сослужил бы «реальную службу для научной социологии». Книга концентрировалась на школах социологической теории. Школа представляет собой систему социологических идей с общим определением реальности, которая подчеркивает одни и те же переменные при объяснении общественных феноменов. Школа может включать ряд перспектив, в которых существует общий набор основных предположений. Используя эти критерии, Сорокин определил девять основных школ и проанализировал определившие каждую из них основные работы. Важные обобщения и принципы школ были критически оценены в том плане, насколько полно они истолковывали факты, которые они имели целью объяснить. Таким образом Сорокин представлял возможность читателям судить об обоснованности каждой теории. (Johnston, p. 37-38).

Известный американский социолог Р. К. Мертон подчеркивает: «Фактом является, и это широко признано американскими социологами, что ни одна другая книга не превосходит по всем своим параметрам труда Сорокина... В свет вышло полдюжины или более историй социальной мысли после авторитетного сорокинского тома. Однако за охваченный сорокинским трудом период ни одна из них не содержит подобного количества поразительно всеохватывающих деталей о трудах социологов и социальных мыслителей»¹⁵⁸.

**«Основы социологии города и села» (1929 г.)
и «Хрестоматия по социологии села» (1930-1932 гг.)**

Аграрной тематикой П.А. Сорокин занимался еще в начале 20-х годов в Праге, где он опубликовал ряд статей по сельскохо-

---

¹⁵⁸ Robert Merton, R.K. Contemporary Sociological Theories: Through the First Quarter of the Twentieth Century. New York: Harper & Row, Publishers. 756 p. (Прим. авт.)

зяйственной тематике, а также монографию «Идеология аграризма»¹⁵⁹. Хотя тематика крестьянства впоследствии не стала ведущей в научных исследованиях Сорокина, его работы в области аграрной социологии сыграли ключевое значение для развития этого направления в США. Между 1929-м и 1932 гг. выходят в свет фундаментальные работы ученого в этой области¹⁶⁰.

Так, например, учебник «Основы социологии города и села» (*Principles of Rural-Urban Sociology*) и трехтомное издание «Хрестоматии по социологии села» (*A Systematic Source Book in Rural Sociology*) стали первыми фундаментальными работами в области теории аграрной социологии и до сих пор сохраняют свое значение. В разработке теории аграрной социологии принципиальное значение имело знакомство и сотрудничество Питирима Сорокина с социологом Университета Миннесоты К. Циммерманом, в соавторстве с которым были подготовлены эти работы.

Б. Джонстон замечает: «Книга предназначалась быть полным компендиумом теоретических и практических исследований по сельской социологии. Сложный комплекс введений в главы, интерстициональных материалов и выдержек из более чем 150 источников представляют собою средства, объединяющие все материалы вместе. Рассмотрение начинается с теоретического обзора о сельской жизни с древних времен по девятнадцатое столетие. Вторая часть обращена на сельскую общественную структуру, в особенности на распределение собственности, социальную мобильность и стратификацию населения.

Глобальные по своему характеру источники и данные представляют собой фундамент для не ограниченных узкими коридорами пространства и времени обобщений. Организованный по схожим

---

¹⁵⁹ Сорокин, П.А. Идеология аграризма / П.А. Сорокин. – Прага, Хутор, 1924. – 35 с. (Прим. авт.)

¹⁶⁰ Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. (1929). *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt and Company. 652 p. (Прим. авт.)

Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. Galpin, C.J. Ed-s. (1965). *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Vol. I. New York: Russell & Russell. 645 p. (Прим. авт.)

Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. Galpin, C.J. Ed-s. (1965). *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Vol. II. New York: Russell & Russell. 677 p. (Прим. авт.)

Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. Galpin, C.J. Ed-s. (1932). *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Vol. III. Minneapolis New York: The University of Minnesota Press. 752 p. (Прим. авт.)

принципам второй том представляет собой институциональный анализ сельской жизни. Семейная тематика находится в фокусе анализа, однако обсуждение включает также такие темы, как экономика, образование, преступность, мораль и девиация, религия, искусство и политика. Третий том охватывает физические, демографические и психосоциальные характеристики сельских популяций. Завершающая часть имеет дело с динамикой взаимоотношений города и деревни. Для интеграции материалов в этом томе используются почти шестьдесят источников». (Johnston, p. 44).

Объем исторического и фактического материала «Хрестоматии по социологии села» способен впечатлить любое воображение. Так, например, в первом томе П.А. Сорокин и его соавторы приводят 80 фрагментов, во втором томе – 153 и в третьем – 212 фрагментов из трудов как классиков Древнего Востока, Древнего Египта, Древней Индии, Древней Греции, Древнего Рима, арабского мира, средневековой Европы, европейских мыслителей эпохи Просвещения, так и мыслителей современности.

В предисловии к первому тому «Хрестоматии по социологии села» (*A Systematic Source Book in Rural Sociology*) Сорокин подчеркивает: «На протяжении всей своей истории человеческое общество – в своих истоках, формах, деятельности, процессах, росте, эволюции – находилось, в основном, в такой степени под давлением аграрных и сельскохозяйственных сил, что до настоящего времени социология как общественная наука фактически была социологией сельской жизни». (Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. Galpin, C.J. Ed-s. (1965). *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Vol. I. New York: Russell & Russell. 645 p. P. VII).

Соавторы приходят к фундаментальным выводам касательно психосоциального статуса фермеров, прямого (сельские жители) и косвенного (горожане) опыта жизни, инновационных и консервативных тенденций, особенностей сельской религиозной культуры и ее выражения, природы сельского радикализма и др. Помимо этого, эти труды имеют фундаментальное значение для развития философско-исторической мысли. Б. Джонстон отмечает в этой связи: «Эти две работы заложили фундамент программы по сельской социологии в Миннесоте. Однако эта программа была лишь частью более широкой традиции основанной Сорокиным и Циммерманом научной школы. «Социологическая школа Сорокина-Циммермана» выдвигает

гала на первый план изучение социальных изменений в качестве фундаментальной основы. Их подход отличался от такового у социальных эволюционистов в том, что он не признавал для изменений каких бы то ни было шаблонов или конечных целей. В то время как они не игнорировали социальную структуру, ей не предоставлялся тот приоритет, который ей позже предписали структурные функционалисты. Знание структуры было важным лишь в качестве средства для понимания изменений. Их подход подчеркивал также происхождение социологической мысли, уходившей своими корнями в великие европейские традиции девятнадцатого и начала двадцатого столетий. Используя Современные социологические теории в качестве точки отсчета, они подчеркивали преемственность западной общественной мысли. Третьим основным элементом их подхода был метод и его применение. Социология должна быть как научной, так и продуктивной. В то время, как ценностная нейтральность была существенной для логических суждений, она представляла собой фикцию в отношении применения знания. Целью социологии было «познать человечество и руководствоваться данными заключениями». (Johnston, p. 44).

§ 2.5. Интегралистский период (1937 г.-1940-е гг.)

Четвёртый, интегралистский, этап (1937-1940-е гг.) характеризуется кардинальным пересмотром взглядов учёного. П.А. Сорокин начинает рассматривать основные формы познания реальности, а также эволюцию общества, культуры и личности в неразрывной связи. Итогом становится создание интегральной системы философии.

Б. Джонстон суммирует для нас анализ системы интегрализма: «Философия истории Сорокина, его теории социального порядка и социальных изменений, а также его онтология и эпистемология объединяются в его Интегрализме. ...Как философия, Интегрализм обогащает материалистические и идеалистические философии, присовокупляя к миру материи и разума третий элемент духа.

Сорокинская онтология истолковывает конечную реальность мира в качестве творческого, изменяющегося синтеза этих элементов. Соответственно, и познание, и истина трехмерны. Мы познаем материю посредством чувств, мы выводим рациональные аспекты истины посредством рассудка и разума и мы воспринимаем сверхрациональное посредством интуиции и духа. Каждая их них

является мощной формой познания; когда они объединены, данные элементы предоставляют еще более могущественный и всесторонний инструмент познания мира. Для Сорокина люди представляют собой интегральные создания, в коих совокуплены тело, разум и душа. Те социокультурные реалии, которые они создают и наследуют, являются производными их природы и лучше познаются, когда экзамену и анализу подвергаются все аспекты их существования. Соответственно, Интегрализм представляет собой онтологическую, эпистемологическую и социологическую доктрину для познания динамики нашего существования. (Johnston, p. 240).

Период 30-50-х годов представляет собою вершину научного творчества Сорокина. Всемирную известность ему приносит четырехтомная монография «Социальная и культурная динамика» (1937-1941). В рамках той же, интегралистской парадигмы, он пишет и своё классическое системное исследование «Общество, культура и личность» (1947).

Опираясь на это видение исторического процесса и данные проведённых под его руководством обширных научных исследований, учёный формулирует основные положения своей философии истории. Согласно этим положениям, происходит перманентная флуктуация (колебание от средних параметров) как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, как их конкретных сфер: типы политики, экономики, идеологии не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии, а непрерывно «колеблются» между полюсами «тоталитарных» и «свободных обществ». Исходя из этого положения, социолог прогнозирует, что с переходом от «чувственной» культуры к новому интегральному периоду развития, возможно, произойдет преодоление нынешнего кризисного состояния, при котором невиданный расцвет науки, технологий, образованности сочетается парадоксальным образом с войнами и революциями, межчеловеческими раздорами и обесцениванием человеческой жизни.

Свою интегральную философскую парадигму учёный разрабатывает в ряде фундаментальных работ¹⁶¹.

---

¹⁶¹ См., напр., «Интегрализм – моя философия»; «Ответ моим критикам» пер. Алапыкин-Извеков, В.Н. (Прим. авт.)

§ 2.5.1. Работы интегралистского периода

«Социальная и культурная динамика»¹⁶² (1937-1941 гг)

Как мы уже знаем, в ранние годы своей научной карьеры П.А. Сорокин исповедует позитивистский подход к социокультурному динамизму истории, пока разрушительные катаклизмы первой мировой войны (1914-1918), российской революции (1917) и гражданской войны (1917-1923) не изменяют радикальным образом его мировоззрение. Результаты 10-летних усилий учёного объяснить динамику социокультурных процессов ныне известны как четырёхтомный труд «Социальная и культурная динамика». В 1937-1941 гг. «opus magnum»¹⁶³ учёного выходит в свет. В нём П.А. Сорокин представляет свою фундаментальную философско-историческую концепцию структуры и эволюции социокультурной вселенной.

Монография разделена на девять частей, посвящённых следующим крупным темам: 1. Введение. 2. Флуктуация идеациональной, идеалистической и чувственной форм искусства. 3. Флуктуация идеациональных и чувственной форм искусства. 4. Флуктуация идеациональных и чувственных форм нравственно-правового сознания. 5. Типы и флуктуация систем социальных отношений. 6. Флуктуация войн в системе межгрупповых отношений. 7. Флуктуация внутренних беспорядков в системе межгрупповых отношений. 8. Культура, личность и поведение. 9. «Почему» и «как» социокультурного изменения.

Учёный пристально анализирует свой опыт во введении к этому монументальному труду: «Данная работа явилась результатом моих усилий понять хотя бы часть того, что происходило в социальном и культурном мире вокруг меня. Я не стыжусь признать, что мировая война¹⁶⁴ и большая часть того, что произошло после неё было ужасающим для того, кто, в согласии с превалирующими течениями социальной мысли начала двадцатого столетия, верил в прогресс,

¹⁶² Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вступ. Статья и комментарии В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с.: ил., 24 с. ил. — (Социальная жизнь России). (Прим. авт.)

¹⁶³ «Opus magnum» — (лат. великая работа). Значительное литературное, музыкальное, изобразительное, научное и любое другое творческое произведение. (Прим. авт.)

¹⁶⁴ Имеется в виду первая мировая война. (Прим. авт.)

революцию, социализм, демократию, научный позитивизм и многие другие «измы» того же сорта. К счастью или к несчастью, я сражался за эти ценности, за что тяжело поплатился. Я ожидал прогресс мира, а не войны; бескровную реконструкцию общества, а не кровавые революции; гуманность в благородном обличии, а не массовые убийства, всё более совершенная форма демократии, а не автократические диктатуры; прогресс науки, а не пропаганду и авторитарные тирады вместо правды; всестороннее развитие человека, а не впадение в варварство. Война была первым ударом по этим концепциям. Мрачные реалии российской революции явились вторым. Если бы кто-либо серьёзно предсказал в 1913 году даже небольшую долю того, что с тех пор произошло в действительности, он был бы объявлен сумасшедшим. И, тем не менее, то, что тогда казалось абсолютно невозможным, произошло в действительности». (Sorokin, 1937, с. IX).

Сорокин продолжает свою мысль относительно эволюции концепции: «Всё это, естественно, привело к постоянной постановке вопросов. Каковы были причины, поводы и смысл этих неожиданностей? Изученные мною ведущие принципы социальной науки не слишком помогли в моих умственных усилиях. Безмолвно, искренне, только для себя, я начал размышлять, исследовать и искать ответ. Это личный поиск продолжался ряд лет. В течение долгого времени я нащупывал свой путь во тьме. Я выдвигал и находил неадекватными различные гипотезы. После многих проб и ошибок вырисовалась центральная идея данной работы. Шаг за шагом она развалась и выкристаллизовалась. После предварительных проб на истинность, я предпринял её систематическую разработку... Результатом является данный комплект томов»¹⁶⁵. (Sorokin, 1937, с. IX).

Работая над своим монументальным трудом, учёный обнаруживает, что «неизведанная территория» куда его привёл поиск «истины в последней инстанции» является «игровой площадкой» других титанов мысли и, желая того или нет, находит себя в обществе выдающихся философов истории. Он размышляет о научной области, в которую он «возделывает»: «Из всех полу-исторических дисциплин, которые она напоминает, она ближе всего к тому, что часто называют философией истории. Поскольку почти все великие социологи-

---

¹⁶⁵ Sorokin P. Social and Cultural Dynamics: Fluctuation of Forms of Art (Painting, Sculpture, Architecture, Music, Literature, and Criticism). American Book Company. New York: 1937. P. X. (Прим. авт.)

ческие системы являются частью философии истории и поскольку большинство великих философий истории представляют собой что-то вроде социологии культурных перемен, у меня не было никаких возражений по поводу использования данного названия теми, кто заинтересован в определении данной работы»¹⁶⁶.

Осознав, что его собственная «философия истории» представляет собой всего лишь одну из макротеорий, которые пытаются объяснить эволюцию «социокультурного мира» с различных перспектив и точек зрения, П.А. Сорокин никогда не устаёт анализировать научные и творческие достижения своих предшественников, а также предпринимать попытки увязать свои концепции с другими теориями великих социокультурных явлений и систем. Одними из самых влиятельных, а также сравнимых по масштабу с сорокинскими, работами в области философии истории в то время были труды по происхождению и эволюции цивилизаций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби.

Поначалу П.А. Сорокин находит их концепции цивилизации неопределёнными, несистемными, а, следовательно, «ненаучными». Например, цивилизация как предмет исследования отсутствует в индексе «Динамики», а читатель отсылается к «культуре»¹⁶⁷. Вместо цивилизации учёный предлагает концепцию «культурной суперсистемы», теорию которой он блестяще и глубоко разрабатывает. М. Причард напоминает нам основные положения данной теории в своём Предисловии к «Динамике».

«Данные Сорокина относительно греко-римской и западной цивилизаций демонстрируют конфигурацию колебания между тем что он называет «чувственными» и «идеальными» системами ценностей. В период «чувственного» периода все аспекты жизни доминируются материалистическим мировоззрением и, особенно во время «активной чувственной» фазы, процветают экономические и научные виды деятельности. В период «пассивной» фазы превалируют гедонистические ценности, а в последней, «циничной» стадии «сенсуальная» ментальность отрицает всё, даже самоё себя. Иде-

---

¹⁶⁶ Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Volume I. 1937. p. IX.

¹⁶⁷ Sorokin P. Social and Cultural Dynamics: Fluctuation of Forms of Art (Painting, Sculpture, Architecture, Music, Literature, and Criticism). American Book Company. New York: 1937. P. 713. (Прим. авт.)

альные периоды, напротив, духовно ориентированы и социальные отношения являются скорее семейственными, чем контрактными. Идеальные периоды прогрессируют от «аскетичных» к «активным» (экспансионистским) менталитетам, однако, в конечном итоге, деградируют в «фидеизм» (отчаянное желание верить).

Когда цивилизация сменяет одну из данных «суперсистем» на другую, она проходит через штормовой транзитный период, обозначенный подъёмом в интенсивности и масштабах войн и революций, а также общей социальной дезорганизацией (с возрастанием коэффициента криминальности и психических заболеваний, проблемами в семейных отношениях и т.д.) «Закон поляризации» Сорокина гласит, что хотя в такие периоды возрастает насильственное и эгоистическое поведение, тем не менее, существует уравнивающий рост альтруистического поведения (любовь, самопожертвование и взаимопомощь). В то же время, в данные периоды всё более принудительными становятся формы властного управления. Иногда, впрочем, возникает гармоническое сочетание наилучших элементов обеих суперсистем; слияние веры, разума и эмпиризма. Хотя такие «идеалистические» периоды, видимо, короче по времени по сравнению с двумя другими суперсистемами, однако, в любом случае, временная протяжённость переменна для всех трёх. История повторяется не в деталях (как у Ницше), а только лишь в общих контурах.

Что же, однако, служит причиной данных сдвигов? С целями объяснения перемен Сорокин привлекает два принципа. Первым является принцип «имманентного детерминизма»; социокультурная система, подобно биологической системе, развивается согласно присущим ей потенциальным возможностям. Внешние факторы могут лишь ускорить либо замедлить развитие системы, однако они не могут изменить природу самой системы... Вторым является «принцип лимитов», который гласит, что число основных культурных форм является небольшим и что бесконечное продолжение развития в одном направлении невозможно. И чувственный, и идеальный принципы являются односторонними и неполными; чем более исключительным и доминантным становится принцип, тем более возрастают его ограничения. В конце концов он истощает свой творческий потенциал и начинает ослабевать, позволяя противоположному дополняющему принципу в очередной раз взять верх. (Sorokin, 1991, с. VIII-XI).

Таково, согласно ученому, есть решение проблемы «философии истории», которая, согласно мнению учёного, является величественной, даже если временами ужасающей, процессией гигантских «культурных суперсистем», без конца сменяющих одна другую в процессе социокультурной эволюции¹⁶⁸.

Благодаря системному анализу, ученый открывает также ряд других фундаментальных социокультурных закономерностей. Так, Б. Джонстон, например, комментирует: «Подвергнуты анализу также закономерности, присущие таким феноменам как война, революция, криминальность, насилие и правовые системы. Таковые, однако, изучаются, в основном, как феномены переходных периодов. Сорокин воздержался от искушения ассоциировать войны и революции только лишь с чувственным, либо, напротив, только лишь с идеациональной культурой. Вместо этого его анализ демонстрирует, что революции являются результатом потери совместимости между базовыми ценностями в данной культуре. Чем лучше интегрирована культура, тем выше вероятность мира. По мере того, как понижается уровень интеграции, возрастает уровень волнений, насилия и криминальности. Похожим образом, война демонстрирует разлом кристаллизовавшихся социальных отношений между нациями. В своем анализе 967 конфликтов, Сорокин показывает, что войны учащались в переходные периоды. Эти перемены зачастую делают системы ценностей вовлеченных обществ несовместимыми. Войны представляют собой результат дезинтеграции данных интеркультурных взаимоотношений». (Johnston, pp. 110-111).

И, самое важное, «то, что началось как двух-с-половиной-тысячелетнее исследование социальной структуры и социальных изменений превратилось в теорию социального действия и реформы. Разработанные в Динамике идеи кульминировали в социологии альтруистического действия, целью коего явилась реконструкция общества. (Johnston, p. 128).

Четырехтомный труд вызывает поток как положительных, так и критических отзывов. К. Бринтон,¹⁶⁹ например, не без иронии заме-

---

¹⁶⁸ В своих работах мы подробно анализируем подход П.А. Сорокина, а также иллюстрируем его определённым числом концептуальных моделей. (Alalykin-Izvekov: 2009). (Прим. авт.)

¹⁶⁹ Крейн Бринтон (1898-1968 гг.) американский историк, профессор Гарвардского университета. Критический анализ «Динамики» не помешал К. Бринтону, по сути, «позаимствовать» у П.А. Сорокина его концепцию стадильности революционного процесса. См. Brinton, C. (1965). *The Anatomy of Revolution*. New York: Vintage Books. (Прим. авт.)

чает, что «идеациональная и чувственная таксономия находилась в числе самых простых теорий, использовавшихся в исследованиях по философии истории. Однако это был таран, которым Сорокин воспользовался для того, чтобы выломать открытые двери линейной эволюции, искусства, истории, науки, теологии и философии. (Johnston, p. 123). Р. Парк, тем не менее, считает, «что Социальная и культурная динамика представляет собой выдающееся интеллектуальное достижение, магнум опус в именно том смысле, в котором таковыми являются Социология Спенсера, Закат Запада Шпенглера и Капитал Маркса». (Johnston, p. 118).

«Бюджеты времени человеческого поведения» (1939 г.)

В 1939 г. публикуется книга П.А. Сорокина и К. Бергера «Бюджеты времени человеческого поведения».¹⁷⁰

Джонстон отмечает: «Концентрация внимания в книге, которая основывалась на диссертации Бергера, была на том, как люди проводят время, на соответствующих мотивах, а также на само-предугадывании моделей будущего поведения. (Johnston, p. 129).

Книга, которая также является частью возглавляемого К. Циммерманом широкого исследования явления безработицы в США того периода, не подвергается широкому рецензированию либо обсуждению (Johnston, p. 129; 130). Это, однако, не мешает ей содержать ценные сведения. Так, «наблюдаемая религиозная апатия служила подтверждением утверждения Сорокина о том, что общество двинулось в направлении описанной в Динамике Цинической Чувственной стадии». (Johnston, p. 129).

«Социокультурная причинность, пространство, время» (1943 г.)

В 1943 г. издается фундаментальное исследование ученого под названием «Социокультурная причинность, пространство, время: исследование реферативных принципов социологии и общественных наук»¹⁷¹.

---

¹⁷⁰ Sorokin, P.A., Berger, C.Q. (1939). Time-budgets of human behavior. Harvard University Press. 204 p.

¹⁷¹ Sorokin, P.A. (1964). Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science. New York: Russell & Russell, Inc. 246 p.

Б. Джонстон объясняет: «Следующая книга Сорокина вернула нас к теоретическим проблемам. В четвертом томе Динамики он признал, что его теория культуры была неполной и пообещал представить более всеобъемлющую парадигму в работе «Социокультурная причинность, пространство, время». Сорокин считал, что для теоретического роста и освобождения общественных дисциплин от имитации естественных наук необходимы новые концепции. Хотя причинность, пространство и время одинаково важны для тех и для других, для общественных наук они могут быть другими. (Johnston, p. 169).

Социология и другие общественные науки должны перестать имитировать естественные науки. Недаром первая глава носит название «Декларация независимости социологии и других социальных наук от естественных наук». Важными референционными принципами естественных наук являются причинность, пространство и время. Для использования в общественных науках они должны быть трансформированы в соответствующие, однако в значительной степени отличающиеся от первых социокультурные причинность, пространство и время. В то же самое время они не должны использоваться без учета разницы между системами и скоплениями, а также трехуровневой структуры социокультурных феноменов. (Johnston, p. 169).

Книга состоит из пяти глав. Первая глава носит название «Декларация независимости социологии и общественных наук от естественных наук». Вторая глава имеет название «Социокультурная причинность». Третья глава называется «Социокультурное пространство». Четвертая глава называется «Социокультурное время». И, наконец, пятая глава называется «Фундаментальные принципы интегральной социологии» Эта завершающая глава одновременно служит кратким заключением изложенных в книге положений и кратким суммированием интегральной философии Сорокина.

Ученый убежденно заключает: «Простое механическое заимствование и перенос принципов из естественных наук не может служить цели научного исследования социокультурных феноменов; будучи буквально перенесены из одной области в другую, они являются неадекватными... (p. 236). Для того, чтобы быть истинно научным, такое исследование должно подчиняться канонам интегральной школы». (p. 237).

«Общество, культура и личность» (1947 г.)

В 1947 г. в свет выходит монография «Общество, культура и личность: их структура и динамика; система общей социологии» (1947)¹⁷².

Эта энциклопедического формата работа основана на текстах лекций ученого в стенах Гарвардского университета. Перед читателем – своего рода обобщающий труд, включающий в себя практически все компоненты той системы социологии, над которой ученый работал на протяжении всей своей долгой и уникальной научной карьеры.

Книга состоит из семи крупных частей, которые, в свою очередь, подразделяются на 48 глав. Первая часть носит название «Социология: ее объект, метод и развитие». Часть вторая имеет название «Структурная социология». Часть третья называется «Структура социальной вселенной».

Четвертая часть называется «Социальная дифференциация и стратификация».

Пятая часть имеет заглавие «Структуры культурных и личностных аспектов сверхорганической вселенной». Часть шестая была названа ученым «Динамика повторяющихся социальных процессов». И, наконец, седьмая часть имеет название «Динамика культурных процессов». В седьмую часть книги входит также глава 48 под названием «Динамика (развития) личности».

Б. Джонстон объясняет: «Сорокин делает свой следующий теоретический шаг в работе «Общество, культура и личность: система общей социологии». Большая часть тома представляет собой интеграцию ранних работ. Анализ феноменов общества и культуры, в основном, опирается на Динамику, в то время как результирующие обобщения указывают на проблемы, описанные в Кризисе нашего времени. «Новизна» проявляется в посвященных личности секциях, в которых Сорокин приводит все в систему и сосредоточивает внимание на социальной организации, а также на эволюции личности. (Johnston, p. 170).

На базе этого обширного материала ученый и строит свою научную программу глобального переустройства общества и человека.

---

¹⁷² Sorokin, P.A. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology. New York & London: Harper & Brothers Publishers. 742 p.

§ 2.6. Провидческий период (первая половина 1940-х гг.)

Б. Джонстон констатирует: «Это был весьма важный период в карьере Сорокина и в социологической жизни Гарварда. Он также предоставляет редкий инсайт в динамику институциональной жизни, научной работы и развития академической дисциплины. Преданность Сорокина гуманистической традиции провидческой социологии прошла стадию кристаллизации в его работах 1940-45 гг. (Johnston, 158).

Более того, работы этого периода подготавливают фундамент для строительства здания новой науки – амитологии. Джонстон свидетельствует:

«С 1942 по 1948 гг. его усилия были распределены между исследованием реализовавшегося в виде второй мировой войны современного кризиса и продолжением развития его системной социологической теории. Тем не менее, Бедствия и его работы о войне 1938 and 1944 гг. подготовили почву для нарождающихся исследований альтруизма». (Johnston, 166-167).

Под работами о войне имеются в виду статьи «Забытый фактор войны»¹⁷³ (1938 г.) и «Условия и перспективы мира бнз войны»¹⁷⁴ (1944 г.). Ученый тщательно анализирует в них феномен войны и приходит к выводу, что достичь прочного мира способны лишь общества с хорошо интегрированной системой ценностей через посредство альтруизации всего человечества. В этих, так же как и в более крупной работе того же периода, «Man and Society in Calamity», «Сорокин поддерживал принятие солидарной системы ценностей для целей стабилизации и интеграции современной глобальной системы. Они представляли собой наилучший шанс человечества на мирное сосуществование. (Johnston, p. 167).

---

¹⁷³ Pitirim A. Sorokin, «A Neglected Factor of War», *American Sociological Review* 3, no. 4 (August 1938): 475-486.

¹⁷⁴ Pitirim A. Sorokin, «The Conditions and Prospects of a World Without War», *American Journal of Sociology* 49 (March 1944): 441-449.

§ 2.6.1. Работы провидческого периода

«Кризис нашего времени» (1941 г.)

В 1941 г. выходит в свет книга «Кризис нашего времени»¹⁷⁵. Б. Джонстон замечает: «В конце 1941 г. вышли из печати как Кризис, так и четвертый том Динамики. Кризис представлял собой переходный труд в двух смыслах. Во-первых, он являлся глубинным анализом переходной фазы нисходящей чувственной культуры. Во-вторых, он в значительной мере знаменует продолжающийся переход Сорокина к провидческой социологии. Кризис уходил своими корнями в последний том Динамики». (Johnston, p. 143).

И в самом деле, книга представляет собой краткий систематический анализ сути, причин и последствий кризиса современного западного общества. Ученый утверждает, что вся современная западная культура проходит через кризисный период перехода от материалистического миропорядка к нарождающемуся идеациональному либо идеалистическому миропорядку. Это включает все существенные культурные системы – политику, искусство, науку, философию, религию, моральные нормы, юриспруденцию, а также все формы мысли и жизни. От результатов этой глобальной борьбы, говорит Сорокин, зависит выживание и прогресс человечества. В процессе анализа ученый использует данные и результаты из «Динамики».

Монография состоит из девяти глав. Первая глава анализирует различные предыдущие попытки диагноза современного кризиса. Вторая глава посвящена рассмотрению кризиса сферы искусств. В третьей главе рассматривается кризис различных «систем познания истины», например, науки, философии и религии. Четвертая глава посвящена анализу кризиса в сферах этики и юриспруденции. Пятая глава рассматривает кризис «контрактных форм» семьи, правления, экономической организации, свободы и международных отношений. Шестая глава посвящена анализу таких кризисных феноменов и процессов, как криминальность, война, революция, самоубийство, умственные расстройства и обнищание. Седьмая глава носит название «Трагический дуализм, хаотический синкретизм, количествен-

---

¹⁷⁵ Sorokin, P. A. (1941). *The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook*. New York: Dutton. 338 p.

ный коллоссализм и снижающаяся креативность современной чувственной культуры». Восьмая глава анализирует современную фазу американской культуры. И, наконец, девятая глава посвящения дезинтеграции чувственной культуры, истокам кризиса и путям выхода из него. Таким образом, все основные положения «Динамики» суммированы в этой краткой версии сорокинской теории эволюции социокультурной вселенной.

По словам автора, «в согласии с прогнозом Кризиса, центральный процесс в течение нескольких последних десятилетий заключается в: а) прогрессивном разложении чувственной культуры, общества и личности; и б) в зарождении и медленном росте первых компонентов нового – идеационального либо идеалистического социокультурного миропорядка». (Sorokin, 1941, с. 1).

«Человек и общество в условиях бедствий» (1942 г.)

В самый разгар второй мировой войны, в 1942 году, П.А. Сорокин публикует труд «Человек и общество в условиях бедствий»¹⁷⁶. Книга состоит из пяти частей, которые, в свою очередь, поделены на восемнадцать глав. В первой части рассматривается влияние бедствий на умственные способности. Часть вторая анализирует «влияние бедствий на поведение и на жизненно важные процессы». Часть третья рассматривает влияние бедствий на социальную мобильность и социальную организацию. Четвертая часть озаглавлена «Влияние бедствий на социокультурную жизнь». В завершающей части ученый анализирует причины бедствий и средства защиты от них.

В предисловии к этой монографии он пишет: «Из многочисленных и разнообразных бедствий, которые обрушиваются на род человеческий, четыре бедствия, вероятно, случаются чаще всего и являются самыми разрушительными и страшными и, вместе с тем, наиболее поучительными и значительными, а именно – война и революция, голод и эпидемия. Эти четыре монстра и являются предметом настоящего исследования в аспекте их воздействия на наши мысли и поведение, на нашу социальную организацию и культурную жизнь.

---

¹⁷⁶ Сорокин, П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова, отв. ред. И.А. Федоров. – СПб.: Изд. Дом «Миръ», 2012. – 336 с. (Сорокин П.А. Собрание сочинений). (Прим. авт.)

Обратившись к этой задаче, начнем с изучения их влияния на наши основные умственные процессы, а затем перейдем к их воздействиям на наше поведение, социальную организацию и культуру».

Как мы помним, схожий подход к решению проблемы использует учёный и в своей ранней книге, посвященной изучению голода: вначале он исследует влияние голода на организм отдельного человека, затем воздействие голода рассматривается в масштабе всего общества, и приходит к заключению, что голод связан тесными узлами с тремя остальными «монстрами»: войной, революцией, эпидемией. Да и тот фактический и исторический материал, на который Сорокин опирался, работая над своей книгой о голоде, в значительной мере используется и в монографии учёного о бедствиях.

И тем не менее, эти два крупных труда написаны с различных научно-методологических позиций: «Голод как фактор» – с позиции «умеренного бихевиоризма», которую занимает в начале 20-х гг. П.А. Сорокин, а книга «Человек и общество в условиях бедствий» принадлежит уже автору «Социальной и культурной динамики» (1937-1941 гг.).

Биограф ученого Б. Джонстон резюмирует выводы российско-американского социолога и правоведа Н.С. Тимашева об эволюции воззрений Сорокина на феномен революции и другие социокультурные бедствия: «Революции и войны представляют собой механизмы неупорядоченных изменений. Тимашев прослеживает мысли Сорокина об этих формах агрессии в таких его трудах, как Социология революции, Социальная и культурная динамика, Человек и общество в условиях бедствий, а также Общество, культура и личность. В своих более поздних работах Сорокин отвергает бихевиоризм и разрабатывает более социологически ориентированный подход к данным процессам. Революция представляет собой процесс относительно быстрых, экстенсивных и насильственных изменений в законах общества и тех ценностях, которые они представляют; это решительные перемены, которые вовлекают в себя значительную часть населения. Сорокин снова и снова анализирует данные из Динамики. В своей первой пост-бихевиористской интерпретации он утверждает, что революции являются частью жизненного процесса общества; иными словами, они появляются регулярно в истории нации. Это открытие получает свое дальнейшее развитие в работе Общество, культура и личность. Прослеженная в Динамике закономерность представляет собой последствие флуктуаций в интеграции ценностей. Чем более

интегрирована, совместима и стабильна система ценностей граждан, тем более вероятно согласие между ними. В том случае, когда интеграция идет на убыль, в особенности, если спад является быстрым и неожиданным, возрастает вероятность гражданской войны. Таким образом, истолкование Сорокиным революций эволюционирует от модели стимул-реакция к детерминации их исторических диффузий и корреляций и завершается моделью, основанной на изменяющихся конфигурациях социальной солидарности. Что касается войн, то Тимашев находит эти процессы схожими». (Johnston, p. 238).

Джонстон заключает: «научная ценность работы состоит в том, что это основанная на фактах, аналитически движимая теория катастрофических общественных изменений. (Johnston, p. 169). В ней Сорокин исследует как голод, эпидемия и война воздействуют на разум и ведут к регрессу социального поведения и социальной организации. Для восстановления гуманного порядка мы должны начать движение к Интегральной культуре, которая предписывает, чтобы Интегральное знание и Интегральные ценности были трансформированы в личные и коллективные действия. Стимулом для данной трансформации является альтруизм. (Johnston, p. 168).

«Россия и Соединённые Штаты» (1944 г.)

В 1944 г. издается монография «Россия и Соединённые Штаты»¹⁷⁷.

Книга состоит из одиннадцати глав. Первая глава носит название «Существенный урок российско-американских отношений». Глава вторая называется «Содействующие факторы: социокультурные сходства». Глава третья носит название «Американская и российская душа». Глава четвертая называется «Российские и американские общественные организации». Глава пятая озаглавлена «Русские религиозные и духовные организации». Глава шестая называется «Моральные стандарты обеих наций». Седьмая глава носит название «Творческий расцвет обеих наций». Восьмая глава называется «Взаимное влияние обеих наций на их социокультурную жизнь». Глава девятая носит название «Россия в пост-деструктивной фазе революции». Десятая глава носит название «Причина и факторы войн и

---

¹⁷⁷ Sorokin, P. (2007). *Russia and the United States*. New Brunswick & London: Transaction Publishers. 253 p.

мира». И, наконец, одиннадцатая глава называется «Условия и возможности долговременного мира в послевоенный период».

Наряду с глубоким и системным сравнительным анализом двух «локомотивов двухполярного мира», учёный закладывает основы новой общественнонаучной концепции – теории «конвергенции». Основываясь на циклических закономерностях социальных революций (о которых говорили, в частности, ещё А. Токвиль и И. Тэн), Сорокин высказывает предположение, что после упадка коммунизма настанет период роста новой, жизнеспособной России. Современная эпоха кризиса, считал Сорокин, закончится созданием новой идеальной культуры, а центр культурного лидерства на рубеже XX-XXI веков переместится в Россию.

В то время СССР и США являются союзниками во второй мировой войне. Но и позднее, уже в годы «холодной войны», в частности, в работах «Взаимная конвергенция Соединённых Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960) и «Главные тенденции нашего времени» (1964) П.А. Сорокин проводит мысль о том, что наблюдается постепенная конвергенция (схождение) черт, характеризующих советское и западное общества, СССР и США.

Эссе начинается со слов: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому («свободное предпринимательство») типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшие десятилетия. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа».¹⁷⁸

И далее: «Мировая война и ее последствия послужили толчком к написанию также и книги «Россия и Соединенные Штаты». В этой

---

¹⁷⁸ Russia and the United States. – 2-nd ed. – N.Y. 1944. – 253 p. – (Libr. of World Affairs; № 15). (Прим. авт.).

весьма интересной книге я выделил сходство и различия между людьми, социальными институтами и культурами двух наций, кратко проследил их дружественные взаимоотношения на протяжении всей истории Соединенных Штатов, кратко обрисовал взаимно дополняющий характер двух этих стран и показал отсутствие серьезных столкновений их жизненных интересов. Моей практической целью при создании книги было побудить обе страны и их лидеров продолжить взаимовыгодное сотрудничество и предостеречь об ужасных последствиях замены такого сотрудничества политикой конфронтации, «холодной» или «горячей» войной. Хотя книга привлекла к себе большое внимание и была опубликована также в Англии, Японии и Португалии, мои советы и предупреждения оказались в основном проигнорированы, и в первую очередь политиками и властной элитой обеих стран. Движимые своими узкогрупповыми интересами, которые едва ли осознаются, политики и элита развязали фатальный конфликт сразу же после заключения хрупкого перемирия. После начала этого, словно нарочно подстроенного нечистой силой конфликта самоубийственная политика обоих государств, а позднее обоих военных блоков становилась все более губительной, разрушительной и катастрофичной по своим последствиям, пока не поставила под вопрос само выживание всего человечества. Всеобщая гибель в огне угрожает теперь каждому из нас, и огонь этот может вспыхнуть в любой момент.

Во всей человеческой истории едва ли найдется другой столь же критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно элит, столь же отмеченный превращением человека в худшего из зверей исторический момент, как нынешний. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть своим телу, духу, культуре и прекрасной мечте. «Agnus Dei qui tollis peccata mundi miserere nobis!¹⁷⁹ Dona nobis pacem!»¹⁸⁰.

---

¹⁷⁹ «Agnus Dei qui tollis peccata mundi miserere nobis!» (лат.) – «Агнец Божий, берущий на себя грехи мира – прими молитву нашу». Цитата из «Gloria in Excelsis Deo» («Слава в вышних Богу») – древнего христианского богослужебного гимна. В принятом в православии и у греко-католиков византийском обряде «Gloria in Excelsis Deo» соответствует «Великому славословию». Агнец Божий – символическое наименование Иисуса Христа, восходящее к Новому завету. (Прим. авт.)

¹⁸⁰ «Dona Nobis Pacem» (лат.) «Даруй нам мир». Цитата из «Agnus Dei» («Агнец Божий») – мессы римского обряда. (Прим. авт.)

Учёный считает, что если удастся избежать новой мировой войны, то доминирующей формой общества будет не капитализм и не социализм, а некая интегральная форма, сочетающая в себе лучшее из обеих систем. Но в то же время она будет характеризоваться новым типом личности, новыми социальными институтами, новыми культурными ценностями, новыми социальными институтами, новыми культурными ценностями, не сводимыми ни к «капиталистическим», ни к «социалистическим». Для Запада конвергенция будет означать отказ от иллюзорных материальных ценностей чувственной фазы, ограничение власти денег. Для СССР конвергенция будет означать уважение прав человека и повышение материального уровня жизни масс. Постепенно и Запад, и Советский союз придут к смешанному типу экономики, отличающемуся и от экономики свободного предпринимательства, и от чисто государственной экономики.

Сорокинская доктрина конвергенции оказывает значительное влияние на различные теории развития человеческого общества (модели постиндустриального общества и др.). В этом вопросе П.А. Сорокин был солидарен с Дж. Гэлбрейтом, а в Советском Союзе в 1970-е годы идеи конвергенции разделяет А.Д. Сахаров. Во второй половине 1980-х гг. мысли о конвергенции высказывает и М.С. Горбачёв.

§ 2.7. Альтруистический период (вторая половина 40-х - 50-е гг.)

На пятом, «альтруистическом» этапе (вторая половина 40-х - 50-е гг.) мыслитель переходит от этапа констатации глобального кризиса к периоду непосредственной разработки способов решения проблем человечества. В 1947 году пятидесятивосьмилетний учёный выступает с программой «спасения человечества» на базе «альтруистической любви и поведения». На первый план в его творчестве выходят проблемы философии нравственности, альтруизма, этики. По инициативе учёного в феврале 1949 г. открывается Гарвардский исследовательский центр креативного альтруизма.

В этот период Сорокин пишет книгу за книгой: «Социальная философия в век кризиса» (1950), «Альтруистическая любовь» (1950), «Изыскания в области альтруистической любви и поведения» (1950), «Пути и власть любви» (1954), «Виды любви и ее сила» (1954), «Причуды и недостатки социологии и смежных наук» (1956),

«Американская сексуальная революция» (1957). «Власть и нравственность» (1959) и др.

Б. Джонстон комментирует: «Сумма работ, начиная с Реконструкции (1948 г.) и заканчивая Моралью (1959 г.), представляет собой программу социальной реконструкции, который, в то же время, содержит основные положения и операционализации нарождающейся дисциплины. Власть и мораль завершает контуры новой прикладной науки амитологии, начиная с преодоления эгоцентризма и завершая новой моралью братства народов». (Johnston, p. 202).

§ 2.7.1. Работы альтруистического периода

«Реконструкция человечества» (1948 г.)

В 1948 г. ученый публикует труд «Реконструкция человечества»¹⁸¹, который является своеобразной программой основанного П.А. Сорокиным в 1949 г. Гарвардского исследовательского центра творческого альтруизма. Б. Джонстон отмечает: «Следуя положениям из Реконструкции, целью Центра было открытие и разработка методологий, которые были ли бы способны поднять уровень альтруистической деятельности во всех сферах общества». (Johnston, p.181).

Книга состоит из шести частей. Часть первая носит название «Шарлатанские снадобья против войны и беспомощные планы установления мира». Часть вторая называется «Недостаточные факторы альтруизма». Часть третья носит название «Культурные факторы альтруизма и эгоизма». Часть четвертая имеет название «Социальные факторы альтруизма и эгоизма». Часть пятая называется «Личностные факторы творческого альтруизма». Часть шестая носит название «Пути реализации плана».

Ученый детально анализирует все аспекты проблемы «реконструкции человечества» и, как всегда, приходит к неортодоксальному и фундаментальному решению. В качестве такового он предлагает радикальное переустройство не отдельных аспектов, а всех трех составляющих социокультурного универсума.

Он пишет: «...если мы хотим ликвидировать войны и установить креативный альтруистический порядок, мы должны одновременно модифицировать нашу культуру, наши общественные организации,

---

¹⁸¹ Sorokin, P. (1948). The Reconstruction of Humanity. Boston: The Beacon Press.

а также личности наших граждан в альтруистическом направлении». (с. 95).

П.А. Сорокин уверен как в правильности своего диагноза, так и в действенности предлагаемых им решений: «Если данный план личной, общественной и культурной трансформации будет осуществлен, то международные конфликты и гражданские войны будут ликвидированы, межличностные и межгрупповые конфликты, в основном, аннулированы, огромный творческий потенциал реализован, и, наконец, наступит беспрецедентный ренессанс гуманных ценностей. Если же этот план будет подменен только лишь латанием рваных лохмотьев существующего общественного порядка, то неизбежно возникнут новые войны и другие катастрофы, а затем творческую карьеру человечества завершит беславное самоуничтожение». (Вступление, с. VII).

«СОС: значение нашего кризиса» (1951 г.)

В 1951 г. появляется книга П.А. Сорокина «СОС: значение нашего кризиса»¹⁸². Книга посвящена памяти друга П.А. Сорокина, русско-му и американскому дирижеру и композитору С.А. Кусевицкому¹⁸³.

Книга состоит из пяти частей. Часть первая называется просто «СОС» и представляет собой полную сарказма и горькой иронии воззвание в духе Эразма и Карлейля. Часть вторая носит название «Мольбы простых смертных к великим и бессмертным мира сего». Третья часть называется «Отпущение и новая жизнь». Четвертая часть называется «Закон поляризации в условиях безысходности и кризисов». И, наконец, часть пятая носит название «Тоталитаризм: его причины и флуктуации».

Б. Джонстон комментирует: «В начале С.О.С. Сорокин утверждает что характерные для нашего времени «убийственные тенденции» представляют собой результат алчной, жестокой и себялюбивой деятельности преследующей собственные интересы элиты. Используя приемы сильной гиперболизации и преувеличения, он представляет кризис как борьбу между добром и злом. Сорокин намеренно

---

¹⁸² Sorokin, P. (1970) S.O.S: The meaning of our crisis. Boston: The Beacon Press. 177 p.

¹⁸³ Сергей Александрович Кусевицкий (1874-1951 гг.) – русский и американский дирижёр и композитор. В 1924-1949 гг. руководил Бостонским симфоническим оркестром. (Прим. авт).

оставляет сухой язык научного описания «в пользу драматического, импрессионистически-экспрессионистического описания» в традициях таких произведений как Похвальное слово Глупости Эразма, Сартор Резартус Томаса Карлейля и Так говорил Заратустра Фридриха Ницше. ...Опираясь на положения Социологии революции, Сорокин утверждает, что общественные кризисы представляют собой эксплуатируемые элитой возможности для ужесточения своего контроля. (Johnston, p. 189-190).

«Пути и власть любви» (1954 г.)

В 1954 г. публикуется монография «Пути и власть любви». Излагаемую в работе доктрину «созидательного альтруизма» П.А. Сорокин рассматривает как важнейшее средство преодоления бездуховности современной цивилизации. Задачи выживания человечества, считает ученый, требуют альтруистического перевоспитания как правителей, так и общества.

Б. Джонстон комментирует: «В своей следующей книге Пути и власть любви Сорокин суммирует работу Центра за предыдущие шесть лет и предпринимает попытку систематизации ведущих к усовершенствованию и реконструкции человечества методик». (Johnston, p. 199).

«Американская сексуальная революция» (1956 г.)

В 1956 г. выходит книга «Американская сексуальная революция».¹⁸⁴ Как замечает сам Сорокин, появление книги было вызвано многочисленными откликами читателей на его опубликованную 3 января 1954 г. в журнале «This Week» статью «Аргументы против сексуальной революции». Книга также является органичной частью программы ученого по коренной перестройке человечества и личности.

Автор предлагает в ней систематический научный анализ возникновения и проникновения во все сферы американской социальной жизни середины XX века идеологии сексуальной революции. На основе колоссального количества исторического материала он прослеживает условия возникновения сексуальных преволуций в различных цивилизациях на протяжении человеческой истории и прелостерегает общество, испытывающее «опасный дрейф к пропасти».

---

¹⁸⁴ The American Sex Revolution. An Extending Horizons Book. Boston: P. Sargent, 1956. 186 p.

В книге содержится семь глав. Первая глава носит название «Революция в сексуальном поведении». Вторая глава называется «Сексуализация американской культуры». Третья глава озаглавлена «Воздействие сексуальных излишеств на человека и его близких». Четвертая глава называется «Социально-культурные последствия сексуальной анархии». Пятая глава называется «Секс в творческом росте и упадке общества». Глава шестая носит название «Америка на распутье». Завершающая, седьмая глава называется «От сексуального хаоса к разумной сексуальности».

В пятой главе книги ученый выдвигает две гипотезы:

Режим, который ограничивает сексуальную жизнь рамками признанного обществом брака и который морально осуждает и законодательно запрещает добрачные и внебрачные отношения, создает более благоприятные для творческого роста общества условия, чем режим свободных и беспорядочных сексуальных отношений, который не запрещает законодательно и не осуждает морально добрачные и внебрачные связи.

Режим, который допускает постоянную чрезмерную, незаконную и беспорядочную сексуальную активность, содействует утрате способности к культурному творчеству (Сорокин, 1956, с. 92).

Рассмотрев целый ряд примеров из истории древних и современных народов, автор находит в них подтверждение и доказательство правильности выдвинутых им как двух основных, так и определенного числа рассмотренных им дополнительных гипотез.

Сорокин заключает: «Основные и дополнительные гипотезы этой главы суммируют наблюдаемое единообразие в соотношении сексуальных и творческих сил. Это единообразие подтверждает высказывание Ганди: «Будущее за нравственными нациями».

«Причуды и недостатки современной социологии и смежных наук» (1956 г.)

В 1956 г. публикуется книга «Причуды и недостатки современной социологии и смежных наук». Б. Джонстон комментирует: «Корни Причуд уходят во многие ранние труды Сорокина, однако переформулированному содержанию книги был придан новый острый поворот в работе СОС: значение нашего кризиса. Эта работа основывается также на Динамике, Кризисе нашего времени и Реконструкции в смысле анализа истории и переформулировки современного кризиса». (Johnston, p. 189).

И далее: «Что касается содержания работы, то «том представлял собой «очистительную операцию», предназначенную для эмансипации общественных наук от 'принимаемых за последнее слово науки 'операционально определенных, эмпирически протестированных и точно отмеренных полу-правд, подделок и попросту ошибок'». (Johnston, p. 204).

Хотя, на первый взгляд, книга принадлежит к числу чисто теоретических трудов, на самом деле она в большой степени отмечена духом альтруистического периода. Так, Сорокин пишет в одном из своих писем того времени: «В качестве дополнения к продолжающимся исследованиям Центра, часть моего времени будет отведена написанием новой работы: Причуды и заблуждения современной социологии, антропологии и психологии ...а также ревизии моих Современных социологических теорий с целью предостережения новому поколению обществоведов относительно временно преобладающих в американской социологии и смежных науках бесплодных причуд и ненаучных заблуждений. Данный возврат к строгой социологии и обществоведению косвенно служит целям духовного и морального возрождения специалистов и ученых, а через них, и общества в целом». (Johnston, p.191).

«Интегрализм – моя философия» (1957 г.)

В 1957 г. ученый публикует небольшую, однако ёмкую статью «Интегрализм – моя философия». В этой работе П.А. Сорокин определяет интегрализм как комплексный, синтетический подход к изучению общества. Соответственно, учёный предлагает изучать его как с учётом глобальных изменений «социокультурных суперсистем», так и с точки зрения интегральной сущности самого человека.

Мыслитель рассматривает действительность как бесконечное множество различных качеств и количеств: духовных и материальных, меняющихся и неизменных и т. д. Наивысшей формой действительности П.А. Сорокин считает активное разумное творческое начало – Бесконечный Творческий Х. Согласно ученому, эмпирический аспект действительности постигается опытом, рациональный ее аспект познается разумом, например, посредством логики, математики и т. д., в то время как сверхчувственно-сверхрациональный аспект достижим лишь через творческое озарение и интуицию. Естественно, наиболее полной является истина, полученная через все три эти аспекта.

Сам человек – тоже интегральное существо. Он и познающий субъект, и рациональный мыслитель, и сверхчувственное и сверхрациональное существо, активный участник творческого Х всей Вселенной. Человек не только сознательное творенье, но и сверхсознательный творец, создающий явления культуры, отличающиеся от явлений неживой природы и органического мира. Этот культурный («суперорганический») мир существенно изменил поверхность земли и уже простирает своё влияние к Космосу (здесь идеи интегрализма суперорганического мира П.А. Сорокина перекликаются с мыслями В.И. Вернадского о ноосфере).

Важнейшей компонентой суперорганического мира является смысл. Высшей интегральной смысловой ценностью является единство Правды (Истины), Добра (неэгоистической любви) и Красоты (эстетических ценностей, произведений искусства). Таким образом, интегрализм П.А. Сорокина выступает не только как познавательная, но и морально-этическая доктрина. И эти понятия для него неразделимы. Каждая открытая истина, согласно П.А. Сорокину, это одновременно вклад в добро и красоту. Любой акт неэгоистической любви (добра) обогащает мир правды и красоты.

В то же время учёный констатирует, что за последние столетия деятельность человечества в области истины (научные открытия) и красоты (произведения искусства) опережала деятельность в области добра (неэгоистической любви). Поэтому ему не удалось открыть пути для морального облагораживания суперорганического мира и контроля над своими животными пристрастиями. В современную эпоху это накладывается на смену фаз социокультурной суперсистемы западной части суперорганического мира. В результате совместного действия двух этих причин встал вопрос о самом выживании человеческой цивилизации. Выход из этого кризиса П.А. Сорокин видит в необходимости увеличения неэгоистической творческой любви и этики солидарности.

Отсюда его интерес к теории созидательного альтруизма, которую он разрабатывает в 1940-е и 1950-е годы и о которой речь пойдёт далее. В конце этого же, переходного периода учёный обращается к циклическим концепциям социально-исторического процесса. В.В. Афанасьев отмечает по этому поводу: «Во многом благодаря влиянию Освальда Шпенглера, Питирим Сорокин (1889-1968) стал последовательным приверженцем циклической теории исторического развития. Сорокин подвергает критическому анализу основные положения своих предшественников и, используя новую

терминологию, пытается представить культурно-цивилизационную парадигму в качестве целостной теоретической концепции»¹⁸⁵.

Чеканный сорокинский рефрен относительно утери актуальности и ухода в прошлое понятия бесконечного исторического прогресса берёт своё начало именно в этот период времени.

«Власть и мораль» (1959 г.)

В 1959 г. выходит в свет книга «Власть и мораль: кто должен охранять охранников?»¹⁸⁶.

В книге 12 глав. Глава первая носит название «Идеологии морали правящего класса: три точки зрения». Глава вторая называется «Мораль и ментальность правителей». Глава третья анализирует «криминальность и мораль правителей государств». Глава четвертая исследует «другие элементы власти внутри государства». Глава пятая носит название «Выспренные декларации и низменная политика нынешних правителей». Глава шестая посвящена рассмотрению вопроса о том, «кто должен контролировать правителей?» Глава седьмая носит название «Предотвращая новую мировую войну». Глава седьмая описывает «три основные тенденции нашего времени». Глава девятая очерчивает «упадок чувственных ценностей, институтов и идеологий». Глава десятая предсказывает «появление нового порядка». Глава одиннадцатая призывает «к правительству ученых, мудрецов и праведников». И, наконец, глава двенадцатая посвящена проблеме перехода «от чувственного правительства к интегральному лидерству»

Б. Джонстон поясняет: «Эта работа была написана в соавторстве с одним из бывших студентов Сорокина из Миннесоты и Гарварда Уолтером А. Ланденом. Первая часть книги представляет собой длительную историю явлений власти и коррупции, начиная с Чингисхана и заканчивая Фрэнком Хэйгом¹⁸⁷ из Нью-Джерси. Она включает не только монархов, правителей и политических лидеров де-

---

¹⁸⁵ Афанасьев, В.В. Либеральное и консервативное // Шпенглер, О. Политические произведения / О. Шпенглер. Пер. с нем. В.В. Афанасьева. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 528 с. С. 435. (Прим. авт.)

¹⁸⁶ Sorokin, Pitirim, A., Lunden, Walter, A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians.» Boston, MA: Porter Sargent Publisher. 193 p. (прим. авт.)

¹⁸⁷ Фрэнк Хейг (1876-1956 гг.) – мэр города Джерси-Сити, штат Нью-Джерси с 1917-го по 1947 г. (прим. авт.)

мократий и тоталитарных государств, но и охватывает коррупцию в муниципальных и государственных администрациях, в индустрии и финансах, и даже таковую деятельность римских пап в тех случаях, когда власть последних простиралась на суверенные государства.

Данными исследованиями явно подтверждается не только утверждение Макиавелли о том, что «правитель, который желает удержать власть в своих руках, зачастую должен совершать злые поступки», но и изречение лорда Актона¹⁸⁸ «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Хотя современные правители не слишком отличаются от своих предшественников, ядерная энергия представляет беспрецедентную возможность разрушить весь мир. ...Встает первостепенной важности вопрос – Кто должен охранять охранников? В качестве ответа на этот извечный вопрос Сорокин и Ланден рекомендуют правительство ученых, мудрецов и праведников, которое способно осуществить переход от чувственного управления к Интегральному лидерству». (Johnston, p. 200).

§ 2.8. Обобщающий период (60-е гг.)

В шестой, завершающий (1960-е гг.), период своего научного творчества П.А. Сорокин снова «инвентаризирует» современные теории философии истории и обществоведения в поисках действенных способов решения извечных проблем человечества.

П.А. Сорокин находит многие точки соприкосновения между своими теориями и концепциями других «титанов философии истории»¹⁸⁹ и активно полемизирует с ними. В это период учёный пишет такие труды, как, например, «Современные исторические и социальные философии» (1963 г.), «Основные тенденции нашего времени» (1964 г.) и «Социологические теории современности» (1966 г.). К этому же периоду относится и автобиографическое эссе «Долгая дорога» (1963 г.).

---

¹⁸⁸ Джон Актон, известный также как лорд Актон (1834-1902 гг.) – английский историк и политик (Прим. авт.)

¹⁸⁹ См. например, Алалыкин-Извеков, В.Н. «Эволюция воззрений П.А. Сорокина на феномен цивилизации». (Прим. авт.)

§ 2.8.1. Работы обобщающего периода

«Современные исторические и социальные философии» (1963 г. («Социальные философии в век кризиса»))

В апреле 1950 г. учёный представляет цикл лекций, озаглавленный «Современная философия истории» в «Гарварде Юга» – Университете Вандербильта в штате Теннесси. В расширенном виде они публикуются в 1950 году под названием «Социальная философия в век кризиса»¹⁹⁰, а в 1963 г. выходят в свет уже под титулом «Современные исторические и социальные философии».

На широком историко-философском фоне в книге анализируются теории восьми социальных философов: Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, В. Шубарта, Н.А. Бердяева, Ф.С.К. Нортропа, А. Кребера и А. Швейцера. П.А. Сорокин завершает труд разделом «По направлению к обоснованной социальной философии», в котором исследует области согласования между данными теориями, а также их отношение к своим работам.

Социологические теории современности (1966 г.)

В 1966 г. выходит в свет труд ученого «Социологические теории современности»¹⁹¹. Книга является логическим продолжением «Современных социологических теорий», где, как мы помним, их история была прослежена до 1928 г. Вместе эти два тома представляют собой один из самых фундаментальных компендиумов социологических и, шире, обществоведческих теорий своего времени.

Критики отмечают фундаментальность и последовательность научного подхода: «Работа явно основывается на более ранних работах Сорокина, в особенности, на Причудах и Философиях. Следует также сказать, что он предлагает свой анализ в рамках разработанной в Динамике, а также в Обществе, культуре и личности теоретической парадигмы. (Johnston, p. 267).

Одним из источников книги послужил также доклад ученого в качестве президента Американской Социологической Ассоциации в

---

¹⁹⁰ Sorokin, P. (2001). Social Philosophies of an Age of Crisis. Literary Licensing, LLC. 356 pages.

¹⁹¹ Более подробный анализ данной работы см. в Alalykin-Izvekov, V. «Evolution of Pitirim A. Sorokin's views on the Phenomenon of Civilization» (Прим. авт.)

Чикаго в сентябре 1965 г., озаглавленный «Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow»¹⁹². (Johnston, p. 254).

Б. Джонстон свидетельствует: «В его речи теоретическое развитие социологии характеризовалось альтернативными периодами обнаружения фактов и синтеза. Социология вчерашнего дня представляла собой великую социологию, предметом исследования которой были широкие кросс-культурные и универсальные тенденции групповой динамики и социокультурной реальности. Социология сегодняшнего дня постепенно переместила фокус своего внимания с исследования цивилизаций, глобальных обществ и социально-исторических систем на методологию, нахождение и анализ фактов, а также на проблемы микро-социологического характера. (Johnston, pp. 254-255). ...К сожалению, нет более гигантов – «нет новых Платонов, Аристотелей, Ньютонов или Галилеев социологии ...нет даже лидеров калибра ...Дюркгейма, Вебера, Парето, Шелера, Шпенглера, Уорда, Самнера, У.А. Томаса и им подобных». (Johnston, p. 255).

Таким образом, *Sociological Theories of Today* служат мостом между социологией вчерашнего и завтрашнего дня. Метод презентации материала в книге в общих чертах напоминает таковой в «Современных социологических теориях» и в «Причудах». Сорокин вначале дает общую характеристику тому или иному ученому либо направлению, а затем предоставляет их критическую оценку. Наиболее существенный вклад в фундаментальную науку, считает Сорокин, внесли авторы системных макросоциологий культуры – Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Шубарт, Н.А. Бердяев, Ф.С.К. Нортроп, А. Кребер и А. Швейцер и др. Тот факт, что теории сходны по многим пунктам, подтверждает их правоту.

Сорокин заключает: «Согласие по данным тринадцати пунктам явно предполагает достаточную обоснованность данных заключений. В противном случае, согласие вряд ли могло быть достигнуто выдающимися учёными, в такой степени отличающихся друг от друга по своим философским воззрениям и методам, в отправных пунктах и материалах исследований, по своим менталитетам, персональным предпочтениям, а также биографиям. Несмотря на несовершенства данных теорий, каждая из них обращает внимание на один или не-

---

¹⁹² Pititium A. Sorokin «Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow», *American Sociological Review* 30 (December 1956): 833-843.

сколько важных аспектов культурных реалий; каждая из них обогащает наше понимание структуры и природы, взаимоотношений и процессов в макрокультурных единствах и, тем самым, всей культурной вселенной, включая наши собственные индивидуальность и поведение. (Сорокин, 1966, сс. 382-383).

§ 2.9. Историософия П.А. Сорокина - выдающийся вклад в мировую философско-историческую мысль

§ 2.9.1. Возникновение и эволюция унитарно-стадиального и плюрально-циклического подходов к философии истории

Мировая и, в особенности, российская философско-историческая мысль содержит значительное количество ценных концепций, теорий и парадигм социокультурного развития. Ю.И. Семенов полагает, что в философии истории превалируют два основных подхода: унитарно-стадиальный и плюрально-циклический (Семенов Ю.И. Философия истории, с. 89). Основываясь на научном анализе структуры и эволюции социокультурной вселенной, П.А. Сорокин разработал и предложил третью, синтезирующую научная парадигму, а именно, флуктуационный подход, который отражает его концепцию флуктуации интегрированных социокультурных систем.

Внимательное прочтение классических источников древности позволяет установить, что элементы историко-философского описания и анализа существуют уже в древних текстах Египта, Месопотамии, Израиля, Китая и Индии. В Древней Греции мы видим их в трудах Гесиода, Гомера и Феогида. Значительно более представительные интерпретации исторического процесса содержатся в трудах Геродота, Платона, Аристотеля, Фукидида и Полибия. В античности историю и картину описания знакомого им мира анализируют в своих трудах также Аврелий Августин, Марк Аврелий, Аполлоний Тианский, Апулей, Марк Теренций Варрон, Геродот, Тит Ливий, Лукреций, Павел Орозий, Пифагор, Филон Александрийский, Плотин, Плутарх, Тацит, Цицерон и Эпикур. Наиболее характерной для древнего и античного периода философской мысли является циклическая концепция истории. Она отражена, например, в воззрениях древнегреческого историка и философа Полибия (Polybius. The Histories, с. 108-136).

Представленный этим историком и другими мыслителями античности «круговорот» политических форм правления, эпох истории, стадий развития как обществ, так и их культур оказывает значительное влияние на философско-историческую мысль. Идеи исторической повторяемости получают развитие в эпоху Возрождения в Италии (Макиавелли, Кампанелла), в мусульманском мире (Ибн Хальдун), а также в творчестве итальянского мыслителя эпохи Просвещения Дж. Вико. Позднее концепция циклизма находит отражение, например, в различных теориях феномена цивилизации (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби) и российского циклизма (Ю.В. Яковец).

Философско-исторический анализ продолжают представители позднего эллинистического мира, например, анонимные авторы трактатов «Герметики». Их наследуют риторики и грамматики (Цензорин), ранние отцы христианской церкви и другие представители христианской теологической истории (Аврелий Августин, Орозий), которые не принимают античные теории исторической повторяемости и выдвигают положение провиденциализма, т. е. божественного провидения хода истории, а также представление об осуществляемом Божьей волей предопределенном, телеологическом характере исторического процесса. Допуская, что ход истории может быть обусловлен волей и устремлениями представителей рода людского, христианские философы истории, тем не менее, верят, что сама воля людская предначертана свыше.

Интерес к философии истории находит своих сторонников далеко за пределами греко-римской цивилизации. Так, в Книге библейского пророка Даниила представлена концепция Пяти Царств, а Ветхий и Новый Заветы содержат и другие концепции как «линейного», так и «циклического» развития.

Одним из ключевых понятий философии истории является понятие «цивилизация». Зачастую, оставаясь загадочным в своей многозначности, оно занимает умы самых выдающихся мыслителей человечества.

Понимаемое как некая высшая ступень в развитии общества, оно появляется уже в трудах такого арабского мусульманского философа истории как И. Халдун. В своей классической рукописи «Мукаддима» мыслитель использует философско-исторические концепции как «линейного», так и «циклического» развития. Хотя он и постулирует, что развитие общества происходит от низшей ступени («варварства») к высшей («цивилизации») путем развития форм произво-

дительной деятельности людей, в то же время, подобно Полибию, мыслитель считает, что социокультурные, особенно политические структуры, имеют циклическую по своей сути динамику, проходя через периоды как подъема, так и упадка (Khalidun I. *The Muqaddimah*, с. 123-263).

Собственно, термин «цивилизация» впервые используется в XVIII в. такими французскими и английскими просветителями, как Вольтер, А.Р. Тюрго,

Ш.Л. Монтескье и А. Фергюссон. Определения «цивилизация» и «цивилизованность» используются ими, прежде всего, при оценке степени социального и культурного «прогресса» различных народов мира, а потому этап цивилизации обозначает в их понимании следующий за «варварством» и «дикостью» период развития человечества. Как это очевидно, с постепенным падением влияния христианского мировоззрения в Европе концепции прогресса и цивилизации начинают подменять собой некогда безраздельно господствовавшее понятие божественного Провидения.

Значительные достижения эпохи Просвещения в области естественных наук обуславливают изменение взглядов многих мыслителей и ученых на понимание истории. Если законы природоведения позволяют истолковать и предсказать различные природные явления и процессы, то, видимо, появляется возможность выявить и определенные исторические закономерности.

Замысел создания науки, изучающей как природу человека, так и историческое развитие общества, находит плодотворную почву в среде французских философов эпохи Просвещения. Согласно Н. Кондорсе, положения таковой позволяют не только объяснить ход истории, но и предвидеть будущее (Condorcet J., с. 101).

Итальянский философ Дж. Вико критикует натуралистическое понимание природы и постулирует, что общества развиваются согласно повторяющемуся циклу эпох: божественной, героической и человеческой (Vico D. *The New Science*, с. 56). А родившийся в год смерти Вико (1774 г.) немецкий философ И. Гердер полагает, что «культуры», каждая в свое время, зарождаются, развиваются, достигают своей вершины и затем «увядают» (Herder J., с. 3-32).

Легко видеть, что доминировавшие в античности идеи цикличности сохраняют свое влияние во времена Возрождения (Макиавелли, Кампанелла) и получают дальнейшее развитие в воззрениях евро-

пейских мыслителей семнадцатого и восемнадцатого столетий (Дж. Вико, И. Гердер).

Критика Г. Гегелем натуралистических воззрений прослеживается в его «всемирно-исторической» философии. Мыслитель противопоставляет ход мировой истории природным процессам, обнаруживающим, по его словам, лишь извечное круговращение. Его понимание истории телеологично и сходно с теологическим, однако божественное Провидение замещает некая абстрактная мировая Идея или Абсолют (Hegel G.W., с. 10).

Разработанная американским учёным Л. Морганом «линейно-стадиальная» парадигма становится фундаментом для предлагаемой К. Марксом и Ф. Энгельсом социэкономической трактовки исторического развития. Основываясь на ней, К. Маркс подвергает радикальной критике идеалистические основы философии истории Г. Гегеля, а экономико-материальные факторы называются им в качестве основных двигателей исторического развития (Marx K. Capital, с. 25). Как это весьма очевидно, хотя здесь тенденция развития истории остается линейной или унитарно-стадиальной, идея Бога подменяется концепцией материально-экономических потребностей и взаимоотношений.

Данные и подобные им концепции о возможности научно анализировать структуру и эволюцию развития общества, а также предсказывать результаты на перспективу, находят поддержку среди определенного числа ученых и мыслителей девятнадцатого столетия (А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Бокль).

К концу девятнадцатого столетия, однако, этот исторический оптимизм ослабевает, а концепция прогресса отодвигается на задний план. Предлагаемые в это время философско-исторические теории начинают уделять все большее значение географическим детерминантам (О. Конт, Г. Спенсер, Г.Т. Бокль, Г. Риккерт, Э.Я. Реклю, Л.И. Мечников, Ф. Ратцель).

Другие же мыслители (А.Р.Ж. Тюрго, Г.В.Ф. Гегель), признавая определенную роль природных и хозяйственных факторов, решающую роль отводят духовным явлениям. Определенное значение в трудах мыслителей XIX в. также придается этнодемографическому взаимодействию и взаимовлиянию народов в процессе их исторической эволюции (Г.В.Ф. Гегель, М.М. Ковалевский, Ж. Мишле, Ф. Ратцель).

«Линейные» концепции цивилизации постепенно сменяются в конце девятнадцатого и начале двадцатого столетий «плюрально-циклическими» концепциями развития мировой истории, а именно, представлениями о человеческом сообществе как сумме «локальных цивилизаций» (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби).

Так, немецкий философ истории О. Шпенглер не принимает периодизацию истории на Античность, Средневековье и Современность. По-видимому, не без влияния теории российского мыслителя Н.Я. Данилевского, О. Шпенглер видит мировую историю как процесс развития независимых друг от друга культур, проживающих, подобно биологическим организмам, периоды рождения, развития и исчезновения (Spengler, с. 57).

Продолжая «плюрально-циклическую» философско-историческую тенденцию, известный философ истории из Великобритании А. Тойнби рассматривает ход всемирной истории как эволюцию двадцати шести цивилизаций, которые проходят сходные фазы развития и представляют собой, таким образом, ветви единого «древа истории». Согласно теориям историка, цивилизация – это замкнутое общество, процветающее в случае успешной реакции на вызовы истории под руководством элитарных меньшинств. Существенный исторический вызов может замедлить, приостановить и даже полностью прекратить развитие цивилизации вплоть до её исчезновения. Историк определяет пять последовательных стадий развития цивилизаций-обществ: «генезис», «рост», «смутное время», «универсальное государство» и «дезинтеграция». С течением времени лидирующее творческое меньшинство постепенно трансформируется в доминирующую верхушку общества, а «цивилизация» разделяется на элитарное меньшинство и пролетариат: внешний (окружающие «цивилизацию» «варвары» либо просто населения, принадлежащие к другой «цивилизации») и внутренний (отчуждённые социальные группы).

Стадии генезиса и роста в конце концов сменяются «смутным временем». Потребность доминирующего меньшинства удержать «цивилизацию» от дезинтеграции обуславливает создание универсального государства, коллапс которого обычно сопровождается распространением универсальной религии, созданной или заимствованной у других народов внутренним пролетариатом. Впоследствии эта новая религия может стать фундаментом для цивилизации

следующего поколения (Toynbee A. *A Study of History*, с. 244-246).

Можно утверждать, что данная парадигма имеет существенные недостатки, например, наличие лишь пяти последовательных стадий развития цивилизаций-обществ: «генезис», «рост», «смутное время», «универсальное государство» и «дезинтеграция». Более адекватной является, например, парадигма американского историка К. Куигли, увеличивающего число стадий развития цивилизации-общества до семи: «смещение», «брожение», «экспансия», «конфликтное время», «универсальная империя», «кризис», «вторжение» (Quigley C. *The Evolution of Civilizations*, с. 146). И тем не менее, предлагаемые А. Тойнби и К. Куигли стадии жёстки, последовательны и не предусматривают отклонений от заранее предусмотренной «программы».

С целью исправления данных недочетов, в рамках предлагаемой нами концепции новой междисциплинарной научной области «цивилизационики», была разработана модель эволюции цивилизации-общества, в которой предусмотрено девять основных стадий развития цивилизации-общества: «возникновение групп», «возникновение обществ», «смещение», «брожение», «экспансия», «смутное время», «универсальное государство», «кризис», «коллапс». Согласно этой концепции, цивилизация-общество проходит через определённую уникальную комбинацию девяти основных стадий. Исключительно важным при этом является то, что этот процесс может включать практически неограниченное число возможных сценариев. Данная парадигма также легко включает в себя, например, «эллинскую», «китайскую» и «еврейскую» модели А. Тойнби, а также выделенные им позднее стадии ареста, окаменения и различные конфигурации дезинтеграции (Alalykin-Izvekov V. *Civilizational Science*, с. 107).

Возвращаясь к эволюции унитарно-стадиального и плюрально-циклического подходов, следует отметить, что, начиная с середины XX века, наблюдается возрождение идеи о том, что человечество в процессе развития мировой истории проходит через определенные исторические этапы, в которых «цивилизация» является определенной «ступенькой» (К. Ясперс, М. Блок, Ф. Бродель и др.).

Немецкий философ истории К. Ясперс в своем варианте философии истории оперирует понятием «осевое время» (определяемым им как период в истории человечества между 800 и 200 гг. до н.э.), в течение которого мифологическое мировоззрение, в основ-

ном, сменяется рациональным и философским в мировых «цивилизационных центрах» – Греции, Риме, Палестине, Индии и Китае (Jaspers, с. 1-21).

Один из основателей французской историографической школы «Анналы» Ф. Бродель предлагает принимать во внимание при изучении мировой истории влияние географических и экономических факторов (Braudel, с. 9-23). Исследуя зарождение системы капитализма, Ф. Бродель становится также одним из предшественников мир-системной теории.

Во второй половине XX в. такие философы истории, как Т. дус Сантус, А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги разрабатывают теории зависимого развития и «мир-системного» анализа. Американский социолог и философ И. И. Валлерстайн является одним из основных авторов созданной под влиянием Ф. Броделя «мир-системной» теории. Доминирующим понятием этой теории является капиталистическая «мир-система», возникшая в шестнадцатом столетии, и, согласно ученому, включающая в себя ныне весь мир. Эта система подразделяется на центр, полупериферию, периферию, а её основной характеристикой является бесконечное стремление к накоплению капитала (Wallerstein, с. 1-22).

Французский философ и антрополог П.Т. де Шарден создает своего рода синтез католической христианской традиции и современной теории космической эволюции – «тейярдизм». Соответственно, основные труды философа концентрируются на переосмыслении догматов католической церкви в понятиях теории эволюции (Шарден, с. 31-36).

Австрийский и британский ученый К. Поппер критикует разнообразные теории исторического провидения, которые он именует «историцизмом». Согласно мыслителю, предшественником историцизма является теистическая концепция «избранного народа». Если натуралистический историцизм идентифицирует закономерности исторической эволюции с природными, то идеалистический отождествляет их с закономерностями развития духа (Popper, с. 3).

Американский философ и политолог С.Ф. Хантингтон является автором концепции глобального этнокультурного конфликта, известной как теория «столкновения цивилизаций». По мнению ученого, основным различием между народами в настоящее время является их культурная принадлежность. Концепция представляет динамику современных международных отношений как ряд конфликтов на

культурно-цивилизационной основе (Huntington, с. 40-55). Совершенно очевидно, что в научном наследии американского мыслителя наблюдается явное влияние плюрально-циклического подхода.

С конца XVIII века и в течение XIX столетия философско-историческая теория начинает активно разрабатываться в России. Уже в XVIII веке А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев, А.Н. Радищев критически оценивают современные им социальные условия, высказывают оригинальные взгляды на философию истории и предлагают свои концепции социокультурной эволюции общества. Некоторые из самых фундаментальных философско-исторических идей выдвигаются и разрабатываются российскими мыслителями. Если восемнадцатый век был свидетелем обещающих начинаний, то девятнадцатое столетие явилось периодом расцвета философско-исторической мысли в России. Хотя XX век оказывается весьма трудным для многих российских теоретиков, тем не менее, разработка ряда выдающихся теорий социокультурного и социоисторического развития кульминирует в двадцатом и в начале двадцать первого веков настоящей революцией в философско-исторических исследованиях.

Фундаментальный вклад в философию истории представляют собой исследования таких известных российских и родившихся в России учёных как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, Л.И. Мечников, И. Берлин, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Гумилёв, Б.С. Ерасов, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Яковец и Ю.И. Семенов.

§ 2.9.2. Флуктуационный подход в философии истории П.А. Сорокина

Как мы знаем, в начальный период своего научного творчества мыслитель придерживается позитивистско-бихевиористского подхода к изучению структуры общества и социокультурной динамике его развития. Впоследствии, трагические глобальные катаклизмы начала двадцатого столетия оказывают решительное влияние на картину мира философа. Ученый мыслит и предлагает свои идеи в границах разработанной им системной парадигмы интегральной философии истории. Проанализировав колоссальное количество научных источников и пребывая в непрерывном диалоге с крупнейшими мыслителями своего времени, П.А. Сорокин приходит к заключению, что, несмотря на значительные различия, их теории

характера и развития социокультурного универсума обнаруживают значительное сходство и разрабатывает синтезирующий флуктуационный подход, который отражает его теорию флуктуации интегрированных социокультурных систем.

Основываясь на многолетних размышлениях и наблюдениях, а также разработанной при помощи первоклассных специалистов базе тщательно выверенных исторических данных, ученый выдвигает теорию интегрированных социокультурных систем, которые он резко отличает от неинтегрированных образований. Опираясь на колоссальную базу данных о развитии мировой истории на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет, П.А. Сорокин детально разрабатывает теорию флуктуации интегрированных социокультурных систем, частным случаем которой является концепция культурных суперсистем как макроуровневых единиц мирового исторического развития. Результаты многолетнего изучения характера социума общества и динамики его социокультурного развития получают воплощение в его классическом четырёхтомном труде – «Социальная и культурная динамика: исследование изменений в основных системах искусства, истины, этики, юриспруденции и общественных отношений» (Sorokin, с. 630-698).

В основе данного теоретического конструкта лежат принцип имманентных изменений и принцип ограничения (лимита). Основываясь на этой тщательно разработанной и обоснованной философско-исторической парадигме, П.А. Сорокин выдвигает теорию смены чувственной, идеациональной и идеационной социокультурных суперсистем. Ученый заключает, что ни линейная, ни цикличная философско-исторические теории не являются оптимальными и выдвигает концепцию колеблющихся конфигураций общественного развития. Разработав тем самым научно-теоретические основы интегрального изучения общественного развития, ученый ставит его на прочную научную основу.

§ 2.9.3. Новые направления в философско-исторических исследованиях

Сорокинские идеи продолжают оказывать значительное влияние на мировую философско-историческую мысль. Благодаря тому, что П.А. Сорокин ставит изучение социокультурного универсума на

научный фундамент, становится возможной разработка новых направлений анализа основных характеристик социума и эволюции его развития. Опираясь на достижения великого российского и американского мыслителя, современные учёные способны предложить новые концепции, теории, парадигмы изучения структуры и динамики развития социокультурного универсума, а также проектировать пути и способы контроля глобальных кризисов.

В свое время П.А. Сорокин сожалел о немногочисленности авторов макро-социологического теоретизирования и призывал возобновить усилия по созданию более грандиозных научных философско-исторических систем (Sorokin, P.A. *Sociological Theories of today*, с. 67). Ответом на этот призыв выдающегося ученого явилось возникновение и стремительное развитие новых школ философско-исторической мысли – цивилизационной, культурологической, ноосферной, русского циклизма, биокосмологической и многих других.

В частности, на основе тщательного изучения достижений мировой философско-исторической мысли автором данной статьи были разработаны научные и методологические основы новой фундаментальной научной области – «цивилизационики». В ее рамках была создана классификация макроуровневых социокультурных феноменов и долговременных социокультурных процессов, а также предложен ряд концептуальных моделей структуры и эволюции общества (Alalykin-Izvekov V. *Sorokin's Contribution to the Civilizational Theory and Science*).

Заключение

Мы с Вами прошли долгий путь вместе с Питиримом Александровичем Сорокиным – одним из тех замечательных ученых, которые исследовали социокультурную структуру и эволюцию нашего стремительно глобализирующегося мира. Подведем же краткие итоги.

Уникальные обстоятельства жизни П.А. Сорокина мотивируют его на непрестанное совершенствование своих интеллектуальных познаний, умений и навыков с целью всестороннего познания социокультурной вселенной. Невзирая на выпавшие на долю учёного колоссальные жизненные испытания, он неизменно следует своему моральному компасу в направлении универсальных идеалов истины, добра и красоты. Участь у лучших умов своего поколения и обладая одним из самых могучих интеллектов своего времени, учёный в совершенстве осваивает доступные ему научные, интеллектуальные, исторические, культурные и эстетические богатства.

Вобрав в себя лучшие достижения мировой мысли, мыслитель приступает к анализу и формированию целостной и научной картины социокультурного мира, его структуры, эволюции и перспектив развития. Разработав и представив в своих классических трудах структуру и эволюцию социокультурной вселенной, а также указав пути решения всё более обостряющихся проблем стремительно глобализирующегося человечества, П.А. Сорокин становится не только «величайшим социологом мира», но и входит в число наиболее выдающихся философов в истории человечества.

В процессе изучения структуры и динамики развития социокультурной вселенной П.А. Сорокин последовательно проходит через семь этапов: христианско-идеациональный, позитивистски-бихевиористский, переходный, интегральный, провидческий, альтруистический и обобщающий. Учёный вносит значительный вклад в такие области, как предмет и метод социологии, социальная стратификация и социальная мобильность, социокультурная динамика, доктрина интегрализма, доктрина конвергенции, социология семьи и брака, социология альтруизма и любви, социология преступности и наказаний, социология права, социология религии и морали, поведение людей в экстремальных условиях (голод, разруха), социология революции, история социологии и социальной философии, философия истории.

Он создаёт ряд научных теорий, по праву вошедших в сокровищницу научного социокультурного знания человечества, включая теорию социальной стратификация и социальной мобильности, теорию социальной и культурной динамики, теорию интегрализма, теорию конвергенции, теорию созидательного альтруизма, теория поведения людей в экстремальных условиях (голод, революция, война, эпидемии и др.) и др.

Ученый являлся философом истории на протяжении всей своей уникальной жизни и научной карьеры, вначале в рамках христианско-идеалистической, затем позитивистско-бихевиористической и, в конце концов, интегральной парадигм.

«Сорокинская» философия истории является одной из его важнейших научных парадигм. В философию истории ученого входят: фундаментальная научная теория взаимосвязанного процесса развития общества, культуры и личности; научная теория постигающих человечество в течение всей его истории бедствий; основы научной теории феномена цивилизации и её современного кризиса, и наконец, научная теория творческого альтруизма как средства разрешения проблем стремительно глобализирующегося человечества.

Одной из наиболее детально разработанных аспектов «сорокинской» философии истории является его теория «культурных суперсистем» как макроуровневых единиц исторического развития. Разработав на базе разработанной им интегральной философии уникальную теорию основных характеристик и динамики развития социокультурного универсума, П.А. Сорокин создает предпосылки для развития философско-исторических исследований на прочной научной основе.

Список литературы:

1. Alalykin-Izvekov, Vladimir N. (2011). Sorokin's Contribution to the Civilizational Theory and Science // *Dialogue and Universalism*. Vol. XXI, No. 1/2011, 33-51.
2. Alalykin-Izvekov, Vladimir N. (2011). *Civilizational Science: The Evolution of a New Field*. *Comparative Civilizations Review*, 64, Spring, 103-116.
3. Alalykin-Izvekov, Vladimir N. (2009). *From Sorokin to Huntington and Beyond – Civilizations in Times of Change, Transition and Crisis*. – 2009 ISCSC Kalamazoo Conference Proceedings, International Society for the Comparative Study of Civilizations, ISCSC Press. (P. 173-183).
4. Alalykin-Izvekov, Vladimir N., Satkiewicz, Stephen. (2014). *From Brinton to Goldstone: A Scientific Civilizational Perspective on the Theory of Revolution*. *Comparative Civilizations Review*, 71, Fall, 67-89.
5. Allen, Philip J. Ed. (1963). *Pitirim A. Sorokin in Review*. Durham, N.C.: Duke University Press.
6. Johnston, Barry V. (1999). *Pitirim A. Sorokin on Order, Change and the Reconstruction of Society: An Integral Perspective*. *The Comparative Civilizations Review*, 41.
7. Johnston, Barry V. (1995). *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas.
8. Khroutski, Konstantin S. (2014). "Rehabilitating Pitirim Sorokin's grand Triadologic concept: A Biocosmological approach." *Biocosmology – neo-Aristotelism*. Vol.4, No.1&2 (Winter/Spring 2014): pp. 6–42
9. Lomonosova, Marina V. (2006). *Sociology of Revolution of P.A. Sorokin*. Ph.D. Dissertation. (In Russian Language). Saint-Petersburg.
10. Palencia-Roth, Michael. (2009). "On Giants' Shoulders: The 1961 Salzburg Meeting of the ISCSC." – *Civilizations in Times of Change, Transition and Crisis*. – 2009 ISCSC Kalamazoo Conference Proceedings, International Society for the Comparative Study of Civilizations, ISCSC Press.
11. Сорокин, П.А. *Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общая редакция предисловие и примеч. А.В. Липского*. – М.: Моск. Рабочий; ТЕРРА, 1992. – 303 с.

12. Sorokin, Pitirim A. (2008). *Sociology of Revolution*. (In Russian Language). Moscow: Astrel.
13. Sorokin, Pitirim A. (1998). *On the Practice of Sociology*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
14. Sorokin, Pitirim A. (1991). *Social and Cultural Dynamics*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers.
15. Sorokin, Pitirim A. (1975). *Hunger as a Factor in Human Affairs*. Gainesville: A University of Florida Book.
16. Sorokin Pitirim A. (1968). *Man and Society in Calamity: The Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence Upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life*. New York: Greenwood Press, Publishers.
17. Sorokin, Pitirim A. (1967). *The Sociology of Revolution*. New York: Howard Fertig.
18. Sorokin, Pitirim A. (1966). *Sociological Theories of Today*. New York and London: Harper & Row, Publishers.
19. Sorokin, Pitirim A. (1963). *A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven, Connecticut: College and University Press.
20. Sorokin, Pitirim A. (1963). *Modern Historical and Social Philosophies*. New York: Dover Publications.
21. Sorokin, Pitirim A. (1956). *Contemporary Sociological Theories: Through the First Quarter of the Twentieth Century*. New York: Harper & Row, Publishers.
22. Sorokin, Pitirim A. (1952). *Social Philosophies of an Age of Crisis*. Adam & Charles Black.
23. Sorokin, Pitirim A. (1947) *Society, Culture, Personality. Their Structure and Dynamics: A System of General Sociology*. New York & London: Harper & Brothers Publishers.
24. Sorokin, Pitirim A. (1942). *Man and Society in Calamity*. New York: E. P. Dutton and Company.
25. Sorokin, Pitirim A. (1937-1941). *Social and Cultural Dynamics*. (In 4 volumes). American Book Company.
26. Sorokin, Pitirim A. (1914). *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sotsiologicheskij etjud ob osnovnykh formakh obschestvennogo povedeniya i morali*. 1914, St. Petersburg: isdatelstvo Dolbysheva.
27. Zimmerman, Carle C. (1968). *Sorokin, The World's Greatest Sociologist*. University of Saskatchewan. 97 p.

28. Zyuzev, Nikolay F. (2004). Philosophy of Pitirim Sorokin. Ph.D. Dissertation. Moscow.
29. Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – Москва. – 2003. – 776 с.
30. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. – New Brunswick, New Jersey. – 1991. – 718 p.
31. Polybius. The Histories. – New York. – 1972. – 431 p.
32. Cairns G. Philosophies of History: Meeting of East and West in Cycle - Pattern Theories of History. – New York. – 1962. – 496 p.
33. Khaldun I. The Muqaddimah: An Introduction to History. – New York. – 1989. – 465 p.
34. Condorcet J. A. Dictionary of Philosophy and Religion: Eastern and Western Thought. By William L. Reese. – New Jersey, London. – 1987. – 18 p.
35. Vico D. The New Science. – Ithaca, London. – 1984. – 445 p.
36. Herder J. Another Philosophy of History and Selected Political Writings. – Indianapolis. – 2004. – 166 p.
37. Hegel G.W. The Philosophy of History. – Mineola, New York. – 2004. – 457 p.
38. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. – New York. – 1906. – 869 p.
39. Spengler O. The Decline of the West. – New York. – 1962. – 415 p.
40. Toynbee A. A Study of History. – London. – 1947. – 617 p.
41. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. – Indianapolis. – 1979. – 442 p.
42. Alalykin-Izvekov V. Civilizational Science: The Evolution of a New Field //
43. Comparative Civilizations Review. 2011. No 64. pp. 103 –116.
44. Jaspers K. The Origin and Goal of History. – New Haven, London. – 1953. – 294 p.
45. Braudel F. A History of Civilizations. – New York. – 1993. – 600 p.
46. Wallerstein I. World-Systems Analysis. – Durham, London. – 2007. – 109 p.
47. Chardin P. The Phenomenon of Man. – New York. – 1959. – 318 p.
48. Popper K. The Poverty of Historicism. – London, New York. – 2002. – 156 p.
49. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York. – 1997. – 367 p.

50. Sorokin P. Sociological Theories of Today. – New York, London. – 1966. – 676 p.
51. Alalykin-Izvekov V. Sorokin's Contribution to the Civilizational Theory and Science // Dialogue and Universalism. 2011. No 1. pp. 33-51.
52. Alalykin-Izvekov V. From Sorokin to Huntington and Beyond – Civilizations in Times of Change, Transition and Crisis. – Kalamazoo. – 2009. – pp. 173-183.
53. Alalykin-Izvekov, V., Satkiewicz S. From Brinton to Goldstone: A Scientific Civilizational Perspective on the Theory of Revolution // Comparative Civilizations Review. 2004. No 71. pp. 67– 89.
54. Сорокин, П.А. Система социологии / Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.

